

# ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1905.

№ 2.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Буддизмъ и христіанство. <i>Г. Крамнитскаго</i> . . . . .	65—88
Папа Левъ XIII, какъ богословъ (опоччаніе). <i>М. Леонтьева</i> . . . . .	89—103
„Нъ тихой пристани“. (Библиографическая заимѣтка). <i>К. Истомина</i> . . . . .	104—112

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Гелогія и Библия (опоччаніе). <i>С. Глазогова</i> . . . . .	87—52
Ученіе Лейбница о происхожденіи и сущности зла. <i>А. Г.</i> . . . . .	58—88

III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату.—Приманъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.—Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя извѣщенія. II. Посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода возлюбленнымъ чадамъ Св. Православной Всероссійской Церкви.—По поводу событій, переживаемыхъ Россіей, и посланія Святѣйшаго Синода къ православнымъ русскимъ людямъ. *Д. В-ва*—Истинный и ложный либерализмъ и консерватизмъ. *Самъ Д. Романкова*.—Медллица въ деревнѣ. *Семъ. Н. Кромехо*.—Кто имѣетъ право на посвященіе въ стихарь? Епархіальныя хроники.—Инепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.



ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17

1905.

# „ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные статьи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль вѣческихъ философовъ, могущія опровергнуть, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и по времени язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помещается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по двѣдцати и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗНОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ливні, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя выемчяныя ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г., по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 185 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Британо. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

# О ВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА И РАЗУМЪ въ 1905 году.

Вступая съ Божіею помощію въ XXII-й годъ изданія журнала „Вѣра и Разумъ“, редакція по прежнему сохраняетъ убѣжденіе, что современное наше образованное общество, кромѣ религіозно-нравственнаго назиданія, нуждается въ опроверженіи различныхъ религіозно-нравственныхъ заблужденій, въ оправданіи и выясненіи христіанскихъ началъ жизни и вообще въ указаніи на гармоническое единеніе вѣры и знанія, богооткровенной истины и человѣческой науки. Это направленіе дано нашему журналу славнымъ основателемъ его, въ Бозѣ почившемъ Архіепископомъ Амвросіемъ. Оно же далѣе нашло одобреніе и бывшаго преемника его по святительской каеедрѣ, Высокопреосвященнаго Флавіана, нынѣ митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Оно же затѣмъ находитъ благосклонное одобреніе, архипастырское благословеніе и просвѣщенное покровительство въ лицѣ Высокопреосвященнаго Арсенія, нынѣшняго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. — Соотвѣтственно съ этимъ, журналъ нашъ по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ канонивъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорнѣе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Таки какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства, „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстій по Харьковской епархіи“, въ который войдутъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту. Этотъ отдѣлъ журнала (3-й), по предложенію Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, будетъ расширенъ редакціею на 24 печатныхъ листа въ годъ, съ цѣлю дать мѣстному духовенству большую возможность высказывать свои сужденія, наблюденія и пожеланія.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

**Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.**

*Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.*

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ»

Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Ш. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1896 г., по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 и 1903 г. 9 р. и за 1903 г. 10 рублей.

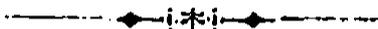
Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

*Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:*

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Браггана. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненія „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСЪДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.



Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Января 1905 года.

Харьковъ Типографія Губернскаго Правленія.

Πίστει νοοῦμεν.

*Вѣрою разумѣаемъ.*

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Января 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ*.

## БУДДИЗМЪ И ХРИСТИАНСТВО.

Разборъ главныхъ основаній теорій о мнимой зависимости евангельскихъ сказаній отъ буддійскихъ легендъ.

Въ наше время буддизмъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. И есть писатели, которые пытаются доказать зависимость евангельскихъ сказаній отъ буддійскихъ легендъ. Но изъ безпристрастнаго и строго научнаго разсмотрѣнія жизни Будды по легендамъ ясно можно видѣть, какъ далека эта жизнь отъ земной жизни нашего Господа и Спасителя, изображенной въ евангеліяхъ, и какъ сказочна она. Рожденіе принца—основателя буддизма, его дѣтство и юность, проведенныя въ нѣгѣ, роскоши и удовольствіяхъ; добровольное удаленіе отъ условій прежней жизни, вслѣдствіе знакомства съ ея отрицательными сторонами; подвиги самоистязанія и самоизнуренія, какъ безплодная попытка пайти выходъ изъ бѣдственнаго существованія человѣка на землѣ; внутреннее озареніе, какъ результатъ продолжительнаго размышленія, открывшее смыслъ этого существованія и указавшее средства полнаго избавленія отъ него; первоначальное сомнѣніе въ успѣхѣ своей проповѣди; скитальческая жизнь нищенствующаго аскета до глубокой старости и, наконецъ, смерть отъ невоздержанія въ пищѣ—всѣ эти черты не имѣютъ даже и самаго слабаго и отдаленнаго сходства съ земною жизнью Христа Спасителя. Казалось бы, что, при такомъ различіи въ существенномъ и основномъ содержаніи буддійскихъ легендъ отъ евангельскихъ сказаній, не можетъ быть даже вопроса о сопоставленіи ихъ между собою; между тѣмъ, ислѣдователи отыскиваютъ мпожество

сходствѣ евангельскихъ сказаній съ буддійскими легендами, указывающихъ, по ихъ мнѣнію, на зависимость первыхъ отъ послѣднихъ. При чемъ не трудно замѣтить, что подобная зависимость признается главнымъ образомъ, если не исключительно, за тѣми именно евангельскими сказаніями, въ которыхъ сообщается о чудесныхъ, сверхъестественныхъ событіяхъ изъ земной жизни нашего Господа. Рѣшительно и безусловно отрицая самую возможность подобныхъ событій въ мірѣ, жизнь котораго происходитъ будто бы только по строго опредѣленнымъ законамъ, эти изслѣдователи смотрятъ на всякія сказанія о чудесахъ, какъ на вымыслы фантазіи, и относятъ ихъ къ области мифовъ <sup>1)</sup>. Отсюда и евангельскія сказанія, приведенныя на одну ступень съ языческой мифологіей, сопоставляются съ легендами сродными имъ по своему происхожденію; а это сопоставленіе, въ свою очередь, открываетъ такое множество сходствъ въ содержаніи, что не остается никакого сомнѣнія въ заимствованіи. Самый же характеръ сходныхъ рассказовъ весьма ясно указываетъ, что заимствование могло быть произведено только со стороны евангелія, а не буддійскихъ легендъ.

<sup>1)</sup> Всякая религія, по мнѣнію Зейделя, основывается на вѣрѣ въ воздѣйствіе Бога на міръ и человѣческую душу. Въслѣдствіе такой вѣры, въ сознаніи религіознаго человѣка возникаетъ тенденціозное воззрѣніе, по которому все поразительное, необычайное для него, не укладывающееся въ кругъ явленій извѣстнаго ему натурального порядка, является дѣломъ Божіимъ или, по крайней мѣрѣ, признается совершающимся при посредствѣ Божественной помощи. Въ подобномъ же тенденціозномъ направленіи одновременно съ этимъ начинается производительная дѣятельность фантазіи (Das Evangel. 239—241 стр.). Подъ вліяніемъ такой двойной тенденціи, составляется представленіе объ основателяхъ религій, какъ сверхъестественныхъ лицахъ. Чѣмъ далѣе стоятъ современники отъ пониманія внутренняго міра основателя религій, чѣмъ болѣе чужды для нихъ его внутренніе опыты, чѣмъ богаче и сильнѣе кажутся имъ эти опыты, тѣмъ сильнѣе возникаетъ у современниковъ склонность видѣть въ нихъ контрастъ со всѣмъ естественнымъ. Отсюда уже рожденіе этого человѣка, въслѣдствіе контраста его съ остальными людьми, представляется Божественнымъ воплощеніемъ, давно задуманнымъ, подготовленнымъ и предсказаннымъ, а въ послѣдствіи смерть его превращается въ возвращеніе на небо. (Тамъ же 317—318 стр.). Слѣдовательно, по мнѣнію Зейделя, сказанія о чудесахъ религіозныхъ основателей составляютъ произведеніе тенденціозной дѣятельности фантазіи; поэтому и его замѣчаніе, что многіе евангельскіе рассказы обязаны своимъ происхожденіемъ свободной и грѣвозбужденной фантазіи, очевидно, относится къ сказаніямъ о чудесныхъ событіяхъ въ жизни нашего Господа.

Такимъ образомъ, главнымъ основаніемъ для признанія зависимости евангелій отъ буддійскихъ легендъ служить взглядъ на чудеса, какъ событія, въ дѣйствительности невозможныя, и на сказанія о нихъ, какъ вымыслы. Такое воззрѣніе, замѣтимъ прежде всего, далеко не ново и не оригинально. Оно обще всѣмъ критикамъ-раціоналистамъ, которые ими совершенно исключаютъ изъ новозавѣтныхъ священныхъ писаній всѣ рассказы о чудесныхъ событіяхъ, какъ вымыслы <sup>1)</sup>, или же стараются низвести эти событія на степень обыкновенныхъ, естественныхъ явленій, только изображаемыхъ въ формѣ чудесъ <sup>2)</sup>.

Относительно мнѣнія, отрицающаго все чудесное, какъ невозможное, замѣтимъ, что оно не только не имѣетъ научнаго характера, но даже противорѣчитъ основнымъ требованіямъ здраваго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, по требованію этого мышленія, мы можемъ что-нибудь утверждать или отрицать, только имѣя достаточное основаніе для этого. Основаніемъ для признанія возможности существованія какого-либо явленія можетъ служить одно фактическое указаніе на это существованіе или же согласіе мысли о такой возможности съ требованіями разума, или даже непротиворѣчіе ея этимъ требованіямъ. Основаніемъ же для признанія невозможности существованія какого-либо явленія должно служить не только полное несомнѣнное отсутствіе этого явленія въ дѣйствительности, но и не опровержимое доказательство того, что самая возможность этого явленія противорѣчитъ всей дѣйствительности, а мысль о немъ противорѣчитъ всѣмъ законнымъ требованіямъ здраваго, непредубѣжденнаго человѣческаго смысла. Поэтому для

1) Schenkel. Characterbid Iesu. 1864. 70—80, 111—113 стр. Hausrath. Neutestament Zeitgeschichte. 1872—73. II t. 301—302 стр. Keim. Geschichte Iesu. 1875. 166—177 стр. Въ основаніи „Жизни Иисуса“ (Vie de Iesus. 1864) Ревана лежитъ та именно мысль, что все чудесное и сверхъестественное въ первобытномъ христіанствѣ должно быть отвергнуто, какъ физическая невозможность. Руководясь подобнымъ взглядомъ на чудесное, Штраусъ въ своемъ произведеніи: „Жизнь Иисуса“ (Das Leben Iesu) евангельскія сказанія о чудесахъ относитъ къ области мифовъ. Зейдель и другіе подобно ему изслѣдователи неопредѣленный у Штрауса мифъ, какъ источникъ сверхъестественнаго элемента въ евангельскихъ сказаніяхъ, замѣняютъ буддійскими легендами. (Das Evang. 305).

2) Таковы воззрѣнія Де-Ветте и Павлюса.

утвержденія возможности чуда, достаточно одного признанія, что существуетъ Богъ, Творецъ и Промыслитель міра, совершающій иногда, согласно Своимъ премудрымъ планамъ, особенныя, чрезвычайныя дѣла, для блага Своимъ нравственно-разумныхъ тварей, независимо отъ неизмѣнно установленнаго Имъ теченія жизни этого міра. А такое признаніе необходимо вытекаетъ изъ понятія о Богѣ, какъ живомъ, личномъ и вѣчно дѣятельномъ высочайшемъ Существомъ, попятія, единственно оправдываемаго требованіями разумно-нравственной человѣческой природы и подтверждаемаго существованіемъ и гармоническимъ устройствомъ вселенной въ ея цѣломъ и отдѣльных частяхъ. Вѣра въ бытіе Бога присуща всемъ народамъ, на какой бы ступени духовнаго развитія они не стояли. Она такъ глубоко вкоренена въ человѣческую природу, составляетъ столь неотъемлемую и не уничтожимую ея поверхность, что человѣкъ, сознательно отрекшійся отъ такой вѣры, въ дѣйствительности, самъ того не замѣчая, вмѣсто отвергнутаго Бога, ставитъ себѣ идоловъ; вмѣсто служенія Творцу, поклоняется твари. Міровоззрѣнія, выдающія себя за научно обоснованныя, отрицающія бытіе Бога во имя науки, впадаютъ въ то же заблужденіе. Матеріализмъ, отрицая бытіе Бога, надѣляется божественными свойствами матерію; раціонализмъ обоготворяетъ человѣка, ставя выше всего человѣческій разумъ, признавая его непогрѣшимымъ судьей и главнымъ критеріемъ истины. Однако же вся эта замѣна религіозной вѣры, весь этотъ жалкій суррогатъ богопочитанія никогда полно и всецѣло не удовлетворяютъ жажды души, стремящейся къ Богу, въ силу своей богоподобной природы, и томящейся въ отчужденіи отъ Него. Объ этомъ невольномъ порывѣ человѣческой души къ Богу прекрасно замѣтилъ еще Тертуліанъ въ слѣдующихъ незабвенныхъ словахъ: „Хотите ли вы доказательствъ о существованіи Бога? Вникните въ дѣянія Его, которыя васъ окружаютъ, сохраняютъ, увеселяютъ, устрашаютъ. Прислушайтесь свидѣтельства самой души вашей, которая, не смотря на темницу тѣла, на предразсудки и дурное воспитаніе, на свирѣпство страстей, на рабство ложнымъ богамъ, когда возбуждается какъ бы отъ пьянства или отъ глубокаго сна, когда

почувствуетъ, такъ сказать, искру здоровья, невольнымъ образомъ призываетъ имя единого Бога и вопіетъ: „Великій Боже! Благій Боже! что угодно Богу“! Стало быть, имя Его находится въ устахъ всего свѣта. Душа признаетъ Его за Судью слѣдующими словами: „Богъ видитъ, надѣюсь на Бога, Богъ воздастъ мнѣ“. О свидѣтельство души, естественно христіанской! Произнося подобныя слова, она обращаетъ взоры свои не къ Капитоліи, но къ небу, вѣдая, что тамъ чертогъ Божій, что оттуда сама она происходитъ, потому что происходитъ отъ Самого Бога“.

Вслѣдствіе такого стремленія души человѣческой къ Богу, никакое атеистическое міровоззрѣніе никогда полно и всецѣло не овладѣвало какимъ-либо народомъ. Какъ бы громко не заявлялъ о себѣ атеизмъ, какъ бы высоко ни поднималъ онъ свою надменную голову, всегда лучшіе люди оставались глубоко вѣрующими въ Бога, смиренно склоняли предъ Нимъ свои колѣна и признавали свою грѣховность предъ Его всесовершеннѣйшею святостью. Увлечение атеизмомъ, какъ бы ни было сильно, никогда не бываетъ ея постояннымъ явленіемъ въ жизни народной: томящійся духъ рано или поздно сбрасываетъ съ себя его ледяныя оковы, и все громче и рѣшительнѣе заявляетъ о себѣ на время заглохшая въ немъ потребность религіозной вѣры. Самый періодъ господства атеизма всегда представляетъ собою крайне мрачную, безотрадную эпоху въ духовной жизни народа, какою бы не блестящею она ни казалась съ внѣшней стороны. Отсутствие твердыхъ, устойчивыхъ принциповъ въ духовной жизни; постыдное блужданіе изъ стороны въ сторону; рѣзкій переходъ отъ одной крайности къ другой, оканчивающійся каждый разъ горькимъ разочарованіемъ; полный упадокъ нравственности; крайнее развитіе эгоизма; умноженіе пороковъ и преступленій; отсутствіе высшихъ интересовъ; отсюда пустота жизни, общее недовольство жизнью—вотъ обычное состояніе общества, утратившаго вѣру въ живого истиннаго Бога! Это томленіе души, угасившей въ себѣ вѣру въ Бога, этотъ глубокій мракъ, покрывающій несчастную душу въ ея отчужденіи отъ Него, служатъ самымъ сильнымъ, неопровержимымъ и поразительнымъ дока-

зательствомъ бытія Бога, какъ высочайшаго жирога Существа, къ тѣсному общенію съ Которымъ такъ неудержимо стремится живая душа человѣка.

На дѣйствительное бытіе Бога, Существа личнаго, премудрѣйшаго, всемогущаго и всесовершеннѣйшаго, Творца и Промыслителя міра, указываютъ душѣ человѣка, чуждой всякихъ предубѣжденій, существованіе и устройство самаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялся этотъ чудный необъятный міръ? Откуда изумительные порядокъ и стройность въ его жизни, при безконечномъ множествѣ и неисчислимомъ разнообразіи его составныхъ частей и наполняющихъ ихъ существъ? Откуда явилась на немъ жизнь? Откуда разумъ, которымъ такъ кичится современное человѣчество?—Гордые мечтанія матеріалистовъ объяснить происхожденіе міра путемъ механическаго соединенія бездушныхъ частицъ матеріи, безъ всякаго участія высшаго разума и творческой силы, являются пустыми бреднями праздної фантазіи, омраченной невѣріемъ. Не только происхожденіе міра, какъ великаго стройнаго цѣлаго, но даже появленіе на землѣ растеній, животныхъ и самого человѣка навсегда останется неразрѣшимой загадкою для тѣхъ, кто не признаетъ бытія всемогущаго Творца. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ всѣ попытки объяснить происхожденіе и устройство міра на самомъ дѣлѣ указываютъ только условія, а не причину происходившихъ, согласно этимъ теоріямъ, въ первоначальной матеріи измѣненій и новыхъ образованій. На всѣ вопросы о происхожденіи и устройствѣ міра можетъ быть только одинъ вполне основательный и разумный отвѣтъ: „Такъ Богъ создалъ и устроилъ“. Такое признаніе не есть отказъ отъ рѣшенія данныхъ вопросовъ, прикрывающійся ссылкой на неизвѣстную въ дѣйствительности причину, называемую въ этомъ случаѣ Богомъ. Нѣтъ, это голосъ самой природы, это глубочайшее убѣжденіе души человѣка, неотразимый выводъ самого человѣческаго разума. Бытіе міра указываетъ на бытіе Бога; его необъятность и стройность свидѣтельствуютъ о величіи, всемогуществѣ, благодати и высочайшемъ разумѣ Самого Творца.

Такимъ образомъ, и природа самой души человѣка, и окру-

жающей ее необъятный міръ неотразимо убѣждаютъ въ бытіи живого личнаго Бога, Творца и Промыслителя всего міра. Но если существуетъ Богъ, высочайшее, премудрѣйшее, всемогущее и всеблагое Существо, то Онъ можетъ и совершать чудеса. Если міръ есть не произведеніе слѣпого рока, не беспорядочное и бессмысленное сцѣпленіе мертвой матеріи, а великое и прекрасное Божье созданье, то неужели Самъ всемогущій Творецъ не можетъ имѣть никакой власти въ созданномъ Имъ мірѣ? Если Богъ сотворилъ разумную и бессмертную душу человѣка, то Онъ можетъ и возвратитъ жизнь умершему, возстановитъ силы немощному, подать исцѣленіе страждущему. Чудесныя дѣйствія Бога являются не разстройствомъ установленнаго Имъ Самимъ порядка міровой жизни, не нарушеніемъ данныхъ Имъ же общихъ законовъ этой жизни, а наоборотъ,—возстановленіемъ этого порядка, разстроеннаго злою волею свободно-разумныхъ созданій,—ослабленіемъ и прекращеніемъ многочисленныхъ бѣдствій, внесенныхъ въ жизнь человѣка и окружающей его природы, вслѣдствіе нарушенія должнаго общенія человѣка съ Богомъ. Отсюда чудеса получаютъ весьма важное нравственное значеніе: они напоминаютъ человѣку объ особенной близости къ нему Бога, о Его истинно отеческомъ попеченіи о Своемъ созданіи и такимъ образомъ возбуждаютъ въ человѣкѣ глубокую вѣру въ Бога, искреннюю сыновнюю любовь къ Нему и твердую надежду на Его всемогущую помощь.

Другимъ основаніемъ для признанія возможности чудесъ служитъ удостовѣреніе о нихъ, какъ дѣйствительныхъ явленій, возвышающихся надъ обычнымъ теченіемъ жизни природы, со стороны честныхъ и непредубѣжденныхъ писателей, имѣющихъ здравый разумъ, неповрежденные органы чувствъ и должное вниманіе къ совершившемуся. А такими именно свидѣтелями—очевидцами были писатели нашихъ каноническихъ евангелій, что своевременно будетъ нами доказано. При чемъ, подлинность и неповрежденность ихъ сказаній, сохранившихся до нашего времени, подтверждается непрерывнымъ рядомъ послѣдовательныхъ историческихъ свидѣтельствъ и неизмѣннымъ многовѣковымъ вѣрованіемъ вселенской Церкви, а

также содержаніемъ самыхъ сказаній. Слѣдовательно, для несомнѣннаго признанія возможности чуда, достаточно одного евангельскаго сказанія о подобномъ событіи изъ земной жизни нашего Господа и Спасителя.

Для правильнаго отрицанія возможности чудесъ, нужно полное знаніе рѣшительно всѣхъ силъ и законовъ всего міра, знаніе всѣхъ возможныхъ проявленій этихъ силъ, словомъ, знаніе всей міровой жизни въ ея основахъ и обнаруженіяхъ. Кроме того, нужно полное знаніе всей жизни высочайшаго Бога, чтобы можно было засвидѣтельствовать, что Онъ не творитъ чудесъ. Нужно, наконецъ, полное и глубокое пониманіе всей духовной природы человѣка, чтобы можно было объяснить вѣру въ чудеса, при ихъ совершенной невозможности, общую всѣмъ народамъ всѣхъ странъ и временъ, какъ обща и вѣра въ бытіе Бога. Значитъ, отъ человѣка, ограниченнаго по своимъ силамъ и способностямъ, въ этомъ случаѣ потребовалось бы безграничное, слѣдовательно, не человѣческое знаніе Бога, міра и человѣка. А такое знаніе можетъ принадлежать только Богу. Слѣдовательно, человѣкъ, уже въ силу одной своей ограниченности, никогда не можетъ отрицать сверхъестественнаго воздѣйствія Бога на міръ и человѣка; а если онъ рѣшается на это, въ такомъ случаѣ или грубо заблуждается, или произноситъ наглую ложь.

Но если чудеса возможны, то отсюда слѣдуетъ, что нельзя смѣшивать чудесное съ фантастическимъ, всякое сказаніе о чудѣ относить къ области миеовъ. Различіе между чудеснымъ и фантастическимъ, непонятное для критиковъ-раціоналистовъ, совершенно отрицающихъ все сверхъестественное, очевидно для непредубѣжденнаго христіанскаго изслѣдователя. Чудесное есть дѣло Бога, совершаемое Имъ для достиженія высшихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей въ мірѣ свободно-разумныхъ существъ. Фантастическое есть произведеніе человѣческой фантазіи, не сдерживаемой участіемъ разума и нравственнаго чувства, стремящейся возбудить удивленіе къ своему произведенію. Чудесное имѣетъ глубокой смыслъ; фантастическое бессмысленно. Чудесное трогаетъ душу высотой своего внутренняго содержанія; фантастическое поражаетъ вѣшною необъят-

ностью и чудовищностью своихъ образовъ. Чудесное очищаетъ и возвышаетъ душу; фантастическое подавляетъ и развращаетъ ее. Только совершенно оставляя безъ вниманія такое различіе между чудеснымъ и фантастическимъ, изслѣдователи могли всѣ евангельскіе рассказы и чудесныхъ событіяхъ наравнѣ съ буддійскими легендами объявить произведеніями причудливой фантазіи. Но серьезное и безпристрастное отношеніе къ этимъ рассказамъ показало бы этимъ изслѣдователямъ, что глубокая пропасть отдѣляетъ евангельскія чудеса отъ фантастическихъ диковинокъ буддійскихъ легендъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по единогласному свидѣтельству нашихъ каноническихъ евангелій, Иисусъ Христосъ былъ личнымъ носителемъ Божественной силы, которою Онъ пользовался по Своему желанію, при совершеніи дѣлъ любви и милосердія. Это была та великая сила, которую Онъ чувствовалъ исходящею изъ Себя, при прикосновеніи къ Нему больной женщины, съ вѣрою ожидавшей отъ Него исцѣленія <sup>1)</sup>. Ослѣпленные злобою фарисеи приписывали эту силу дѣйствію въ Иисусѣ Христѣ дьявола <sup>2)</sup>; но Самъ Божественный Чудотворецъ торжественно опровергалъ это ложное мнѣніе, самымъ дѣломъ разрушая мрачное царство дьявола <sup>3)</sup>, и указывалъ источникъ Своей чудотворной дѣятельности въ дѣятельности Своего Отца: „Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю“ <sup>4)</sup>. Самый способъ совершенія чудесъ Иисусомъ Христомъ указывалъ именно на то, что великій Чудотворецъ вполнѣ обладаетъ, какъ собственностью, тою необычайною силою, которою Онъ совершалъ изумительныя дѣла. „Прощаются тебѣ грѣши твои“; „встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой“; „юноша, тебѣ говорю, встань“; „дѣвица, встань“; „Лазарь, иди вонъ“; „Я повѣлѣваю“ тебѣ <sup>5)</sup>, вотъ выраженія, которыя употреблялъ Иисусъ Христосъ, при совершеніи чудесъ. Объ обладаніи такою чудотворною силою Спаситель громко и безъ страха заявлялъ.

1) Лук. 8 гл. 46 ст.

2) Мѡ. 12 гл. 24 ст. Мрк. 3 гл. 22 ст.

3) Мѡ. 12 гл. 25—28 ст.

4) Иоан. 5 гл. 17 ст.

5) Мѡ. 9 гл. 2 ст. Мрк. 2 гл. 9 ст. 9 гл. 25 ст. Лук. 5 гл. 20, 23 ст. 7 гл. 14, 48 ст. Иоан. 5 гл. 8 ст. 11 гл. 43 ст.

предъ толпою озлобленныхъ фарисеевъ и книжниковъ, искавшихъ повода къ обвиненію великаго Учителя. И никто, даже изъ самыхъ смертельныхъ Его враговъ, не рѣшался отвергать присутствіе у Него подобной силы, оспаривать Его превосходство въ этомъ отношеніи предъ остальными людьми. Онъ и училъ, и совершалъ чудеса, какъ имѣющій власть, а не какъ жалкіе мечтатели о своемъ сверхъестественномъ могуществѣ <sup>1)</sup>. Въ противоположность Іисусу Христу, всѣ основатели различныхъ религій древности никогда не высказывали притязанія на обладаніе чудотворною силою. Никто изъ нихъ лично не творилъ чудесъ. Жизнь великихъ людей древности, по представленію ихъ послѣдователей и почитателей, была только связана тайственными узами съ жизнью могущественной природы, которая производила чудеса, независимо отъ личнаго участія этихъ людей.

Правда, и въ евангеліяхъ упоминается о такихъ чудесахъ, которыя не были совершены Іисусомъ Христомъ, но сопровождали различныя событія изъ Его земной жизни. Таковы: явленіе ангеловъ и появленіе звѣзды, при Его рожденіи; чудеса, бывшія при Его крещеніи, преображеніи и смерти. Для правильнаго пониманія чудесъ подобнаго рода, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Іисусъ Христосъ, по Его собственному свидѣтельству, находился въ постоянномъ неразрывномъ единеніи съ Своимъ Отцомъ Небеснымъ. „Я и Отецъ одно“ <sup>2)</sup>. Въ этомъ единеніи Онъ и указывалъ источникъ Своей дѣятельности. Поэтому всѣ чудеса, не совершенныя лично Іисусомъ Христомъ, были совершены Божественнымъ всемогуществомъ Бога Отца, посланнаго на землю Своего Единороднаго Сына, для спасенія человѣчества. Слѣдовательно, чудеса этого рода были результатомъ дѣятельности Божественной личности. Самъ Іисусъ Христосъ неоднократно обращался къ Своему Отцу о ниспосланіи Ему Божественной помощи <sup>3)</sup>, значить, эти чудеса могли быть обнаруженіемъ такой помощи. Съ другой стороны, евангелія ясно указываютъ на непосредственное уча-

<sup>1)</sup> Мѡ. 7 гл. 21 ст. 21 гл. 23 ст. Мрк. 2 гл. 10 ст.

<sup>2)</sup> Іоан. 10 гл. 30 ст.

<sup>3)</sup> Мѡ. 11 гл. 25, 26 ст. Іоан. 11 гл. 41 ст. 12 гл. 28 ст. 17 гл. 1, 11, 24 ст.

стіе Бога Отца въ совершеніи нѣкоторыхъ чудесъ <sup>1)</sup>. А въ иныхъ случаяхъ не было непосредственнаго участія Бога Отца, но совершеніе ихъ происходило по Его волѣ <sup>2)</sup>.

Второю выдающеюся чертою евангельскихъ чудесъ служитъ строго нравственный характеръ и высокая цѣль ихъ совершенія. Всѣ они направлялись къ возбужденію, развитію и укрѣпленію вѣры въ Іисуса Христа, какъ Единороднаго Сына Божія, къ пробужденію искренняго раскаянія въ своихъ грѣхахъ, твердой рѣшимости исправить свою жизнь, и вызывали чувство глубокаго благоговѣнія предъ великимъ Благодѣтелемъ-Чудотворцемъ. Тщеславіе, корыстные расчеты, стремленіе удовлетворить праздно любопытство, изумить окружающихъ никогда не служили побужденіями къ совершенію чудесъ Господомъ и Спасителемъ.

Совсѣмъ не такими представляются чудеса, которыя приписываются послѣдователями языческихъ религій своимъ богамъ и героямъ. Сказанія объ этихъ чудесахъ есть произведеніе пылкой фантазіи, не сдерживаемой нравственнымъ чувствомъ. Многія изъ этихъ сказаній напоминаютъ собою сказки изъ „Тысяча одной ночи“. Въ нихъ фантазія не жалѣетъ красокъ, не останавливается ни предъ какими числами. О высоко-нравственной цѣли большинства этихъ рассказовъ совсѣмъ не можетъ быть и рѣчи. Самыя чудеса, по этимъ рассказамъ, совершаются для того, чтобы не возвысить духовную природу человѣка, а скорѣе унижить и подавить ее, чтобы изумить и поразить очевидцевъ. Языческій чудотворецъ тотъ же фокусникъ, хвастающійся своею способностью и умѣньемъ производить изумительныя явленія. Поэтому между такими чудотворцами, какъ и между фокусниками, возможны состязанія въ совершеніи чудесъ. Самое чудотвореніе принимаетъ иногда сценическій характеръ и производится для развлеченія и забавы публики. Такъ Будда состязался съ противниками своего ученія въ чудотвореніи; для этого состязанія было даже назначено особое зданіе. При чемъ онъ совершилъ слѣдующія чудеса:

<sup>1)</sup> Мат. 3 гл. 17 ст. 17 гл. 5 ст. Лук. 3 гл. 22 ст.

<sup>2)</sup> Лук. 1 гл. 19, 26 ст.

1. Черезъ своего ученика Ананду онъ исцѣлилъ брата Косальскаго царя Калы произвошеніемъ слѣдующей формулы: „Между всѣми существами, не имѣющими ногъ и имѣющими по двѣ ноги или по нѣсколько ногъ, между имѣющими форму и не имѣющими ея, между имѣющими сознаніе и не имѣющими его Татгагата, совершенный и полный Будда, названъ первымъ существомъ. Между всѣми законами, исполненными и не исполненными, привязанность названа первымъ закономъ. Между всѣми собраніями, скопищами, толпами, сборищами собраніе слушателей Татгагаты названо первымъ собраніемъ. Теперь пусть твое тѣло дѣйствіемъ этой истины, объявленіемъ этой истины сдѣлается такимъ, какимъ оно было прежде“.

2. Царскій посолъ Уттара, по благословенію Будды, поднялся на воздухъ и такимъ образомъ возвратился отъ Будды къ своему повелителю.

3. Будда предался размышленію такого рода, что лишь только духъ погрузился въ него, то показалось пламя, выходящее изъ замочной щели, которое охватило все зданіе, назначенное для совершенія Буддою чудесъ, и зданіе не сгорѣло.

4. Будда велѣлъ явиться яркому свѣту, который наполнилъ весь міръ необыкновеннымъ блескомъ.

5. Когда Будда положилъ ногу на землю, произошло землетрясеніе; солнце и луна ярко заблистали; явились разныя чудесныя видѣнія, воздушныя божества посыпали на Будду цвѣты и травы.

6. По благословенію Будды, благочестивые подвижники летали по воздуху.

7. Погрузившись въ размышленіе, Будда исчезъ съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ; поднялся на воздухъ съ западной стороны и показался здѣсь въ четырехъ положеніяхъ: ходячемъ, стоячемъ, сидячемъ и лежачемъ. Когда онъ приблизился къ восточной сторонѣ, изъ его тѣла вышелъ разноцвѣтный лучъ, изъ нижней части тѣла явилось пламя, а изъ верхней—вода. То же самое онъ продѣлалъ и на трехъ остальныхъ сторонахъ.

8. Къ Буддѣ явились боги, поклонились ему и устроили ему лотусъ въ видѣ колесницы, на которую Будда сѣлъ; а боги окружали его.

9. Одинъ изъ учениковъ Будды произвелъ грозу и разрушилъ зданіе, назначенное для противниковъ ученія Будды.

10. Самъ Будда произвелъ свою магическую фигуру и велъ съ нею бесѣду <sup>1)</sup>).

Послѣ всего сказаннаго нами о чудесахъ, кажется, не трудно рѣшить, насколько справедливо мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, будто сказанія о чудесныхъ событіяхъ неумѣстны въ нашихъ евангеліяхъ, такъ какъ они только затемняютъ образъ Основателя христіанства и унижаютъ возвышенное духовное содержаніе возвѣщеннаго Имъ ученія <sup>2)</sup>). Если чудеса возможны, то и евангельскіе рассказы о нихъ, какъ достовѣрныя свидѣтельства о дѣйствительныхъ событіяхъ, сообщаемыя добросовѣстными свидѣтелями—очевидцами, нисколько не могутъ унижать достоинство каноническихъ евангелій, содержащихъ въ себѣ историческое изображеніе земной жизни Господа Спасителя.

Самыя чудесныя событія, о которыхъ сообщаютъ евангелія, по своему строго-правственному характеру нисколько не унижая высочайшаго Христова ученія, въ то же время находятся въ полномъ согласіи съ этимъ ученіемъ и подтверждаютъ его истинность. Такъ Иисусъ Христосъ училъ о Себѣ, какъ истинномъ Сынѣ Божіемъ, а чудесный голосъ съ неба при Его крещеніи и преображеніи засвидѣтельствовалъ ту же истину. Иисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ, какъ Спасителѣ міра, обѣтованномъ Мессіи, о Которомъ предсказывали еще ветхозавѣтные пророки; а при Его рожденіи явившійся виелеемскимъ пастухамъ ангелъ возвѣстилъ, что рожденный Младенецъ, возлежащій въ скотскихъ ясляхъ, есть Спаситель міра. Иисусъ Христосъ заповѣдалъ Своимъ послѣдователямъ взаимную любовь; а совершенныя Имъ чудеса были дѣлами любви и милосердія.

Правда, нѣкоторыя сказанія о чудесахъ, въ которыхъ Иисусъ Христосъ представляется цѣлителемъ страждущихъ и другомъ—утѣшителемъ скорбящихъ, Зейдель не считаетъ недостойными нашихъ каноническихъ евангелій, хотя самымъ

1) Burnonf. Intraduction стр. 174—188.

2) Seydel. Das Evangelium стр. 319.

сказаніямъ придаетъ значеніе притчей и символовъ, а не историческихъ повѣствованій. Но зато въ сказаніяхъ о чудесахъ другого рода, въ которыхъ изображается величіе Іисуса Христа, какъ истиннаго Сына Божія, Зейдель прямо видитъ миеомъ; хотя и признаетъ, что въ каноническихъ евангеліяхъ миеомическаго элемента меньше сравнительно съ апокрифами и буддійскими легендами <sup>1)</sup>. Въ такомъ отношеніи къ чудесамъ этого рода состоитъ коренное заблужденіе Зейделя и подобныхъ ему мыслителей. Всѣ эти мыслители видятъ въ лицѣ Іисуса Христа только учителя,— правда, гениальнаго, возвѣстившаго возвышеннѣйшее ученіе любви и кротости, но только учителя—человѣка, а не Богочеловѣка—Спасителя міра. Ихъ помраченныя невѣріемъ очи не видятъ Его Божественнаго Лица; каждое указаніе на Его Божество они считаютъ миеомомъ, скрывающимъ отъ насъ Его дѣйствительный человѣческій образъ. Такой взглядъ на Лицо Іисуса Христа составляетъ главную основу всѣхъ теорій, устанавливающихъ зависимость христіанства отъ буддизма, служитъ тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ строится все сложное зданіе ученій, направленныхъ противъ христіанства и его Основателя. Но этотъ же взглядъ является самымъ глубокимъ заблужденіемъ, въ которое когда-либо впадала человѣческая мысль,—самою страшною ложью, которая когда-либо сходила съ человѣческихъ устъ! Если Іисусъ Христосъ только человѣкъ, хотя бы величайшій и гениальнѣйшій, но не Богочеловѣкъ; если Онъ только учитель, хотя бы мудрѣйшій изъ всѣхъ, но не Искупитель, не Спаситель человѣческаго рода: въ такомъ случаѣ, христіанская религія безъ Искупителя, лишенная обѣщаній въ будущемъ и исторіи въ прошедшемъ, основанная на суевѣрной довѣрчивости и распространенная силою лжи, есть только ужасный обманъ и грубое заблужденіе. Вся его многовѣковая исторія есть самая плачевная, самая жалкая изъ человѣческихъ исторій. Побѣда христіанства надъ языческимъ міромъ, въ такомъ случаѣ, есть крайній позоръ и униженіе человѣческаго рода. Самъ Іисусъ Христосъ,

<sup>1)</sup> Тамъ же 243—244 стр

положившій Свою жизнь на крестѣ, какъ Божественный Искупитель челоѳчества, долженъ быть признанъ жалкимъ мечтателемъ или самымъ дерзкимъ обманщикомъ. Галилейскіе рыбаки, воодушевленные вѣрою въ Божество своего Учителя, силою проповѣди объ этой вѣрѣ побѣдившіе народы и царства, тысячи мучениковъ, съ радостью и мужествомъ принимавшихъ тяжкія страданія и позорную смерть за эту вѣру, большая и лучшая часть челоѳческаго рода, почти девятнадцать вѣковъ поклоняющаяся Іисусу Христу, какъ Богу,—все это вешастные, презрѣнные мечтатели, находящіеся въ самомъ грубомъ и жалкомъ заблужденіи, или отъявленные лжецы—лицемѣры, съ самымъ поразительнымъ коварствомъ обманывающіе другъ друга безъ всякой цѣли и смысла. Чудная, благородная, изумительно чистая нравственная система христіанства безъ вѣры въ Божественнаго Искупителя является лишевною своей основы. Къ чему, въ такомъ случаѣ, то глубокое смиреніе, то полное самоотверженіе, та беззавѣтная преданность волѣ Божественной, которыя требуются христіанствомъ отъ своихъ послѣдователей? Напрасно бѣдный грѣшникъ, томимый глубокимъ внутреннимъ разладомъ между высокими требованіями нравственнаго долга и собственнымъ преступнымъ поведеніемъ, будетъ искать себѣ здѣсь прощеніе своихъ грѣховъ, успокоеніе своей возмущенной совѣсти и тѣ великія силы, которыя нужны ему для новой лучшей жизни. Напрасно несчастный страдалецъ, удрученный скорбями и бѣдствіями земной жизни, будетъ надѣяться получить себѣ отраду, утѣшеніе и душевную бодрость.

Однимъ словомъ, отвергнуть вѣру въ Божество Спасителя значитъ предать позорному забвенію или дерзкому издѣвательству самыя славныя страницы въ исторіи челоѳчества, отречься отъ свѣта, озарившаго всю челоѳческую жизнь, проникшаго въ самыя глубокіе тайники челоѳческой души, втоптать въ грязь все самое дорогое для челоѳческаго сердца! Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ отрицаніе Божества Іисуса Христа! Быть можетъ, сами легкомысленные отрицатели, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, пришли бы въ ужасъ,

еслибы могли ясно представить всю чудовищность неизбѣжныхъ выводовъ изъ ихъ основнаго положенія.

Отсюда ясно, что сказанія о чудесахъ не только умѣстны въ нашихъ евангеліяхъ, но имѣютъ здѣсь весьма важное и существенное значеніе: они подтверждаютъ и укрѣпляютъ вѣру въ Божество Спасителя, вѣру, которая составляетъ главную основу всей христіанской религіи.

Однакоже такое значеніе евангельскихъ сказаній о чудесахъ совсѣмъ отвергается изслѣдователями буддизма. Если христіанство старается доказать свое Божественное происхожденіе указаніемъ на сверхъестественныя событія въ жизни его Основателя, то и всѣ языческія религіи также претендуютъ на признаніе своихъ основателей божественными личностями, обладателями сверхъестественныхъ силъ и совершителями чудесъ. Слѣдовательно, этотъ доводъ христіанства, какъ общій всѣмъ религіямъ, не имѣетъ дѣйствительнаго значенія; пользуясь имъ, христіанство не выдѣляетъ себя изъ остальныхъ религій, а наоборотъ, ставитъ себя на одинъ уровень съ ними. Ошибочность такого мнѣнія очевидна. Употребленіе христіанствомъ, для подтвержденія своего Божественнаго происхожденія, такого приема, который встрѣчается и въ языческихъ религіяхъ, нисколько не говоритъ о его безуспѣшности. Все дѣло здѣсь не въ приѣмѣ, а въ самомъ содержаніи приводимаго доказательства. Если бы христіанство приписывало своему Основателю чудесныя дѣйствія, по своему характеру, смыслу и цѣли совершенно одинаковыя съ чудесами, которыя, по сказанію языческихъ религій, совершались ихъ богами и героями, въ такомъ случаѣ, этотъ поводъ, несомнѣнно, не имѣлъ бы значенія. Но мы уже видѣли все глубокое различіе между чудесами Христа Спасителя и языческихъ чудотворцевъ. Въ то время, какъ языческія религіи приписываютъ своимъ богамъ и героямъ чисто фантастическія, не высокія въ нравственномъ отношеніи, а иногда и прямо грубыя и безнравственныя сверхъестественныя дѣйствія, или же ставятъ ихъ жизнь въ таинственную связь съ окружающею природою, которая сама производитъ чудеса, при различныхъ событіяхъ въ этой жизни; одинъ только Основатель христіанства является личнымъ со-

вершителемъ дѣйствительныхъ чудесъ, обнаруживающихъ въ Немъ изумительное величіе Его духа и безграничную силу Его любви и милосердія, а потому являющихся вполнѣ достойными истинно Божественной Личности. Значить, христіанство, для доказательства Божества Іисуса Христа, съ полнымъ успѣхомъ пользуется тѣмъ приѣмомъ, который въ языческихъ религіяхъ, при всемъ ихъ усиліи, оказался неудачнымъ и безцѣльнымъ.

Съ другой стороны, указаніе на чудеса Іисуса Христа, какъ на доказательство Его Божества, нисколько не унижаетъ достоинства христіанской религіи предъ язычествомъ. Если всѣ религіи стараются доказать свое божественное происхожденіе свидѣтельствомъ о чудодѣйственной силѣ своихъ основателей, значить, самое стремленіе ихъ въ этомъ случаѣ не случайно, а имѣетъ глубокой смыслъ. Въ этомъ стремленіи обнаруживается вкорененное въ человѣческую природу сознаніе того, что избавить человѣка отъ ига грѣха, болѣзни, страданій и смерти можетъ только Богъ. Это сознаніе не было утрачено человѣкомъ и въ отчужденіи отъ Бога. Только удалившись отъ Бога, человѣкъ началъ составлять ложныя представленія о Немъ, приписывая чудесныя дѣйствія простымъ смертнымъ людямъ или же вымышленнымъ существамъ. Происхожденіе во всѣхъ языческихъ религіяхъ этихъ надѣленныхъ чудодѣйственною силою образовъ, въ которыхъ язычникъ видѣлъ своихъ боговъ—избавителей, ясно указывало, что истиннымъ Спасителемъ міра должна быть высочайшая Божественная Личность, обладающая всемогущею силою чудотворенія. А такую Личностью былъ пришедшій во плоти Сынъ Божій. Значить, христіанство въ данномъ случаѣ представляетъ собою осуществленіе тѣхъ чаяній, которыя смутно предносились человѣческому роду въ его удаленіи отъ Бога, и полное удовлетвореніе стремленій человѣческой души, томившейся подъ тяжкимъ бременемъ грѣха и смерти.

Общее замѣчаніе о сопоставленіи евангельскихъ сказаній съ буддійскими легендами.

Объявивъ съ гордымъ самомнѣніемъ всѣ чудеса невозможными и чрезъ это пизведши евангельскія сказанія въ область

мировъ, европейскіе поборники буддизма съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, стараются найти сходство этихъ сказаній съ буддійскими легендами. Эта попытка при желаніи не остается безплодной: не только почти каждый евангельскій рассказъ, но и каждая отдѣльная черта въ рассказѣ, а нерѣдко даже выраженія и слова оказываются вполне сходными съ священными буддійскими произведеніями. Множество найденныхъ такимъ образомъ мнимо поразительныхъ сходствъ естественно вызываетъ вопросъ объ отношеніи между собою сходныхъ евангельскихъ и буддійскихъ сказаній. При сопоставленіи этихъ сказаній между собою, первыя изъ нихъ обнаруживаютъ въ себѣ всѣ несомнѣнные будто бы признаки заимствованія изъ послѣднихъ; въ этомъ же еще сильнѣе убѣждаетъ и болѣе позднее происхожденіе евангелій, сравнительно съ буддійскими легендами.

Въ виду того значенія, которое придается изслѣдователями найденнымъ ими сходствамъ, мы подвергнемъ полному разбору послѣдовательно всѣ сопоставляемыя евангельскія и буддійскія сказанія. Этотъ разборъ лучше всего покажетъ, насколько основательно и справедливо такое сопоставленіе. А теперь считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно общихъ недостатковъ этого сопоставленія, невольно обращающихъ на себя вниманіе безпристрастнаго и не предубѣжденнаго читателя.

Всѣ изслѣдователи, враждебно относящіеся къ христіанству, сравнивая между собою буддійскіе и евангельскіе рассказы, обычно упускаютъ изъ виду общій смыслъ и характеръ этихъ рассказовъ, рассматривая ихъ внѣ всякой связи съ цѣлымъ, въ которомъ они заключаются. Понятно, что чрезъ это невѣстный рассказъ можетъ утратить свой первоначальный смыслъ и значеніе и принять чуждую ему окраску; такъ какъ только связь части съ цѣлымъ проливаетъ надлежащій свѣтъ на самую часть. Такое отношеніе къ сопоставляемымъ между собою сказаніямъ даетъ весьма широкій просторъ личной фантазіи изслѣдователей и приводитъ ихъ къ ложнымъ воззрѣніямъ. Не имѣя въ виду дѣйствительнаго смысла и значенія рассказовъ въ общемъ ходѣ повѣствованія, изслѣдователи придаютъ особенное значеніе отдѣльнымъ, часто маловажнымъ частностямъ

и, на основаніи ихъ, стараются установить сходство между такими рассказами, которые существенно отличны другъ отъ друга. Отсюда въ сопоставленіяхъ появляются натяжки, несообразности и очевидныя противорѣчія. Главныя черты одного повѣствованія, существенно отличающія его отъ другого, совсѣмъ опускаются или ложно истолковываются; съ другой стороны, особенно сильно оттѣняются и выставляются на первый планъ не имѣющія существеннаго значенія черты, которыя почему-либо кажутся сходными между собою. Вслѣдствіе этого, иногда сопоставляются такіе рассказы, въ которыхъ упоминается только одно сходное слово; при чемъ не обращается вниманіе даже на смыслъ этого упоминанія въ томъ и другомъ рассказѣ. Стремленіе найти сходство между евангеліями и легендами иногда заходитъ такъ далеко, что приводитъ къ сопоставленію такихъ рассказовъ, въ которыхъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго.

Въ другихъ случаяхъ все вниманіе обращается исключительно на весьма отдаленное и слишкомъ общее сходство между рассказами; при чемъ совсѣмъ оставляются въ сторонѣ всѣ характеристическія черты, существенно отличающія его отъ всякаго другого рассказа и придающія особый смыслъ и значеніе сходному пункту въ каждомъ изъ сопоставленныхъ случаевъ.

Самое признаніе буддійскихъ легендъ оригиналомъ для сходныхъ съ ними, по мнѣнію изслѣдователей евангельскихъ сказаній, не имѣетъ научнаго достоинства. Въ большинствѣ случаевъ для этого признанія не приводится никакихъ доводовъ: изслѣдователи, безъ сомнѣнія, считаютъ зависимость евангельскихъ сказаній вполнѣ очевидною, не нуждающеюся ни въ какихъ доказательствахъ и объясненіяхъ; хотя для не предубѣжденнаго читателя она является далеко не такою. Въ другихъ случаяхъ, чтобы придать своему мнѣнію характеръ научнаго положенія, изслѣдователи приводятъ доказательства зависимости евангельскихъ сказаній отъ легендъ; но и тогда въ дѣйствительности они оказываются чуждыми научнаго безпристрастія. Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ основаніемъ для признанія самостоятельности буддійскихъ легендъ, въ

ущербъ евангельскимъ сказаніямъ, изслѣдователи признаютъ указаніе надлежащаго мотива въ легендахъ и отсутствіе его въ евангеліяхъ. Но опредѣляя мотивы сходныхъ разсказовъ, они поступаютъ съ свойственнымъ имъ пристрастіемъ къ буддизму и предубѣжденіемъ къ христіанству. Они всячески стараются найти вполне достаточное основаніе и надлежащій мотивъ для такихъ чертъ буддійскаго разсказа, которыя кажутся имъ сходными съ нѣкоторыми чертами соотвѣтствующаго евангельскаго сказанія; при чемъ, не придуманная, а исторически дѣйствительная основа этого послѣдняго сказанія, дышащаго простотою и естественностью, совершенно игнорируется. Съ другой стороны, подыскивая мотивы для всѣхъ буддійскихъ легендъ, чтобы доказать ихъ оригинальность сравнительно съ не мотивированными евангельскими сказаніями, изслѣдователи въ иныхъ случаяхъ отсутствіе надлежащаго мотива въ легендѣ считаютъ доказательствомъ оригинальности ея; слѣдовательно, два противоположныхъ явленія служатъ основаніемъ для подтвержденія самостоятельности легенды; таково научное безпристрастіе поборниковъ буддизма!

Другимъ основаніемъ для признанія самостоятельности буддійскихъ легендъ обычно считается ихъ ясность и полная доступность для пониманія, вопреки будто бы страннымъ и непонятнымъ евангельскимъ сказаніямъ. Но и въ этомъ случаѣ, указывая такое превосходство легендъ предъ евангеліями, изслѣдователи не отрѣшаются отъ своего пристрастія къ буддизму: они всегда стараются уяснить только буддійскія легенды; поэтому всякая частность здѣсь представляется вполне умѣстной и понятною; она оказывается вытекающею изъ общаго смысла разсказа или изъ основныхъ положеній буддійскаго ученія. Евангельскія же сказанія или отдѣльныя черты изъ этихъ сказаній обычно кажутся изслѣдователямъ странными и непонятными, но не потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ не находили для себя надлежащаго объясненія, а потому, что эти изслѣдователи не хотятъ знать подобныхъ объясненій и только иногда дѣлаютъ краткое замѣчаніе о несостоятельности произвольно взятаго ими того или иного объясненія изслѣдуемаго сказанія. Результатомъ такого пристрастнаго отношенія является обращеніе

къ буддѣйскимъ легендамъ, какъ первоисточнику евангельскихъ сказаній, проливающему будто бы надлежащій свѣтъ на эти послѣднія сказанія, хотя въ дѣйствительности по своему смыслу и значенію они существенно отличны отъ воображаемаго первоисточника.

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, сопоставленіе евангельскихъ сказаній съ буддѣйскими легендами и признаніе происхожденій ихъ изъ этихъ послѣднихъ представляются научно не состоятельными и въ другомъ отношеніи. Разказы о Буддѣ, которые характеризуются учеными изслѣдователями буддизма <sup>1)</sup>, какъ странныя, неправдоподобныя, невѣроятныя, полныя легендарныхъ подробностей, безъ сомнѣнія, не историческія, не только сопоставляются съ простыми, естественными, дышащими искренностью евангельскими сказаніями, историческій характеръ которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но даже считаются первоисточникомъ этихъ послѣднихъ. Если евангельскіе разказы отличаются несомнѣнно историческимъ характеромъ, то происхожденіе ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснять изъ басенъ и легендъ. Въ противномъ случаѣ должно отвергнуть всякую исторію.

Съ другой стороны, въ большинствѣ случаевъ каждое изслѣдуемое евангельское сказаніе сопоставляется не съ одною какою-либо легендою, которая бы съ самаго начала до конца оказывалась сходною съ нимъ, а съ нѣсколькими легендами, нерѣдко входящими въ составъ различныхъ священныхъ буддѣйскихъ книгъ; при чемъ, ни съ одною изъ этихъ легендъ не проводится строгая параллель евангельскаго сказанія, а изъ каждой легенды заимствуются только отрывки, въ какомъ-нибудь отношеніи напоминающіе собою отдѣльныя черты изъ этого сказанія. Правда, сравнительно съ другими буддѣйскими произведеніями, по мнѣнію изслѣдователей, Лалита Вистара оказывается наиболѣе сходною съ нашими евангеліями; но и въ этой книгѣ сами изслѣдователи, несомнѣнно, вопреки своему искреннему желанію, принуждены многое опустить, какъ не имѣющее ни малѣйшаго соответствія себѣ въ каноническихъ евангеліяхъ.

<sup>1)</sup> Минаевъ. Буддизмъ 3—5 стр.

Несостоятельность такого способа сопоставленія между собою христіанскихъ и буддійскихъ произведеній очевидна. Строгая послѣдовательность и стройная цѣлостность каждаго евангельскаго сказанія служатъ наилучшимъ доказательствомъ его самостоятельности и независимости отъ безсвязныхъ отрывковъ, случайно выхваченныхъ изъ различныхъ легендъ, не имѣющихъ между собою рѣшительно ничего общаго. При томъ, эти отдѣльныя сказанія находятся между собою въ тѣсной внутренней связи и составляютъ одно повѣствованіе о земной жизни нашего Господа и Спасителя. А изъ случайныхъ отрывковъ никогда нельзя составить даже одного связнаго и стройнаго разсказа, а тѣмъ болѣе цѣлої исторіи жизни, да еще представляющей собою такое необъятное богатство внутренняго содержанія, какое оказалось далеко не исчерпаннымъ въ теченіе девятнадцати вѣковъ огромнымъ числомъ изслѣдователей. Какой ничтожной и безразсудной оказалась бы всякая попытка составить подобное повѣствованіе изъ тѣхъ жалкихъ отрывковъ, какіе теряются въ массѣ утомительно длинныхъ, скучныхъ, малосодержательныхъ и нерѣдко запутанныхъ буддійскихъ легендъ! А еслибы дѣйствительно изъ нихъ удалось составить наши евангелія, то компиляторская дѣятельность составителя въ этомъ случаѣ безмѣрно превосходила бы даже самое изумительное творчество геніальнѣйшаго автора!

Далѣе, если такимъ способомъ опредѣлять самостоятельность письменныхъ произведеній, то, безъ сомнѣнія, не окажется ни одного оригинала, кромѣ перваго по времени своего появленія сказанія. Вѣдь непремѣнно въ каждомъ произведеніи, разъ оно явилось на человѣческомъ языкѣ, какая-нибудь черта въ большей или меньшей степени будетъ напоминать собою ту или иную черту въ какомъ-либо другомъ произведеніи; найдутся отдѣльныя слова и цѣлыя выраженія, общія нѣсколькимъ словеснымъ произведеніямъ. Поэтому неудивительно, если въ огромной массѣ буддійскихъ легендъ, особенно если ихъ разсматривать съ предвзятой точки зрѣнія, находятся отдѣльныя черты, выраженія и слова, скольконибудь напоминающія собою отдѣльныя мѣста изъ евангельскихъ сказаній. Повятно,

состоятельность послѣднихъ чрезъ это вѣсколько не можетъ быть заподозрѣна.

Приведенныхъ нами краткихъ замѣчаній, кажется, достаточно для того, чтобы познакомить читателя съ общимъ характеромъ такъ называемой „буддійско-христіанской гармоніи“, т. е. сопоставленія евангельскихъ сказаній съ буддійскими легендами. Теперь приступимъ къ послѣдовательному разбору всѣхъ случаевъ, входящихъ въ составъ этой гармоніи. При чемъ, съ своей стороны, постараемся не только подвергнуть критическому разбору устанавливаемыя сходства, но и доказать полную независимость каждаго евангельскаго сказанія отъ буддійскихъ легендъ, его самостоятельность и историческую достовѣрность. Въ виду этой послѣдней цѣли, мы будемъ обращать вниманіе на качества самаго евангельскаго сказанія, какъ историческаго свидѣтельства, на его тѣсную связь съ другими евангельскими сказаніями и на его полное согласіе по своему смыслу и значенію съ общимъ духомъ и характеромъ евангелій, какъ одного цѣлаго и послѣдовательнаго повѣствованія о земной жизни Спасителя.

Съ другой стороны, Іисусъ Христосъ, какъ истинный Сынъ Божій, Спаситель міра, былъ обѣтованнымъ Мессіею, Который служилъ предметомъ всѣхъ чаяній и надеждъ древняго Израиля, къ пришествію Котораго обращались прозорливыя очи ветхозавѣтныхъ праведниковъ, на Котораго указывали вдохновенные пророки. Принявши на Себя смиренный зракъ раба, Онъ благоволилъ явиться въ Іудейской странѣ, среди іудейскаго народа, какъ истинный членъ теократическаго іудейскаго общества. Всю Свою земную жизнь Онъ провелъ среди этого народа съ его обычаями, правами, вѣрованіями, общественными и религіозными учрежденіями. Его ученіе, полное глубочайшаго смысла и жизни, представляющее собою новое Божественное откровеніе, въ отношеніи къ ветхозавѣтному ученію являлось не разрушеніемъ и упичтоженіемъ, а полнымъ его завершеніемъ и высшимъ одухотвореніемъ. Отсюда многія евангельскія сказанія о событіяхъ земной жизни Іисуса Христа, представляющихъ собою исполненіе ветхозавѣтныхъ про-

рочествѣ, въ то же время касаются различныхъ сторонъ современной Ему жизни іудейскаго народа и историческихъ событій, имѣвшихъ къ ней какое-либо отношеніе; а ученіе Спасителя въ нѣкоторыхъ пунктахъ стоитъ въ связи съ ветхозавѣтнымъ, какъ его раскрытіе и завершеніе. На такое отношеніе евангельскихъ сказаній къ ветхозавѣтному священному писанію и къ современнымъ Иисусу Христу событіямъ, мы будемъ обращать особенное вниманіе, какъ на одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ исторической достовѣрности этихъ сказаній и ихъ полной независимости отъ буддійскихъ легендъ.

*Л. Криснитскій.*

(Продолженіе будетъ).

---

## Папа Левъ XIII, какъ богословъ.

(Окончаніе \*).

Протестантизмъ, въ глазахъ Льва XIII, не просто ложная система, которую онъ безусловно отвергаетъ, но и зловредная язва, а приверженцы его—безбожные обманщики. Когда въ Перуджии, въ 1863 г., возникли вальденскія школы, то онъ издалъ пастырское посланіе, въ которомъ въ сильныхъ выраженіяхъ высказался о протестантизмѣ, вторгшемся въ его епархію для того, чтобы обманнымъ образомъ отвратить паству отъ истинной вѣры. Въ этомъ посланіи онъ называетъ протестантизмъ заразой, новѣйшей ересью, губительнѣйшимъ ядомъ, отвратительной чумой и проч. Ученіе протестантовъ онъ называетъ самымъ пагубнымъ изъ всѣхъ заблужденій, такъ какъ подъ лживымъ предлогомъ распространенія евангелія, они подрываютъ всякую религію и стараются свои нелѣпыя мнѣнія поставить на мѣсто ученія церкви. Проповѣдуя естественную религію и свободу совѣсти, они, по мнѣнію Льва XIII, проповѣдуютъ очевидную нелѣпость; говорятъ объ эмансипаціи и прогрессѣ, какъ змій въ раю: „будете, яко бози“. Ссылаясь на Евангеліе, они берутъ изъ него только вырванные изъ контекста мѣста и имѣютъ въ рукахъ или искаженные тексты библіи, или еретическіе трактаты. Протестантизмъ съ самаго начала исполненъ противорѣчій и раздвоенія, потому что основывается на человѣческомъ суемудріи. Что для оправданія нужна только вѣра, а не добрая дѣла, это явно противорѣчитъ ученію Христа. Лютеръ дошелъ до

\*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1905 г. № 1.

преступнаго положенія: „грѣши смѣло, а вѣруй еще смѣлѣе и никакіе грѣхи не повредятъ тебѣ“. Въ своей рѣчи „протестантизмъ или атеизмъ“ Левъ XIII говоритъ, что протестантиство ведетъ къ новому язычеству и имѣетъ только одно развращающее вліяніе, такъ какъ не исполняетъ тѣхъ предписаній, которыя заповѣдуются римской церковью. Папа Левъ XIII не могъ признать нравственнаго достоинства другаго вѣроисповѣданія, если формы богочтенія употреблялись иныя, чѣмъ въ Римской церкви. Въ энцикликѣ 1897 г. 1 августа папа Левъ XIII рисуеъ безотрадную картину распространившагося вездѣ зла, выставляя его, какъ слѣдствіе реформаціи. Въ своемъ гимнѣ „о Франціи“ (въ 1896 г.) онъ повѣтрически восклицаетъ: „о сколько прекрасныхъ душъ загублено чудовищнымъ нечестіемъ Кальвина!“ (Лангенъ, 414).

Въ такомъ же духѣ, какъ о новой ереси, рассуждаетъ Левъ XIII и о старокатолицизмѣ.

Въ одномъ своемъ пастырскомъ посланіи (1846 г.), рассуждая о непогрѣшимости римскаго первосвященника, папа Левъ XIII (тогда кардиналъ Печчи) замѣчаетъ, что ватиканскій догматъ непреложенъ, такъ какъ о немъ (будто бы) всегда учили отцы Церкви и лучшія богословскія школы. „Только нѣкоторые несчастные, продолжаетъ онъ дальше, гордость которыхъ давно уже носила въ себѣ зародышъ отступничества, вызвали смѣшную схизму. Такъ какъ съ самаго начала схизма была незначительна по объему, то ни протекціи сильныхъ (старокатоликовъ), ни золото, ни поблажки всякимъ страстямъ не могли гальванизировать то мертвое тѣло, которое называютъ „старокатолицизмомъ“. Церковь... ожидаетъ того времени, когда эта колеблющаяся во всѣхъ частяхъ община увидитъ себя вынужденной возвратиться къ ней (Gaets. f. 44). Въ энцикликѣ къ прусскимъ епископамъ (6 января 1886 г.) онъ такъ называетъ старокатоликовъ: „хотя обманщики, называющіе себя старокатоликами, но распространяющіе новыя и злыя ученія, старались обманомъ приобрѣсть себѣ послѣдователей“, однако, нѣмецкіе католики... уклонились отъ „извращеній этихъ учителей нечестія“...

Такъ сильно ненавидѣлъ папа Левъ XIII „еретиковъ“, и въ

то же время, какъ это ни странно, желалъ соединенія всѣхъ церквей, о чемъ возвѣстилъ всему міру особой энцикликой въ 1894 году.

Торжественныя и шумныя проявленія покорности и почтенія, любви и преданности, дружно и разнообразно выраженные католиками папѣ по случаю его юбилея въ 1893 году, сильно тронувшія и обрадовавшія папу, послужили ближайшимъ поводомъ къ изданію Львомъ XIII въ слѣдующемъ году (20 іюня 1894 г.) энциклики „о соединеніи церквей и всѣхъ людей подъ главенствомъ папы“ (*Praeclara gratulationis publicae testimonia*). Излагая условія соединенія, Левъ XIII говоритъ, что несущественныя обрядовыя различія, напр. въ литургическомъ языкѣ или въ формѣ иррочащенія, такія разности въ ученіяхъ, какъ напр. вопросъ о бракѣ священниковъ и т. п., не могутъ служить препятствіемъ къ соединенію церквей, но въ догматахъ и связанныхъ съ ними предметахъ дисциплины всѣ должны мыслить „по единому“. Папа обращается сначала къ христіанамъ восточныхъ церквей, а потомъ и протестанскимъ народамъ и старается убѣдить ихъ въ каноничности ватиканскихъ догматовъ, имѣющихъ (будто бы) божественное происхожденіе, почему эти догматы и должны быть приняты другими народами. „Когда всѣ народы придутъ къ единству вѣры, восклицаетъ папа, то сколько получится дѣйствительныхъ средствъ для борьбы со зломъ, и какое будетъ богатство благъ!“ Далѣе онъ перечисляетъ главныя изъ нихъ: 1) Церковь распространитъ Евангеліе и благодать, что принесетъ благоденствіе государствамъ; 2) тогда будетъ міръ въ людяхъ, и внѣшній и внутренній; 3) цивилизація и культура распространятся между всѣми народами и пр. „Будемъ же... стараться, чтобы возстановилось древнее согласіе ради общаго блага“!.. Въ заключеніе папа проситъ государей и главъ государствъ, чтобы они „во имя гражданскаго благоразумія и добраго попеченія о народахъ, по истинѣ оцѣнили совѣты и посодѣйствовали своими благоволеніемъ и властію“.

Въ энцикликахъ красной нитью проходитъ одна идея, что всѣ иновѣрные, не христіанскіе народы должны принять латинскую вѣру, что всѣ вообще народы земли должны подчи-

наться папѣ, признавши его церковнымъ главою надъ всѣмъ міромъ и что нѣкогда все это дѣйствительно будетъ. Раскрывая эти мысли, Левъ XIII, помимо богословскихъ, касается здѣсь еще государственныхъ и социальныхъ вопросовъ и объ всемъ говоритъ необычайно связно, плавно, изящной увлекающей рѣчью <sup>1)</sup>).

Когда на папское требованіе подчиненія со всѣхъ затронутыхъ сторонъ послѣдовали рѣшительные протесты <sup>2)</sup>, то Левъ XIII въ 1896 г. попытался еще разъ богословски обосновать это требованіе въ своей энцикликѣ „о единствѣ церкви“. Главныя мысли въ этой энцикликѣ—слѣдующія: зданіе церкви—прекрасно; одна—изъ красивѣйшихъ липъ—ся единство, которое должно выражаться въ единеніи вѣры и въ единствѣ управленія церковью. А это единство управленія и вообще единство церковнаго строя невозможно безъ центральной власти Рима, „которой должны повиноваться всѣ христіане, такъ какъ она установлена волею Христа... Конечно, Христосъ... не пересталъ управлять своимъ царствомъ... невидимо, но Онъ хотѣлъ, чтобы управленіе... было видимо“. И ссылкой на Θому

1) Этотъ „искусно составленный дипломатическій документъ“ лишенъ „церковности и истинной релігіозности“, по словамъ проф. Бѣляева, написавшаго обстоятельную критику этой энциклики. „Въ энцикликѣ, говоритъ проф., высказано много важныхъ и безспорныхъ истинъ, но нѣкоторыя изреченія показываютъ, что авторъ ослѣпленъ вѣронсповѣдными предразсудками и не хочетъ признать общественныхъ фактовъ и несомнѣнныхъ истинъ. Онъ упорно держится укоренившихся въ латинской церкви и въ папской системѣ заблужденій и безъ колебанія жертвуетъ истиной, если это представляется ему нужнымъ для достиженія его будто бы святой и великой цѣли“. Въ своей критикѣ проф. Бѣляевъ заетъ подробный и обстоятельный разборъ новшествъ и отступленій латинской церкви и представляетъ въ ясной параллели ученіе и практику церкви—восточной, хранящей неизменно истину православія, и церкви латинской, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе заблуждающейся и доходящей въ заблужденіи до явныхъ крайностей, какъ напр. въ ученіи о непогрѣшимости папы въ дѣлахъ вѣры. Въ заключеніе проф. дѣлаетъ такой выводъ, что соединеніе церквей въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его папа, немыслимо.

2) Восточные христіане немедленно раскрыли тѣ явные перетолкованія и даже искаженія библейскихъ и отеческихъ мѣстъ, которыми папа старался оправдать римскія новшества. Въ „отвѣтѣ вост. христ. ц. константинопольской на энциклику Льва XIII“ выставленъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ и историческихъ фактовъ, которые опровергли безосновательную защиту Львомъ XIII новыхъ ватиканскихъ догматовъ.

А. Левъ XIII указываетъ преемника Христа въ лицѣ ап. Петра; римскіе же первосвященники—единственные и законные преемники Апостола. „Власть римскаго первосвященника высочайшая, универсальная и совершенно самостоятельная; прочіе же епископы должны быть въ подчиненіи и полномъ послушаніи у папы“. Миръ и единеніе Церкви и возможны только подъ властью Римскаго первосвященника, непогрѣшимаго учителя церкви <sup>1)</sup>.

Въ энцикликѣ 1894 года Левъ XIII считалъ нѣкоторыя различія въ христіанскихъ религіяхъ не препятствующими къ соединенію церквей. Когда же англиканская церковь выразила желаніе соединиться съ Римомъ, то „апостольское письмо“ 1896 года доказало ясно, что соединеніе церквей Левъ XIII понималъ въ формѣ совершеннаго подчиненія всѣмъ постановленіямъ Римской церкви. По его „письму“, „англиканскіе священники, согласные соединиться къ католической церкви, должны принять новое посвященіе отъ католическихъ епископовъ“, иначе всѣ непокорные будутъ считаться еретиками.

Ученіе папы Льва XIII о морали стоитъ въ тѣсной связи съ его догматикой, въ частности съ догматомъ о церкви, который стоитъ въ центрѣ всѣхъ его воззрѣній и освѣщаетъ собою всѣ взгляды папы.

Если только римская церковь есть истинная церковь, единственная охранительница вѣры и нравственности, если глава ея—папа—непогрѣшимъ ни въ чемъ, то, значитъ, только его и нужно безирекословно слушать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ вѣроучительнаго и нравственнаго характера и о какой нибудь свободѣ нравственной нечего и разсуждать. Съ своей римской точки зрѣнія Левъ XIII такъ разсуждаетъ о нравственной свободѣ человѣка (въ энцикликѣ отъ 20 іюня 1888 года *libertas*): „въ своей сущности свобода есть ни отъ кого и ни отъ чего независимая сила или энергія самоопредѣленія человѣка въ отношеніи къ добру или злу. Поэтому свобода является матерью и величайшаго добра и величайшаго зла въ мірѣ. Но чтобы знать, чего нужно избѣгать и чего стараться

<sup>1)</sup> (Содерж. энцикл. см. въ Церков. вѣд. за 1896 г., стр. 1849—55.

достигнуть, для этого нужны правила, составленные не человеческимъ благоразуміемъ, желающимъ блага только здѣсь на землѣ, но Высшимъ авторитетомъ, Самимъ Богомъ. А римская церковь въ лицѣ своего непогрѣшимаго главы, намѣстника Бога на землѣ, римскаго первосвященника, и является охранительницей божественнаго закона и Его правды. Авторитетъ папы является авторитетомъ Самого Бога, и послушаніе папѣ—послушаніемъ Самому Богу, такъ что правственная свобода человѣка необходимо должна равняться безпрекословному подчиненію всѣмъ распоряженіямъ непогрѣшимаго римскаго первосвященника. „Истинная свобода не есть необузданность, говоритъ Левъ XIII въ той же энцикликѣ, чего желаютъ либералы... Что въ философіи—натуралисты и раціоналисты, то въ области морали—либералы, проводящіе въ жизнь основанія натуралистовъ. Главная мысль раціоналистовъ—господство человеческого ума, отказывающагося отъ послушанія папѣ, какъ замѣстителя Бога; основная мысль либераловъ—„всякій самъ для себя законъ“. Такая мораль, конечно, приводитъ къ необузданности, что дѣлаетъ ихъ вредными для государства“.

Въ пастырскомъ посланіи 1864 г. („о преступленіяхъ противъ религіи“) папа Левъ XIII (кард. Печчи) высказался противъ свободы вѣроисповѣданія. „Невозможно, говоритъ онъ, предоставлять самимъ людямъ выбирать ту форму богопочтенія, какая кому нравится. Единственно истинная религія, ясно выраженная Самимъ Богомъ въ Откровеніи,—это—римско-католическая. Зная это, странно и прямо преступно утверждать, что всякая форма богопочтенія одинаково хороша и пріятна Богу и что человеческая совѣсть можетъ свободно выбирать ту форму, какая ему нравится“<sup>1)</sup>.

Истина содержится только въ римской церкви и все, исходящее не оттуда, есть ложь. Поэтому Левъ XIII, говоря о

<sup>1)</sup> Во всѣхъ посланіяхъ и энцикликахъ, направленныхъ противъ протестантизма, Левъ XIII рѣзко говоритъ о свободѣ совѣсти, называя ее „вѣлостью, преступленіемъ, чудовищнымъ поступкомъ“ и проч. См. Goetz, стр. 41—44; 216—221; см. паст. посл. 1863 г. у Лангена въ Хр. Чт. стр. 230; энциклику „о взаимн. отнош. Ц. къ госуд.“ въ Прав. Обзор. за 1886 г.

свободѣ печати (въ бесѣдѣ съ католическими журналистами 22 ф. 1879 г.), науки, культуры и проч., разумѣть свободу именно въ римскомъ духѣ, т. е. подчиненіе человѣческаго духа римскому первосвященнику, который одинъ можетъ вести людей ко спасенію. Непогрѣшимая учительница во всѣхъ вопросахъ религіи, нравственности и политики, римская церковь не препятствуетъ „истинному“ прогрессу, а напротивъ всегда заботилась и заботится о немъ. Когда церковь имѣла государственную власть, тогда культура и цивилизація процвѣтали въ государствѣ, и чѣмъ больше народы міра прислушивались къ гласу Церкви, тѣмъ болѣе было у нихъ радости, мира, любви и проч. Но церковь заботилась и теперь поддерживаетъ только „истинный“ прогрессъ, т. е. такой, который идетъ впередъ подъ руководствомъ церкви и не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ Откровенія. Въ проповѣди 1847 г. Левъ III высказался очень опредѣленно: „культура внѣ власти римской церкви—ложная культура“. Эта основная мысль, рисующая отношеніе церкви къ матеріальной культурѣ, варьируется Львомъ XIII на всѣ лады во всѣхъ его проповѣдяхъ и посланіяхъ, касающихся этого вопроса (особенно въ двухъ пастырскихъ посланіяхъ: „Церковь и матеріальная культура“ и „Церковь, духовная культура“). Въ пастырскомъ посланіи (1866 г.) „о поведеніи клира въ настоящее время“ кардиналъ Печчи говоритъ, что клиръ никогда не былъ врагомъ истиннаго прогресса, а, напротивъ, старался все сдѣлать для культуры. „Посмотрите въ исторію, говоритъ Печчи, тамъ въ глубинѣ вѣковъ вы увидите, какое благотворное вліяніе оказывала церковь (подраз. „правлящая“) на искусство и науку. Какое дивное время представляютъ изъ себя средніе вѣка, когда вѣра католиковъ была такъ глубока, когда послушаніе папскому престолу было такъ безпредѣльно... Человѣчество (въ Италіи особенно) никогда не доходило до такой степени цивилизаціи, какъ именно въ это время—глубочайшей вѣры, сильнѣйшаго религіознаго воодушевленія... Если вы любите прогрессъ и желаете его, то, говоритъ Печчи, сознайтесь, что вы можете достигнуть его скорѣе и лучше только при посредствѣ римской церкви... Только съ Богомъ и подъ руко-

водствомъ Его святой римско-католической церкви цивилизуются народы и приходятъ къ познанію истины“.

Богословское образованіе папы Льва XIII, полученное у отцевъ іезуитовъ, сильно сказалось и на его благочестіи; выразившемся не въ простыхъ формахъ древней церкви; а въ томъ чисто іезуитскомъ направленіи, которое не можетъ обходиться безъ примѣси суевѣрія, безъ видѣній, самоизмышленныхъ чудесъ и странныхъ легендъ. Какъ питомцу іезуитской школы ему было недостаточно простого почитанія Спасителя; и въ 1872 г. онъ посвящаетъ свой діо-цезъ сердцу Іисусову, называя сердце—„символомъ своей любви“. Не довольствуясь обыкновеннымъ почитаніемъ Пресвятой Дѣвы, кард. Печчи на соборѣ въ Сполето (1849 г.) предложилъ собору новое ученіе „о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы“, что и было одобрено Піемъ IX и назначено къ догматизаціи. Въ 1873 г. Печчи посвятилъ свой діоцезъ Непорочному зачатію, причемъ торжество этого посвященія сопровождалось выставкой брачнаго перстня св. Маріи, которымъ будто бы обладала Перуджіа въ доказательство особой любви Приснодѣвы къ этому городу. Левъ XIII вѣрилъ и въ легендарный домикъ св. Семейства назаретскаго, который будто бы былъ чудесно перенесенъ въ Лоретто ангелами, и въ 1876 г. онъ предпринималъ къ нему паломничество.

Не было такого сказанія, которымъ не воспользовался бы Левъ XIII. Давно раскрытый вольный или невольный обманъ съ явленіемъ Богоматери въ Лурдѣ, при существенномъ содѣйствіи Льва XIII сыгралъ значительную роль въ новѣйшемъ напизмѣ. Левъ XIII допустилъ введеніе этого культа въ оффиціальныя богослужебныя книги и, такимъ образомъ, своимъ высшимъ авторитетомъ санкціонировалъ это новое чудо въ Лурдѣ.

Совершенныя Львомъ XIII канонизаціи такихъ лицъ, которые никогда этого не заслуживали по своимъ нравственнымъ качествамъ, вѣра въ чудеса этихъ святыхъ, причемъ легенды привимались какъ нѣчто достовѣрное, безъ всякой исторической критики,—все это говоритъ объ іезуитскомъ благочестіи, о зилотскомъ направленіи, которое папа Левъ XIII ревностно старался поддерживать. Интересно, что папа особымъ декре-

томъ (1 ноября 1884 г.) подтвердилъ подлинность найденнаго, будто-бы, въ Компостельо тѣла ап. Іакова старшаго (!).

Въ богословіи есть область, которую Левъ XIII разрабатывалъ съ особенной любовью,—это—*Mariologie*, или культъ Св. Дѣвы. Почитая Присводѣву, Левъ XIII желалъ во всѣхъ христіанскихъ народахъ возбудить тѣ чувства любви и благоговѣнія, которыя самъ всосалъ еще съ молокомъ матери. Въ древнія времена въ Германіи неграмотные должны были обращаться съ молитвой по розарію (*Rosenkranz*), состоявшей въ произнесеніи 150 разъ одного и того же выраженія: „радуйся, Марія“. Льву XIII-му непременно хотѣлось ввести во всеобщее употребленіе эту молитву, которая будто-бы была дана самой Присподѣвой въ видѣніи основателю Доминиканскаго ордена. Рекомендуя эту молитву, Левъ XIII въ 1883 г. 1-го сентября издалъ первую громадную энциклику (*Supremi apostolatus*), въ которой исторически доказывалъ постоянную помощь молитвы по розарію. „Во всѣхъ дѣлахъ католики должны имѣть надежду на помощь Пресвятой Дѣвы, потому что она всегда помогала вѣрующимъ. На исходѣ 12 стол., когда ересь альбигойцевъ распространила свое пагубное ученіе и мечь прочно было утвердилъ свое господство,—основатель доминиканскаго ордена указалъ защиту католической церкви не въ оружіи, а въ молитвѣ по розарію... Эта молитва доказала свою силу и мощь и въ XVI стол., когда безчисленные турки угрожали почти всей Европѣ ярмомъ суетвѣрій и грубаго варварства... Въ XVII стол. была одержана блестящая побѣда надъ турками, какъ разъ въ день праздника Св. Дѣвы... Поэтому Левъ XIII велѣлъ ввести въ молебепъ слова: „царица святѣйшаго розарія, молись о насъ“. Въ энцикликѣ слѣдующаго года (30 авг. 1884 г. *superiore anno*) Левъ XIII посвятилъ мѣсяць октябрь памяти розарія. Въ 1886 г. папа велѣлъ ввести ежедневныя молепія по розарію во всѣхъ церквяхъ Рима, посвященныхъ Богородицѣ, а въ слѣдующемъ году (1887 г.) особой энцикликой ввелъ этотъ праздникъ во всей католической церкви.

Эту молитву по розарію Левъ XIII считалъ <sup>1)</sup> спаситель-

<sup>1)</sup> Въ энцикликѣ отъ 22 сентября 1891 г. (*octobri mense*). Въ энцикликѣ отъ 8 сент. 1892 г. (*magnae Dei matris*). Левъ XIII видитъ въ розаріѣ—превосходное средство и сохраненіе вѣры.

нымъ средствомъ противъ того враждебнаго Церкви духа міра, которымъ увлекаются многіе католики. Ею думалъ опъ уничтожить то равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ и то невѣріе, которое широкой волной разлилось по всему міру, препятствуя церкви занять соотвѣтствующее ей положеніе въ государствѣ. Въ другой энцикликѣ (отъ 8 сент. 1893 г. *laetitiae sanctae*) Левъ XIII высказываетъ твердое убѣжденіе, что молитва принесетъ громадную пользу не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ государствамъ. Три зла господствуютъ теперь въ обществѣ, которыя и лишаютъ общество всякаго благополучія: это—отвращеніе отъ скромной и трудолюбивой жизни, желаніе избѣжать очищающихъ душу страданій и забвеніе будущихъ обѣщанныхъ благъ. Молитва по розарію, напоминающая о семейной жизни въ пазоретскомъ семействѣ, поможетъ противъ этихъ золъ.

Въ связь съ этой молитвой Левъ XIII старался поставить нравственное состояніе своего времени и въ энцикликѣхъ по поводу розарія онъ говоритъ—о недостаткахъ общества, о соединеніи церквей, объ апостольскомъ престолѣ и проч. (см. энцикл. отъ 8 сент. 1894 г. *iucunda semper*; 5 сент. 1898 г.; 1895 г.). Свою любовь и почтеніе къ Пресвятой Дѣвѣ Левъ XIII выражалъ различнымъ образомъ: онъ посвятилъ Дѣвѣ Маріи свой діоцезъ, основалъ орденъ „непорочнаго сердца Маріи“, учредилъ для вѣрующихъ праздникъ „сердца Маріи“, назначилъ Пресвятую Дѣву покровительницей государства Конго—и всевозможными другими способами; помимо распространенія розарія, содѣйствовалъ развитію культа Маріи, такъ что Левъ XIII имѣетъ полное право на названіе „папы — розарія“.

Вѣра и религіозное одушевленіе среднихъ вѣковъ было идеаломъ папы Льва XIII; къ этому хотѣлъ онъ привести вѣрующихъ католиковъ и сильно огорчался тѣмъ индеферентизмомъ къ единственно истинной католической религіи, который постепенно развивался среди его паствы. Въ заботахъ о возбужденіи среди католиковъ религіозныхъ интересовъ и ревности къ благочестію Левъ XIII, помимо энцикликѣхъ о Св. Маріи и розаріи, издалъ еще энциклику о почитаніи св. Іосифа (отъ

15 авг. 1889 г. *Quamquam pluries*), въ которой доказываетъ необходимость и важность почитанія св. Іосифа. „Отець семейства, пишетъ Левъ XIII, можетъ видѣть въ немъ примѣръ заботливаго главы св. семейства; супругъ—символь чистой любви и вѣрности; молодая дѣвушка—защитника дѣвичьей чести. Знатные могутъ учиться у св. Іосифа—въ несчастіи сохранять достоинство; богатые увидятъ примѣръ того, къ чему нужно стремиться и чего искать; пролетаріатъ и рабочій классъ въ немъ найдеть образецъ рабочаго, который трудами рукъ своихъ добывалъ себѣ пропитаніе“. Левъ XIII назначилъ октябрь мѣсяць для прославленія св. Іосифа и хвалилъ обычай посвящать мартъ благочестивымъ упражненіямъ въ честь св. Іосифа. Въ 1890 и 91 годахъ Левъ XIII ввелъ во всемъ католическомъ мірѣ праздникъ св. Іосифа, назначенный на 19 марта.

Въ письмѣ къ кардиналу Lausa (1890 г.) папа хвалилъ культъ „св. Семейства“, а уже черезъ два года послѣ этого онъ издалъ новыя правила для ордена „братства св. семейства“, члены котораго должны ежедневно обращаться съ молитвой къ св. семейству. Этому ордену Левъ XIII придавалъ громадное значеніе и настойчиво рекомендовалъ его рабочимъ семействамъ.

Не меньшую надежду возлагалъ Левъ XIII и на культъ „сердца Іисусова“, на распространеніе котораго положилъ немало заботъ, учреждая праздники (энц. 1889 г.), разрѣшая молебны (1898 г.), посвящая діоцезы и учреждая ордена (мая 25 дня 1899 г.): Въ послѣдней энцикликѣ по этому поводу (*annum sanctum* 1899, мая 25), повелѣвая приступить къ канонизаціи „св. сердца“<sup>1)</sup>, Левъ XIII, между прочимъ, пишетъ, что „тѣ народы, которые отступаютъ отъ истинной церкви,... послѣ канонизаціи... должны соединиться, потому что... въ силу крещенія они все таки принадлежатъ къ церкви... Нѣкогда церковь находилась подъ игомъ цезаря, а потомъ явившійся царю крестъ на небѣ предзнаменовалъ скорую побѣду христіанства;—теперь нашимъ глазамъ представляется другой

<sup>1)</sup> Торжество канонизаціи состоялось 1899 г., 11-го іюня.

знакъ, именно—св. Сердце Іисуса, блистающее чистымъ свѣтомъ... На него нужно возложить всѣ надежды, отъ него просить помощи и ожидать людямъ счастья“... Такъ проводилъ Левъ XIII свои куріалистическіе взгляды и высказывалъ надежды, едва ли когда нибудь осуществимыя теперь.

Забываясь о благочестіи народа и придумывая къ этому всевозможныя мѣры, папа Левъ XIII многое сдѣлалъ для распространенія 3-го ордена св. Франциска, къ которому и самъ принадлежалъ <sup>1)</sup>. Въ 1882 году, по случаю семисотлѣтія со времени рожденія основателя ордена, папа издалъ энциклику (17 сент. *auspicato concestum est*), въ которой говоритъ, что „христіанская церковь многимъ обязана св. Франциску и его третьему ордену, члены котораго заботятся о храненіи нравственности, не даютъ повода къ борьбѣ и ссорамъ, умѣряютъ страсть къ наслажденіямъ, этому источнику бѣдности, разврата и т. п... Церковь и государство обязаны неисчислимыми благодареніями этому святому, память о которомъ любовно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе“.

Придавая этому ордену такое большое значеніе, Левъ XIII въ слѣдующемъ году (энцикликой отъ 30 мая 1883, *misericors Dei filius*) реформировалъ правила этого ордена, приспособивъ ихъ къ потребностямъ времени и значительно облегчивъ исполненіе ихъ. Онъ ограничилъ правила требованіемъ для мирянина—читать ежедневно слѣдующія молитвы: Отче нашъ—12 разъ, Богородице, Дѣво, радуйся... и *Ehre sei dem Vater fest*. (Goetz стр. 142). Левъ XIII часто давалъ этому ордену индульгенціи, поощрялъ его конгрессы, утверждалъ конгрегации и вообще оказывалъ очень много вниманія, стараясь противопоставить вліяніе этого ордена—соціалъ-демократіи.

Много заботился папа и о другихъ религіозныхъ орденахъ, часто реформируя ихъ, учреждая новыя правила и новыя должности, раздавая индульгенціи и пр. (Goetz подробно перечисляетъ всѣ ордена и заботы Льва XIII по отношенію къ нимъ, стр. 120—3).

Въ заключеніе нужно еще сказать о католической пропо-

<sup>1)</sup> Вступилъ въ орденъ въ 1872 г.; въ 1875 г. Пій IX назначилъ его протекторомъ этого ордена.

гандѣ папы Льва XIII на Востокѣ и въ другихъ странахъ. Высказавшись о католической религіи, какъ о единственно истинной и спасительной, Левъ XIII всегда выражалъ сожалѣніе, что еще громадная часть человѣчества остается „во тьмѣ и сѣни смертѣй“, потому что не принадлежитъ къ католицизму—и усиленно заботится объ обращеніи всѣхъ подѣ „непогрѣшимое“ руководство главы „истинной“ церкви. Какъ ловкій политикъ, Левъ XIII старался достигнуть своихъ желаній незамѣтнымъ образомъ, черезъ испытанное вѣками средство—воспитаніе и образованіе въ католическомъ духѣ. Съ этой цѣлью папа основывалъ подѣ руководствомъ іезуитовъ школы съ громкимъ названіемъ „католическихъ университетовъ“ (въ Сиріи (1883 г.), Арменіи, Индіи (1886), Персіи и др.). Для обращенія грековъ предполагалось устроить два университета—въ Аѳинахъ и Константинополѣ, но дѣло ограничилось только молвой. Въ Японіи Левъ XIII учредилъ особую іерархію (въ 1890 г.), хотя и состоящую только изъ четырехъ епископовъ; переговоры съ Китаемъ черезъ Францію потерпѣли—фіаско. Желая привлечь славянъ, папа въ 1880 году провозгласилъ память Кирилла и Меѳодія праздникомъ всей римско-католической церкви и вслѣдствіе этого получилъ въ Ватиканѣ заявленія преданности со стороны разныхъ славянскихъ племенъ; позволялъ также нѣкоторымъ народамъ пользоваться при богослуженіи славянскимъ языкомъ. Въ Болгаріи, Румыніи, Черногоріи и Галиціи такая пропоганда имѣла нѣкоторый успѣхъ; въ другихъ же государствахъ объ успѣхѣ ея не могло быть и рѣчи.

Итакъ, что же представляетъ изъ себя папа Левъ XIII, какъ богословъ?

Изъ приведенныхъ нами энцикликъ, такъ или иначе характеризующихъ догматическія или моральныя представленія Льва XIII, видно, что онъ былъ послѣдователемъ такъ называемой „папской системы“ и поэтому проводилъ вездѣ и всюду средневѣковыя папскія тенденціи даже съ большой настойчивостью, чѣмъ папа Пій IX, только въ болѣе сообразной съ временемъ и обстоятельствами формѣ. Но обладая громаднымъ дипломатическимъ умомъ и играя довольно большую

роль въ политическихъ дѣлахъ Европы, Левъ XIII часто становился въ двусмысленное положеніе по отношенію къ своимъ богословскимъ убѣжденіямъ и, уступая кое-что изъ нихъ въ интересахъ политики, заслужилъ даже названіе либеральнаго (въ Германіи). Стоитъ, правда, обратить вниманіе только на нѣкоторые факты, чтобы видѣть двойственность его воззрѣній, которая была результатомъ его дипломатической изворотливости и проникновенія основнымъ правиломъ его дѣятельности—цѣль важнѣе средствъ. Склоняясь на словахъ предъ свѣтской властью и передъ демократіей—въ энцикликѣ отъ 15 мая 1891 г. „о социальномъ вопросѣ“ *regim novatum*, въ посланіи къ предсѣдателю швейцарскаго рабочаго союза Декуртину,— Левъ XIII въ то же время возвышаетъ себя надъ обоими— въ энцикликахъ— „о церкви“ и „объ отношеніяхъ церкви къ государству“. Самосознаніе его въ качествѣ „отца царей и государей“, „правителя земного круга“, „непогрѣшимаго учителя человечества“ и „намѣстника Бога на землѣ“ никогда не оставляло его. Жалуясь на уклоненіе человечества отъ міросозерданія XIII вѣка, Левъ XIII въ то же время выражаетъ свое уваженіе къ современному прогрессу; удѣляя изученію исторіи въ церковныхъ школахъ жалкое мѣсто, онъ въ то же время издаетъ энциклику объ историческихъ наукахъ и т. п. Дѣлая уступки либераламъ по нѣкоторымъ вопросамъ и замаскировывая ими свои папскія притязанія, Левъ XIII никогда, конечно, не измѣнялъ своего міровоззрѣнія и двойственность его говоритъ только о великолѣпномъ изученіи іезуитской казуистики.

Новаго въ католическое богословіе, какъ науку, Левъ XIII внесъ очень немного: особой энцикликой ввелъ въ церковныя школы *Тому Аквината*, который и сдѣлался настольной книгой у богослововъ, равносильной Откровенію, что едва ли было полезно для развитія богословія, какъ науки. Энциклика о возстановленіи церковнаго государства, нѣсколько энцикликъ о соединеніи церквей—представляютъ изъ себя академическія рѣчи римскаго первосвященника, который желаетъ возстановленія канувшихъ въ Лету средневѣковыхъ порядковъ, которыхъ, впрочемъ, всѣ папы страстно желали. Основанія и

пріемъ доказательствъ истинности вождельнѣй „непогрѣшимаго учителя человѣчества“ не отличаются почти ничѣмъ отъ доказательствъ его предшественниковъ. Характерную черту богословія Льва XIII, какъ и вообще всей богословской католической науки, составляетъ отсутствіе всякой критики по отношенію къ вымысламъ и подвигамъ, которыхъ такъ много произвелъ западъ для утвержденія папской системы, и крайне безцеремонное обращеніе съ несомнѣннымъ историческимъ матеріаломъ, который подвергается всегда тенденціозной переработкѣ и освѣщается предвзятыми идеями; къ этому еще необходимо прибавить замѣчательную софистику и діалектическую игру въ понятія.

Разсматривая же церковную жизнь въ папство Льва XIII, мы увидимъ, что въ этой области онъ внесъ много новаго <sup>1)</sup>. Будучи самъ человѣкомъ высокой жизни, рѣдкихъ нравственныхъ качествъ, Левъ XIII много заботился о развитіи благочестія среди католиковъ и изыскивалъ всѣ способы, чтобы разсѣять индеферентизмъ, отвратить невѣріе и возвратить ту горячую вѣру, которая была въ невозвратимые средніе вѣка. Въ своихъ заботахъ о религіозномъ оживленіи Левъ XIII издавалъ энциклику за энцикликой, которыми то прославлялъ Св. Дѣву, Св. Іосифа, Св. Франциска, то учреждалъ праздники въ честь ихъ, то утверждалъ религіозные ордены, то реформировалъ ихъ, дѣлая доступнымъ вступленіе въ нихъ всякому, то приступалъ къ канонизаціи святыхъ и т. п. Полагая во всемъ этомъ могущественнѣйшее средство къ подъему благочестія въ народѣ, папа Левъ XIII отдавался этому дѣлу всей душой глубоко вѣрующаго католика и церковная жизнь при немъ процвѣтала, хотя и проявлялась иногда въ формахъ народнаго суевѣрія.

*М. Леонтьевъ.*

---

<sup>1)</sup> Но и здѣсь, какъ и въ богословской наукѣ, меньше, чѣмъ его предшественникъ — Пій IX.

## „КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ“.

Е. А. Вороновой. С.П.Б. 1905 г.

(БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА).

Книга, заглавіе которой мы только что выписали, есть небольшой сборникъ повѣстей, размышлений и біографическихъ очерковъ, отчасти уже напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а частію появляющихся въ свѣтъ только теперь. Главный, и, можно сказать, живой и жизненный интересъ этой книги состоитъ въ томъ, что большинство лицъ, выведенныхъ писателемъ въ повѣстяхъ, какъ говоритъ онъ самъ, взяты изъ дѣйствительной жизни, біографическіе же очерки, всѣ безъ исключенія, въ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ, не вымышлены, а представляютъ изъ себя живые, поучительные примѣры.—Какая же цѣль изданія этой книги? Писатель самъ опредѣляетъ эту цѣль въ слѣдующихъ словахъ: „Если кто изъ читателей, говоритъ онъ, прочтаетъ эти правдивыя описанія, умилится душою и подниметъ призвательный взоръ къ небу; если, вдумавшись въ духовную красоту жизни этихъ людей, онъ почувствуетъ приливъ *бодрящаго, свѣтлаго чувства* и тяжесть его собственнаго жизненнаго креста точно уменьшится; если, наконецъ, мое слабое перо прольетъ хоть каплю утѣшенія въ ихъ души“,—то онъ сочтетъ себя глубоко счастливымъ и богато вознагражденнымъ за свой скромный трудъ. Такимъ образомъ, главная цѣль его изданія есть желаніе пролить отраду и утѣшеніе въ души людей скорбящихъ, ропщущихъ и изнемогающихъ подъ тяжестію жизненнаго

креста. Но нѣтъ сомнѣнія, что книга его можетъ заинтересовать читателя, по мимо этой цѣли, и болѣе широкими своими сторонами по своей жизненности и авторской наблюдательности, открывающихся въ ней.

Развивая свою мысль или лучше—свое доброе желаніе яснѣе, нашъ писатель въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ: „Если собрать на вѣсы всѣ тѣ горести и тягости, которые приходятся въ общемъ на долю каждаго изъ насъ, то окажется, что только весьма малая часть ихъ посылается намъ Господомъ, какъ наказаніе или вразумленіе, въ большинствѣ же изъ нихъ виноваты мы сами,—очень ужъ усердно мы воздвигаемъ преграды къ своему счастью, вѣдь оно бываетъ часто близко, *совсѣмъ близко* къ намъ, только мы за ними не видимъ его... Сколько бы горя уменьшилось, сколько бы свѣтлой радости прибавилось на свѣтѣ, если бы мы всѣ, при Божей помощи, постарались, если не разрушить, то, по крайней мѣрѣ, обойти воздвигнутыя нами преграды... тогда, безъ нашей поддержки, овѣ, быть можетъ, и сами бы пали“... Вотъ та основная идея, которая проникаетъ собою все его изданіе; именно эту идею онъ иллюстрируетъ своими небольшими, но трогательными и поучительными повѣстями, размышленіями и біографическими очерками.

Христіанскую добродѣтель вообще можно сравнить съ солнечнымъ лучомъ, который въ спектрѣ разлагается на нѣсколько цвѣтовъ; она будучи по существу своему единой и полной, отражается въ сознаніи вѣрующихъ, многими разнообразными цвѣтами. Писатель нашъ останавливаетъ свое преимущественное вниманіе только на нѣкоторыхъ цвѣтахъ этого спектра. Онъ не касается, такъ называемыхъ, общественныхъ добродѣтелей; онъ ничего не говоритъ, на примѣръ, о патріотизмѣ, о гражданскомъ мужествѣ, о сознательномъ приготовленіи къ общественному служенію и проч. Въ единственной статейкѣ подъ заглавіемъ: „Цвѣтокъ на могилу Суворова“ писатель лишь затрогиваетъ патріотическія чувства русскаго народа; но и при этомъ говоритъ не столько о патріотизмѣ, сколько о томъ, что великіе люди продолжаютъ жить послѣ своей смерти въ сердцахъ и памяти своихъ потомкахъ. Его же собственныя,

несомнѣнно христіански-патріотическія чувства только намѣчаются здѣсь въ молитвенномъ присутствіи его въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, при совершеніи панихиды настоятелемъ монастыря, о. архимандритомъ Меѳодіемъ.

Христіанская добродѣтель, которую онъ такъ жизненно, правдиво и трогательно изображаетъ въ своей книгѣ, свѣтитъ ему другими сторонами своего спектра добродѣтелей. Онъ останавливаетъ вниманіе читателей только на тѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, которыя могутъ вносить въ ихъ души утѣшеніе, миръ и спокойствіе при различныхъ скорбяхъ и жизненныхъ невзгодахъ. Онъ самъ говоритъ: „Путь по которому нужно идти, чтобы достигнуть мира душевнаго, до нельзя простъ и доступенъ каждому: *„Говори всегда правду, будь кратокъ и смиренъ сердцемъ, молись и трудись“* — вотъ этотъ путь. Все остальное тебя не касается. Кто идетъ этимъ путемъ, тотъ такъ силенъ и спокоенъ, что его ничего не можетъ сломить. Онъ обрѣлъ душевный миръ“. И писатель остается строго послѣдовательнымъ и вѣрнымъ этой идеи, ограничивъ себя этими рамками своего труда.

Обращая за тѣмъ вниманіе на содержаніе, заключенное въ этихъ рамкахъ, мы прежде всего должны замѣтить, что писатель нашъ старается представить предъ нами живую дѣйствительность, о чемъ и самъ неоднократно говоритъ въ своей книгѣ, и при этомъ отличается вдумчивостію, тонкимъ психологическимъ анализомъ и трогательнымъ освѣщеніемъ приводимыхъ имъ фактовъ съ христіанской точки зрѣнія. Книга его, какъ мы замѣтили уже, состоитъ изъ трехъ частей: повѣстей, размышленій и біографическихъ очерковъ. Съ цѣлю яснѣе и, такъ сказать, нагляднѣе познакомить читателей съ характеромъ литературныхъ приемовъ писателя, приведемъ *in extenso* примѣры изъ каждой части его интересной книги.

Изъ первой части этой книги останавливаемъ свое вниманіе на повѣсти: „О. Олимпій“. Еще недавно г. Андреевъ, извѣстный современный модный беллетристъ, въ своей повѣсти „Василій Өивейскій“, пытался доказать, что сельскій священникъ, удрученный житскіими бѣдствіями и невзгодами, при всей своей глубокой вѣрѣ, не можетъ находить душевнаго мира

и успокоенія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, и по какой то фізіологической необходимости можетъ даже впадать въ религіозную манію. Совершенно въ другихъ чертахъ изображаетъ памъ писатель своего о. Олимпія, тоже приходскаго священника и тоже великаго труженика. О. Олимпій есть не только труженикъ, но и мученикъ въ своей жизни. По словамъ писателя: „Вся жизнь отца Олимпія составляла рядъ испытаній; если и выпадали когда на его долю счастливые дни, то это было, какъ онъ самъ выражался, „по ошибкѣ“, потому что за каждую счастливую минуту онъ расплачивался цѣлыми годами скорби“. Мы не станемъ описывать всѣхъ его житейскихъ скорбей. Довольно сказать, что безжалостная смерть послѣдовательно лишила его любимой жены, единственной дочери и двухъ внуковъ, къ которымъ онъ привязался всею душою и которыхъ оставила ему на его попеченіе его преступная дочь. Какъ же относился къ своимъ скорбямъ и житейскимъ невгодамъ о. Олимпій? По словамъ писателя: „слишкомъ высокій христіанинъ, чтобы роптать, онъ съ покорностію склонялся предъ карающею его Десницею, но въ тоже самое время чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ. Онъ никакъ не могъ понять того, почему эти юныя (внуки), цвѣтуція, полныя жизни существа, должны лежать въ сырой землѣ, а онъ, такой утомленный, измученный, жаждущій отдыха, долженъ еще влечить жизнь? И гдѣ онъ возьметъ силы для того? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отецъ Олимпій нашелъ въ своихъ испытаніяхъ, въ своей тяжелой болѣзни, которая поразила его, столь сильно утомленнаго жизнью и горемъ, и отъ которой онъ едва было не умеръ. И велика была радость всѣхъ его прихожанъ, когда ихъ любимый батюшка настолько оправился, что самъ въ состояніи былъ служить. „Когда же онъ, по словамъ нашего писателя, еще слабый и исхудалый, первый разъ отслужилъ литургію и вышелъ на паперть, народъ, завидя его, кинулся на встрѣчу, прося благословенія, цѣлуя руки, хватая за рясу. Окинувъ ихъ взглядомъ, увидѣвъ ихъ радостныя лица и то умиленіе, съ какимъ эти простые, безхитростные люди крестились привѣтствуя его, отецъ Олимпій почувствовалъ, какъ и въ его сердце сходитъ умиленіе. Онъ понялъ, ради чего

сохранена была ему жизнь, понялъ, что на немъ лежитъ великій отвѣтъ за пасомое имъ стадо, и слезы просвѣтленія и благодарности показались у него на глазахъ"... Прекрасная, трогательная картина! Святая вѣра и вѣрность пастырскому долгу равно спасаютъ отца Олимпія какъ отъ религіозной гордости, такъ и отъ религіозной мави, не смотря на все его житейскія скорби и огорченія, подъ ударами которыхъ такъ печально падаетъ священникъ Василій Оивейскій г. Андреева.

Изъ второй части книги нашего писателя для характеристики этого отдѣла его произведеній останавливаемъ свое вниманіе на его размышленіи подъ заглавіемъ: „Наша утѣха“. Все это размышленіе можно назвать восторженнымъ гимномъ Пресвятой Дѣвѣ, гимномъ благодарности, умиленія и прославленія Ея. Писатель говоритъ: „нельзя изъяснить словами той радости, того утѣшенія, которое мы имѣемъ въ Божіей Матери. Все земное переходитъ, все земное отъ насъ можно отнять, но Божіей Матери никто отъ насъ не отниметъ"... И эти сужденія свои писатель подтверждаетъ не какими либо теоретическими докательствами и сображеніями, а чудесными фактами благодатнаго заступничества Пресвятой Дѣвы, заимствованными частію изъ исторіи, а частію ему непосредственно извѣстными, свидѣтелемъ которыхъ былъ онъ самъ. Онъ заявляетъ, что только чувство живѣйшей любви и духовнаго радованія побуждаютъ его подѣлиться съ другими тѣми доказательствами неизреченной любви и милосердія Божіей Матери къ людямъ, которые извѣстны ему лично. Онъ доказываетъ затѣмъ, что благодатное заступничество Пресвятой Дѣвы равно объемлетъ собою какъ Царствующій Домъ нашъ, такъ и всехъ христіанъ, съ вѣрою и любовію обращающихся къ Ней съ своими молитвами при своихъ житейскихъ скорбяхъ. Позволяемъ себѣ привести слѣдующую замѣчательную и поучительную страницу изъ этой части его сборника. „Въ Царскомъ Селѣ, говоритъ онъ, въ Знаменской церкви есть весьма старинная чудотворная икона Божіей Матери, именуемая „Знаменская“. Это святыня особенно почитается въ нашемъ Царствующемъ Домѣ. Драгоцѣнная риза,

украшающая ее, есть даръ Императрицы Александры Θεодоровны; брильянты, жемчуги и другіе драгоценныя камни, которыми она осыпана,—все это приношенія царственныхъ лицъ; среди ихъ даже находится любимое украшеніе Императрицы Александры Θεодоровны—большая бирюза, осыпанная брильянтами. Много чудесъ изливала эта икона; между прочимъ, она два раза спасала отъ пожара Царскосельскій дворецъ.

„12 мая 1820 года сдѣлался пожаръ въ старомъ дворцѣ, угрожавшій сосѣднимъ зданіямъ, а также и Знаменской церкви. Императоръ Александръ I вынесъ икону изъ церкви, обратилъ ликомъ къ мѣсту пожара и воскликнулъ, обратясь къ ней, вслухъ всѣхъ: „Матерь Божія! Спаси мой домъ!“ Въ одно мгновеніе вѣтеръ, несшій пламя на дворецъ и церковь, стихъ и, какъ бы повинувшись невидимой силѣ, перемѣнилъ свое направленіе и пожаръ прекратился.

„16 іюля 1863 года, въ 2 часа пополудни, начался сильный пожаръ внутри дворца; огненный потокъ съ стремительной силой несся впередъ, попаляя царскія чертоги, и охватилъ купола и кресты великолѣпной дворцовой церкви! Императоръ Александръ II со своею Августѣйшею Супругой повелѣлъ вынести икону изъ церкви и обнести Ее вокругъ дворца. И лишь только икона была обнесена вокругъ дворца и Августѣйшіе Молитвенники успѣли преклонить предъ Нею колѣна и прикоснуться къ Неѣ устами, какъ пожаръ мгновенно прекратился“... (Стр. 262 и 263).

Надобно при этомъ замѣтить, что писатель нашъ доказываетъ свои мысли не одними только фактами, заимствованными изъ исторіи или изъ жизненнаго опыта, но и теоретическими соображеніями. Такъ въ данномъ случаѣ онъ съ силою и негодованіемъ опровергаетъ тѣхъ нашихъ современныхъ скептиковъ и раціоналистовъ, которые не отвергаютъ уже *дѣйствительности* чудодѣйственной и благодатной помощи отъ иконъ Божіей Матери, но стараются объяснить все это естественнымъ путемъ, „гипнозомъ молящихся“. Онъ приводитъ мнѣніе одного ученаго раціоналиста нашихъ дней, который утверждаетъ, что чуда здѣсь нѣтъ никакого, что будто бы икона при этомъ гипнотизируется молящимися и что,

въ свою очередь, отдаетъ этотъ „гипнозъ“, отражаетъ его на тѣхъ, кто будетъ долѣе смотрѣть на нее. Дѣйствіемъ этого же гипноза, исходящаго будто бы изъ глазъ священника, рационалистъ этотъ объясняетъ жизненность и неповреждаемость крещенской воды. Вотъ ходячая и модная теорія для отверженія всѣхъ чудесъ, принятая современными намъ скептиками и чудофобами! Въ опроверженіи этой теоріи и этого рационалиста, писатель нашъ приводитъ сужденія одного пастыря, который писалъ ему въ отвѣтъ: „Если ваше предположеніе дѣйствительно вѣрно и святая вода потому только не портится и сохраняетъ свою жизненность въ продолженіе многихъ лѣтъ, что она подвергается гипнозу глазъ священниковъ (я прибавимъ—молящихся), то не есть ли это еще большее чудо? Вѣдь силою гипноза обладаютъ не всѣ, а только исключительныя личности, а водосвятіе воды ежегодно совершаютъ всѣ священники, *безъ исключенія*. Не дивно ли, что всѣ мы пастыри обладаемъ такой чудодѣйственной силой глазъ! Отчего же и всѣ доктора не обладаютъ такой силой относительно своихъ больныхъ?“

Замѣчательно при этомъ, что писатель нашъ, возсылая восторженный гимнъ заступничеству Пресвятой Дѣвы, не впадаетъ въ католическія преувеличенія Ея культа. Онъ остается вполне вѣрнымъ ученію нашей Православной Церкви. Но еще болѣе замѣчательно то, что, по его свидѣтельству, Матерь Божія оказываетъ свое милосердіе не однимъ только православнымъ, но и многимъ иновѣрцамъ, въ особенности лютеранамъ, среди которыхъ постепенно распространяется культъ Богоматери.

Для характеристики послѣдней части сборника нашего писателя приводимъ въ общихъ чертахъ его прекрасный біографическій рассказъ подъ заглавіемъ: „Она исполнила свое дѣло“. Въ этомъ рассказѣ писатель предлагаетъ коротенькій очеркъ жизни дочери одного благочестиваго священническаго семейства Псковской губерніи. Жизнь ея есть по истинѣ жизнь высокой христіанки, хотя и не отличается какими либо громкими и блестящими дѣлами. Мы не станемъ излагать всѣхъ фактовъ изъ жизни этой святой дѣвицы, а затѣмъ старицы.

Довольно сказать, вся ея жизнь была молитвеннымъ подвигомъ, непрерывнымъ служеніемъ Богу, ближнимъ и въ особенности своимъ родственникамъ. Когда братъ ея священникъ лишился любимой жены и остался съ двумя осиротѣвшими дѣтьми, она рѣшила посвятить всѣ свои силы, свою родственную любовь и свои заботы своему брату и его сироткамъ, и свято исполнила этотъ обѣтъ. Дружба между братомъ и сестрой во многомъ напоминала дружбу блаженнаго *Василія* съ его сестрой... Когда же братъ, удрученный смертію своихъ сиротъ, рѣшился поступить въ монахи и въ непродолжительномъ времени возведенъ былъ въ санъ архимандрита одной обители, она послѣдовала за нимъ, чтобы посѣлиться вблизи обители; продолжала служить брату и монашествующимъ; и хотя не принимала на себя явнаго пострига, но, въ сущности, наложила на себя самое строгое постриженіе. И только на смертномъ одрѣ ея, благодарный братъ получилъ возможность исполнить ея завѣтное желаніе и постричь ее въ монахини подъ именемъ *Анны*. „Какъ бы я хотѣла, говорила она, хоть разъ видѣть себя облаченной въ монашеское одѣяніе!“ Но желаніе ея не могло осуществиться; она скончалась, окруженная любовью брата, монашествующихъ обители и всѣхъ знавшихъ ее. Трогательно было ея погребеніе. Любящій и благодарный братъ выхлопоталъ у мѣстнаго преосвященнаго разрѣшеніе похоронить тѣло ея въ пещерахъ обители, у подножій большого изображенія распятаго Спасителя. Могила ея всегда украшена цвѣтами; это даръ тѣхъ, кто ее любитъ и помнитъ. На могилѣ особенно выдѣляются два вѣнка. Одинъ—изъ „*Анютиныхъ* глазокъ“,—даръ супруги Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода *Е. А. Побѣдоносцевой*. Другой вѣнокъ изъ незабудокъ съ надписью: „*Незабвенной труженицѣ*“.—Писатель нашъ заканчиваетъ свой рассказъ о ней слѣдующими словами извѣстнаго профессора *Шалфеева*: „Я счастливъ, что видѣлъ одну изъ тѣхъ безвѣстныхъ труженицъ, благодаря которымъ наша родина вынесла всѣ непомѣрно тяжкія бѣдствія и не въ примѣръ прочимъ получила названіе *Святой Руси*“. Эгими же словами оканчиваемъ и мы нашу біографическую замѣтку.

Мы старались выяснитъ основную идею, цѣль и содержаніе этой прекрасной книги. Она одобрена и Училищнымъ Совѣтомъ Святѣйшаго Синода для библіотекъ церковно-учительскихъ и второклассныхъ школъ. Сочтемъ вполнѣ себя удовлетворенными и мы, если обратимъ на нее вниманіе всѣхъ удрученныхъ горемъ и изнемогающихъ подъ тяжестью своего креста. Они найдутъ въ ней истинно-христіанское утѣшеніе, при своихъ житейскихъ невзгодахъ. Думаемъ, что и всѣ колеблющіеся въ вѣрѣ христіанской, всѣ наши современныя индифференты, раціоналисты и скептики, тоже могутъ найти въ свое просвѣтленіе при доброй волѣ.

Книга „*Къ тихой пристани*“ продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, а также на дому у автора Елены Андреевны Вороновой: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Малый проспектъ, д. № 61—16, кв. 3. Цана 1 руб. Выписывающіе же отъ автора пользуются 25% скидка, на пересылку каждаго экземпляра книги иногородніе прилагаютъ 15 к.

*К. Истоминъ.*

---

---

## ГЕОЛОГИЯ И БИБЛИЯ.

---

(Окончаніе \*).

Въ 80-хъ годахъ началъ выдвигаться новый взглядъ на 1-ю главу кв. Бытія. Такъ, по мнѣнію Клитфорда, признающаго богодухновенность Библии и вдобавокъ аббата, въ первой главѣ Бытія не говорится ни о какомъ твореніи. Первая глава, по его мнѣнію, представляетъ собою литургическій гимнъ. Онъ остроумно объясняетъ ея происхожденіе, изъ какового объясненія вытекаетъ его взглядъ и на ея характеръ. Во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ, говоритъ онъ, евреи пользовались египетскимъ календаремъ, въ которомъ каждый день посвящается какому-нибудь богу. При выходѣ евреевъ изъ Египта Моисей, опасаясь, что если у евреевъ не будетъ своего календаря, и они будутъ пользоваться календаремъ египетскимъ, то они будутъ почитать и боговъ египетскихъ, рѣшилъ имъ дать свой календарь. Такъ какъ евреи почитали одного Бога и никого, кромѣ одного Бога, то вмѣсто посвященія каждаго дня особому божеству, Моисей рѣшилъ призвать евреевъ къ посвященію каждаго дня воспоминанію о томъ или другомъ изъ актовъ творенія этого міра, который былъ весь нѣкогда вызванъ изъ небытія къ бытію Богомъ, причемъ порядокъ этихъ воспоминаній могъ нисколько не соответствовать дѣйствительному порядку событій. И вотъ для этой цѣли Моисей написалъ то, что теперь помѣщается какъ исторія творенія въ 1—2, 1—4 ст. кн. Бытія. Клитфордъ доказываетъ

---

\*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 1, за 1905 г.

правильность своего взгляда и особенностями языка первой главы и самымъ ея текстомъ и сличеніемъ ея съ другими частями Библии. Взглядъ Клитфорда въ послѣдствіи былъ развиваемъ и повторяемъ многими. Но вообще до настоящаго времени нѣтъ общепринятаго толкованія, которое устраняло бы конфликтъ между Библией и геологіей, и нельзя ждать, чтобы такое толкованіе явилось въ близкомъ будущемъ. Однако позволительно отмѣтить, что по мѣрѣ своего развитія геологія въ представленіи исторіи земли все болѣе приближается къ библейскому повѣствованію. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ пунктовъ для соблазна было библейское ученіе о сотвореніи солнца послѣ появленія растеній, но по новѣйшимъ теоріямъ (Фая и Лигондэ) солнце вообще моложе земли и образованіе его было актомъ значительно послѣдующимъ за образованіемъ земли. Библейскія данныя объ исторіи земли и геологическія представленія доселѣ, правда, не приведены къ такому соглашенію, которое могло бы претендовать на большую вѣроятность. Не должно смущаться этимъ и должно надѣяться, что добросовѣстная научная любознательность получитъ по волѣ Божіей разрѣшеніе своихъ недоумѣній въ будущемъ. Вопросъ слишкомъ сложенъ, повѣствованіе Библии слишкомъ кратко, данныя геологіи слишкомъ отрывочны. Главное недоумѣніе теперь касается того, что Библия назначаетъ шесть дней для процесса, для котораго геологія назначаетъ милліоны лѣтъ. Но это недоумѣніе не должно считать неустранимымъ. Мы указывали, что по мысли нѣкоторыхъ церковныхъ толкователей день въ библейскомъ повѣствованіи употребляется не въ значеніи обыкновеннаго дня, но они видятъ въ этомъ повѣствованіи о дняхъ только приспособленіе къ человѣческому пониманію и утверждаютъ, что въ дѣйствительности никакихъ дней творенія не было. Можно думать, что ихъ экзегезисъ въ его отрицаніи за библейскимъ повѣствованіемъ о твореніи историческаго характера ошибоченъ. Нужно полагать, что дни творенія были, что передъ твореніемъ Творцомъ были созданы законы, по которымъ оно должно было совершаться, что твореніе совершалось съ постепенностью и что оно дѣйствительно представляло собою лѣствицу восхожденія существъ. Возможно

допустить далѣе, что процессъ образованія земли въ самомъ дѣлѣ былъ дологъ, обнималъ собою далеко не шесть нашихъ астрономическихъ сутокъ, и должно сознаться, что мы не знаемъ, въ какую догматическую истину указываетъ Библия, говоря о шести дняхъ, но едва ли можно сомнѣваться, что первые и ближайшіе читатели книги Бытія подъ днями разумѣли обыкновенные дни. Взглянемъ теперь на вопросъ съ другой точки зрѣнія. Допустимъ, что традиціонное пониманіе исторіи творенія абсолютно истинно, и міръ въ законченномъ видѣ явился въ шесть дней: Атлантическій океанъ, Альпы, Каспійская низменность, взрослые животныя, все это явилось сразу. Лошадь мгновенно была создана взрослою. Затѣмъ начался тотъ порядокъ, который существуетъ и нынѣ—порядокъ постепенности развитія и медленности измѣненій. Если принципы этого настоящаго порядка приложить къ прошедшему, то тогда получатся тѣ сотни тысячъ и милліоны лѣтъ, о которыхъ учитъ геологія. Какой вредъ отъ этого геологическаго ученія? Съ теоретической стороны оно даетъ намъ пониманіе строенія земли, съ практической оно даетъ указанія, какъ и гдѣ въ землѣ нужно отыскивать то, что нужно человѣку. Геологія исходитъ изъ принципа, что твореніе не было актомъ всемогущества, для котораго всеблагой и всемогущій Богъ не положилъ напередъ никакихъ законовъ, но что оно было раскрытіемъ законовъ и идей—твореніемъ по плану и порядку. Но этотъ взглядъ ясно подсказываетъ и первая глава книги Бытія. Есть еще одна точка зрѣнія, которую нужно принять въ расчетъ при разсужденіи исторіи творенія. И непосредственный нашъ взоръ и естествознаніе несомнѣнно представляютъ вещи не такими, каковы они суть. Время, пространство, матерія, движеніе, все это не таково, какимъ намъ кажется. Отсюда вытекаетъ, что и Библия и геологія даютъ намъ не дѣйствительную, а только символическую исторію міра. Символы эти въ нашемъ пониманіи теперь не представляются тождественными, но выводы слѣдующіе изъ нихъ одни: процессъ образованія міра былъ нѣкоторымъ законосообразнымъ процессомъ развитія, процессомъ перехода отъ однообразнаго къ

разнообразному, отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему.

Исторія творенія есть важнѣйшій пунктъ, гдѣ приходятъ въ столкновеніе Библія и геологія. Гораздо менѣе важенъ, но однако былъ предметомъ многочисленныхъ обсужденій и споровъ вопросъ о потопѣ. Въ первой половинѣ XIX столѣтія, когда въ геологіи царствовала теорія катастрофъ, когда представляли, что горныя цѣпи внезапно поднимались изъ нѣдръ земли, причемъ происходили великія землетрясенія, гипотеза не только потопа, но потоповъ казалась весьма удобопріемлемою и прилагалась къ объясненію многихъ явленій. Причемъ нѣкоторые геологи ставили тезисъ, что нѣсь потопа были до человѣка, и этимъ заявленіемъ они причиняли не мало хлопотъ богословамъ. Во второй половинѣ вѣка, когда утвердились принципы Ляйэля и Дарвина, гипотеза катастрофъ была отвергнута и во имя принципа постепеннаго и спокойнаго преобразованія земной поверхности совсѣмъ отвергли предположенія о потопѣ. Такъ было до 80-хъ годовъ. Въ 1887 г. англійскій геологъ Гоуртъ выпустилъ книгу „Мамонтъ и потопъ“, въ которой на основаніи геологическихъ фактовъ доказывалъ, что въ вѣдалекомъ прошломъ былъ всемірный потопъ. Онъ указалъ, что конецъ геологической эпохи, предшествовавшей современной характеризуется внезапною гибелью мамонта (въ Сибири доселѣ имѣется громадное количество мамонтовой кости). Видно, что внезапно погибли громадныя количества разныхъ животныхъ вслѣдствіе наводненія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ пещеры, наполненныя неповрежденными костями всевозможныхъ животныхъ. Внезапно погибла птица Моа (была больше страуса) въ Новой Зеландіи. Тамъ же и тогда же погибла птица *Hafragornis*. Многие факты, поминѣнію Гоурта, указываютъ, что предшествовавшая геологическая эпоха кончилась страшнымъ катаклизмомъ. Австралійскіе острова несомнѣнно представляютъ собою лишь возвышенныя пункты материка (по формѣ весьма похожаго на Африку), только недавно погружившагося въ море. Книга Гоурта встрѣтила себѣ мало сочувствія, но большое сочувствіе встрѣтила гипотеза вѣнскаго геолога Зюсса. Зюссъ привялъ взглядъ ас-

сиріолога Гаупта, по которому библейское повѣствованіе о потопѣ есть передѣлка халдейскаго сказанія о потопѣ, это сказаніе, по его воззрѣнію, имѣетъ въ своей основѣ дѣйствительное событіе. Вотъ сущность его взгляда. 1) Явленіе природы, извѣстное подъ именемъ потопа, происходило въ нижнемъ теченіи Евфрата и выразилось сильнымъ наводненіемъ, залившимъ всю месопотамскую низменность. 2) Одною изъ важнѣйшихъ причинъ этого явленія было сильное землетрясеніе въ Персидскомъ заливѣ, или къ югу отъ него; этому землетрясенію предшествовали многократныя слабыя колебанія почвы. 3) Весьма вѣроятно, что въ періодъ сильныхъ подземныхъ ударовъ изъ Персидскаго залива надвинулся на эти мѣста циклонъ. 4) Преданія другихъ народовъ не даютъ ни малѣйшаго повода думать, что наводненіе распространилось за предѣлы нижняго теченія Тигра и Евфрата и тѣмъ болѣе, что оно охватило всю землю. Главнѣйшія черты этого явленія представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ теченіе продолжительнаго сейсмическаго періода, подъ вліяніемъ подземныхъ ударовъ, воды Персидскаго залива неоднократно устремлялись въ низменность Евфрата. Обезпokoенный этимъ осторожный Хасизадра, царь Сурипака, какъ бы по божественному предостереженію строить корабль, въ которомъ онъ могъ бы спасти свою семью, и смазываетъ его снаружи и внутри асфальтомъ, какъ это теперь дѣлается на Евфратѣ. Колебанія почвы усиливаются. Хасизадра съ семьєю бѣжитъ на судно; черезъ трещины, прорѣзавшія неизмѣнность, выступаютъ почвенныя воды. Большое давленіе атмосферы, сопровождавшееся страшной бурей и дождемъ, а, можетъ быть, и настоящимъ циклономъ, который надвинулся изъ Персидскаго залива, является спутникомъ землетрясенія въ тотъ моментъ, когда оно достигаетъ своей высшей силы. Море устремляется на равнину, опустошаетъ ее, поднимаетъ судно, гдѣ ютятся люди, ищущіе спасенія, и гонитъ его въ глубь страны къ тѣмъ холмамъ, которые у устья малаго Цаба ограничиваютъ низменность Тигра съ сѣвера и сѣверо-востока. Явились еще и другія гипотезы о потопѣ (Раймонда Жирара, Шварца). Сущность ихъ всѣхъ сводится къ признанію фактической основы

въ библейскомъ повѣствованіи. Съ другой стороны у богослововъ обнаруживается стремленіе идти на встрѣчу геологамъ. Начинаетъ развиваться мысль, что Библия говоритъ не о всемірномъ потопѣ, что ея выраженія нельзя понимать въ строго буквальномъ смыслѣ. Еще блаж. Августинъ въ одномъ своемъ письмѣ къ Павлину Ноланскому написалъ: „scripturae mos est ita loqui de parte tantum de toto“—Св. Писаніе обычно о части говоритъ такъ, какъ бы о цѣломъ. Приводятъ много цитатъ, подтверждающихъ это положеніе. Такъ, въ книгѣ Бытія (41 гл.) при повѣствованіи о голодѣ, постигшемъ Египеть и окрестные страны при Іосифѣ, говорится: „былъ голодъ во *всѣхъ* земляхъ“ (54 ст.), „изъ *всѣхъ* странъ приходили въ Египеть покупать хлѣбъ“ (57 ст.); никто изъ комментаторовъ слово „весь“ въ этихъ текстахъ не прилагалъ ко всему земному шару. Во второй главѣ Второзаконія Моисей въ своей рѣчи такъ передаетъ слова Господа къ евреямъ, когда они шли на Сигона Аморрейскаго: „съ сего дня я начну распространять страхъ и ужасъ предъ тобою на народы подъ *всѣмъ* небомъ“ (25 ст.). Но конечно, далеко не всѣ народы слышали и знали о евреяхъ, тѣмъ менѣе чувствовали предъ ними страхъ и ужасъ. О Соломонѣ говорится, что „*всѣ* (цари) на землѣ искали видѣть Соломона“ (3 Цар. 10, 24). Въ книгѣ дѣяній повѣствуется, что ко дню пятидесятницы „въ Іерусалимѣ находились іудеи, люди набожные изъ *всякаго* народа подъ небесами“ (11, 5). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ слово „весь“, очевидно, должно пониматься въ ограниченномъ смыслѣ. Особо руководящее значеніе въ вопросѣ о пониманіи библейскаго повѣствованія о потопѣ придаютъ начальнымъ стихамъ книги пророка Софоніи. Все истреблю съ лица земли,—говоритъ Господь: истреблю людей и скотъ, истреблю птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ, и соблазны вмѣстѣ съ нечестивыми, истреблю людей съ лица земли, говоритъ Господь, (1, 2, 3). Изъ дальнѣйшаго содержанія пророческой книги открывается, что это грозное пророчество должно относить далеко не ко всей землѣ, а только къ Іудеѣ и—самое большое еще къ финикіянамъ и вавилонянамъ. Не должно ли принять, что и въ повѣствованіи о потопѣ *totum* ставится *pro parte*? Нѣкоторые католи-

ческіе богословы идутъ далѣе и допускаютъ, что потопъ не былъ всемірнымъ не только въ географическомъ, но и въ антропологическомъ смыслѣ. Они производятъ отъ Ноя лишь арійцевъ, семитовъ и хамитовъ, а для прочихъ народовъ ищутъ предковъ въ допотопныхъ племенахъ. Но нѣтъ пока никакой нужды обращаться къ этой гипотезѣ. Для насъ важно пока, что курсы геологіи начинаютъ отводить главу „всемірному потопу“. (См., напр. Неймара, Исторія земли, 1897 г.). Это великій шагъ на пути къ признанію библейской истины.

Въ послѣднее время еще другое библейское повѣствованіе стало находить себѣ подтвержденіе въ геологическихъ изысканіяхъ. Это—повѣствованіе о гибели Содома и Гоморры. До послѣдняго времени ученые рассматривали Мертвое море, какъ часть бывшаго нѣкогда гораздо болѣе обширнымъ моря Средиземнаго. На всей окружности Мертваго моря продолжаются, на разныхъ высотахъ, покрытыя галькой террасы, очевидно, бывшіе берега, заключающіе раковины видовъ нынѣ существующихъ въ Средиземномъ морѣ; на западныхъ склонахъ насчитывается не менѣе девяти послѣдовательныхъ береговъ, самый высокій изъ нихъ въ точности соотвѣтствуетъ уровню Средиземнаго моря. Изъ этого вывели, что Мертвое море образовывало нѣкогда вмѣстѣ съ Тивердіатскимъ озеромъ и всею низменностью Хоръ заливъ, соединявшійся съ Средиземнымъ моремъ Эзраэлонскимъ проливомъ. Отдѣляясь отъ моря, озерный резервуаръ, быстро уменьшившійся, вслѣдствіе испареній, вѣроятно, занималъ послѣдовательно уровни, указываемые террасообразными берегами, затѣмъ, Тиверіадское озеро, оставшееся въ верхней впадинѣ, постепенно утратило соленость образоваіемъ себѣ истока, тогда какъ соленыя вещества сосредоточились въ суженомъ бассейнѣ занимающемъ самую глубокую часть равнины Хоръ—въ Мертвомъ морѣ. Мертвое море по этой гипотезѣ, есть остатокъ залива моря Средиземнаго. Повѣствованію Библии по этой теоріи не соотвѣтствуетъ геологическая правда.

Этотъ взглядъ до послѣдняго времени былъ всеобщимъ. Только очень немногіе, таковъ наприм. Фалькуччи (его сочиненіе—*Il mar Morto del Pentapoli del Giordano*) изъ геологовъ

допускали, что въ Библии говорится о дѣйствительномъ геологическомъ фактѣ, а не передается народная легенда; большинство же упорно отрицало Библию. Но это упорное отрицаніе должно перестать существовать по отношенію къ данному факту. Въ 1896 г. выдающійся нѣмецкій геологъ Максъ Бланккенхронъ опубликовалъ работу „Происхождение и исторія Мертваго моря“ (въ „Zeitschrift des deutschen Palästina Vereins“ XIX. Leipzig), въ которой пытается результаты своихъ изслѣдованій поставить въ полное согласіе съ Библией.

Бланккенхронъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы Мертвое море было когда-нибудь частью Средиземнаго <sup>1)</sup>. Онъ насчитываетъ въ исторіи его со времени его происхожденія до настоящихъ дней шесть послѣдовательныхъ фазъ. Въ опредѣленіи ихъ онъ руководится хорошо изученною геологическою исторіею Европы. Европа въ прошедшемъ пережила двѣ ледниковыя эпохи. Къ началу первой изъ нихъ относится и начало Мертваго моря. Сѣверное полушаріе характеризовалось тогда обиліемъ воды, влажности и дождей. Тогда Палестинское озеро вслѣдствіе обилія дождей распространилось на сѣверъ до Тиверіады, его уровень поднялся до уровня Средиземнаго моря. Его ширина тогда варьировала между 5—25 верстами, оно образовало обширныя отложенія, которыя, впрочемъ, потомъ въ большей части были разрушены землетрясеніями. За періодомъ дождей послѣдовалъ періодъ засухи. Въ эту вторую фазу своего существованія Мертвое море понизило свой уровень на 150 сажень, и его воды сосредоточились около гипсовыхъ и соляныхъ отложеній Джебель-Усдома (Содомской горы), но наступила вторая ледниковая эпоха, снова явились дожди и влага, уровень озера поднялся на 40—50 сажень, почему на этой высотѣ и образовалась замѣчательная каменная терраса съ громадными блоками. За влажнымъ снова наступилъ сухой

<sup>1)</sup> Замѣтимъ съ своей стороны, что въ геологіи всегда имѣлись основанія для этого отрицанія: Мертвое море отличается небольшимъ обиліемъ морской соли, но чрезвычайно богато хлористымъ и бромистымъ магніемъ. Это заставляетъ скорѣе всего предполагать, что оно образовалось вслѣдствіе паденія дождей, воды которыхъ смѣшивались съ минеральными веществами растворенными теплыми источниками.

періодъ (четвертый въ исторіи Мертваго моря), онъ характеризовался, по Бланккенхрону, развитіемъ вулканической дѣятельности. Въ пятую фазу Мертвое море заключалось приблизительно въ тѣ границы, въ которыхъ существуетъ въ настоящее время. Террассы, образовавшіяся въ это время, заключаютъ въ себѣ гипсъ и соль, и въ нихъ находятся крайне неправильно распределенныя сѣра и асфальтъ. Бланккенхронъ полагаетъ, что тогда началась усиленная дѣятельность теплыхъ источниковъ страны.

Шестая фаза падаетъ на историческое время. Тогда произошло разрушеніе древнихъ террасъ, расположенныхъ у южной оконечности озера, вслѣдствіе землетрясенія, произведшаго пониженіе почвы. Этою катастрофою были уничтожены Содомъ и Гоморра, и вслѣдствіе ея Мертвое море распространилось къ югу. Бланккенхронъ приходитъ къ заключенію, что указанія Библіи точно совпадаютъ съ данными наблюденій, и въ юговосточномъ углу Себха онъ указываетъ вѣроятныя развалины Сигора—одного изъ городовъ пятиградія, не подвергшагося разрушенію. Свои выводы Бланккенхронъ мотивируетъ весьма основательно, но нельзя послѣдовать за нимъ въ его взглядѣ на библейское повѣствованіе о превращеніи жены Лота въ соляной столбъ. Онъ видитъ въ этомъ повѣствованіи отзвукъ преданія, образовавшагося подъ тѣмъ условіемъ, „которое должно вызывать у туземцевъ фантастическія очертанія соляной горы Джебель-Усдомъ“. Что отыскивать въ теперешнихъ скалахъ, окружающихъ Мертвое море, жену Лота неосновательно, съ этимъ вполне должно согласиться, но что вѣкогда обернувшаяся жена Лота „стала солянымъ столпомъ“—оспаривать это, кажется, нѣтъ возможности. Въ настоящее время брызги волнъ Мертваго моря оставляютъ на всѣхъ предметахъ легкій осадокъ соли, во время катастрофы замедлившая жена Лота могла быть моментально облечена толстымъ солянымъ слоемъ и, такимъ образомъ, превратиться въ соляной столпъ. Кромѣ смолы и сѣры воздухъ тогда долженъ былъ быть насыщенъ соляными испареніями.

Бланккенхорнъ не принимаетъ библейскаго повѣствованія во всей его полнотѣ, но ему должно поставить въ заслугу уже

то, что онъ приближается къ этому. Сила фактовъ заставляетъ геологовъ постепенно идти не въ сторону отъ Библии, а по направленію къ ней.

Геологи, истолковывая законы измѣненія рельефа земной поверхности, не только объясняютъ прошедшее, но даютъ предсказанія будущаго. Съ геологической точки зрѣнія, какъ это развилъ Лаппаранъ (въ статьѣ „Судьба твердой земли и продолжительность геологическихъ эпохъ“, 1891 г.), земля должна погибнуть отъ воды. „Всякій долъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да понизится“ (Лк. 3, 5, ср. Ис. 40, 4). Вода съ болѣе высокихъ мѣстъ несетъ твердыя частицы въ низкія мѣста и, возвышая послѣднія, унижаетъ первыя. Эта ея нивелирующая дѣятельность достаточно изучена въ настоящее время. По закону тяготѣнія всякое тѣло, частицы котораго отличаются удобоподвижностію и на которое не дѣйствуетъ притяженіе совѣ, стремится принять форму шара. Земля не есть одинъ сплошной агрегатъ, но частицы ея далеко и неудобоподвижны, вслѣдствіе этого ея горы, ея выступы не могутъ исчезнуть сразу, но ихъ постепенно размываетъ и разрушаетъ вода и въ своихъ потокахъ уноситъ въ океанъ. Лаппаранъ вычислилъ количество земли (въ кубическихъ километрахъ), возвышающееся надъ уровнемъ океана (взялъ максимальную цифру), и количество земли, ежегодно относимое въ океанъ главнѣйшими рѣками и выбрасываемое въ океанъ вулканами (взялъ минимальную цифру). Онъ получилъ выводъ, что подъ дѣйствіемъ только естественныхъ причинъ менѣе чѣмъ въ четыре милліона лѣтъ вся твердая земля должна будетъ исчезнуть подъ водою. Можно, конечно, спорить относительно точности этого вывода, между прочимъ и самъ Лаппаранъ не отрицаетъ возможности того, что земля ранѣе указанного срока погибнетъ отъ другихъ причинъ (отъ охлажденія солнца, отъ столкновенія съ какимъ либо небеснымъ тѣломъ, отъ паденія на солнце). Но важенъ геологическій выводъ, что жизнь на землѣ имѣла начало и несомнѣнно будетъ имѣть конецъ. Принципъ Эволюціи, т. е., принципъ какого-то безпредѣльнаго развитія органическаго міра не можетъ быть приложенъ къ землѣ въ ея теперешнемъ

естественномъ состояніи. За періодомъ развитія на ней долженъ начаться періодъ упадка. Вотъ почему тѣ, которые весь смыслъ жизни полагаютъ въ земномъ прогрессѣ, очевидно, пытаются стать въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Если удѣломъ человѣчества долженъ быть безконечный прогрессъ, то несомнѣнно не на этой землѣ и не подъ этимъ небомъ.

Изъ представленнаго обзорѣнія пунктовъ столкновения Библии и геологіи можно видѣть, что въ настоящее время геологія вовсе не враждебная Библии наука, напротивъ, по частнымъ вопросамъ она можетъ даже помогать библейскому экзегезису и по своимъ принципамъ содѣйствовать христіанской апологетикѣ, какъ это формулировалъ Лаппаранъ въ своемъ обширномъ курсѣ геологіи. Выяснивъ, что задачей геологіи должно быть установленіе законовъ распредѣленія неорганическихъ массъ и органическихъ останковъ на земномъ шарѣ, онъ говоритъ: „если теперь мы пожелаемъ резюмировать въ точной формулѣ то, что только что было сказано о значеніи геологіи, мы найдемъ эту формулу, введя идею *порядка*, которая управляетъ наукой, когда послѣдняя желаетъ быть достойной своего высокаго назначенія, и въ фактѣ существованія какого порядка каждый непредвзятый умъ долженъ признать очевидное обнаруженіе Высшаго Разума, управляющаго распредѣленіемъ всѣхъ вещей“. Даже и геологи эволюціонисты причину эволюціи начинаютъ указывать въ Богѣ. Такъ поступаетъ Годри въ своемъ „Опытѣ философской палеонтологіи“ (*Essai de paléontologie philosophique*, 1896 г.). Конечно и теперь существуютъ геологи матеріалисты и атеисты, но должно помнить, что ихъ антерелигіозное міросозерцаніе нисколько въ сущности не связано съ тою наукою, которой они служатъ. Однимъ изъ положившихъ начало геологіи, какъ наукѣ, былъ католическій священникъ Степонъ (XVII в.), и въ настоящее время лучшее руководство по геологіи въ Франціи—*Traité de Géologie* (4—me édition. 1900 г., въ 3-хъ томахъ) принадлежитъ профессору католическаго института Лаппарану, который далъ въ сферѣ геологіи цѣлый рядъ поучительныхъ апологетическихъ статей.

Печально, что эти работы Лаппарана, какъ и другихъ за-

падныхъ натуралистовъ христіанскаго образа мыслей неизвѣстны тѣмъ русскимъ, которые знакомятъ русское общество съ геологическою наукою. Такъ, на русской языкъ въ 1903 г. переведено résumé курса Лаппарана по геологіи подъ заглавіемъ „Общедоступная геологія“. Переводчикъ счелъ нужнымъ снабдить книжку своими прибавленіями о геологической хронологіи, гдѣ, развивая положенія Лаппарана и по видимому твердо убѣжденный, что онъ идетъ вслѣдъ за авторомъ, опредѣляетъ минимально древность человѣка во 100 тысячъ лѣтъ, потому что доисторическій періодъ по его соображеніямъ долженъ былъ въ крайней мѣрѣ быть въ 10 разъ больше историческаго. Этого требуетъ принципъ эволюціи. Но требуетъ ли этого Лаппаранъ? Переводчику неизвѣстны воззрѣнія Лаппарана. Съ точки зрѣнія Лаппарана въ жизни человѣчества не было никакого доисторическаго періода. Вотъ какъ рассуждаетъ онъ объ этомъ, исходя изъ геологическихъ данныхъ.

Описывая коралловые острова, находящіеся въ Тихомъ океанѣ подъ тропиками при самыхъ благопріятныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, онъ приходитъ къ такому заключенію, что эти острова представляютъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ аргументовъ противъ теоріи эволюціи. Если когда-нибудь, говоритъ онъ, почва была благопріятна для эволюціоннаго развитія, то именно здѣсь въ этомъ мѣрѣ атолловъ. Вотъ рельефъ совершенно изолированный посрединѣ океана и исчезающій подъ водами его при каждомъ приливѣ; волны (прибой ихъ содѣйствуетъ быстрѣйшему образованію коралловъ, вѣроятно, это имѣетъ въ виду Лаппаранъ) сдѣлали изъ него кусокъ суши. Какимъ образомъ населится она? Безъ сомнѣнія углеродъ, водородъ и кислородъ, заимствованные изъ воздуха и воды, сейчасъ соединятся, образуютъ клѣточки, произведутъ водоросли, лишай, болѣе совершенныя тайнобрачныя, между тѣмъ какъ какая-нибудь протоплазма, проходя путемъ губокъ и фораминиферъ, подготовитъ будущее животнаго царства. вмѣсто всего этого что видимъ мы? Атоллъ все получилъ отъ вѣ: растенія его сугъ виды высшаго порядка, происшедшіе несомнѣнно изъ зеренъ, принесенныхъ моремъ и вѣтрами, птицы перелетѣли сюда черезъ океанъ, а между ними

и дикарь, который населяетъ эти острова. Здѣсь нѣтъ степеней, нѣтъ типовъ посредствующихъ. Совершенно отсутствуютъ четвероногія, не только автропиды. Самые рѣшительные эволюціонисты принуждены сознаться, что человѣкъ явился сюда путемъ эмиграціи. Но этотъ человѣкъ имѣлъ отечество, преданія, индустрію. Отъ всего этого не осталось никакого слѣда. Толкнутый страстью къ приключеніямъ въ міръ неизвѣстный, успокоенный сначала легкостью добыванія пищи и убѣжища, которая предлагала ему дѣвственная земля, онъ прервалъ общеніе со всѣмъ остальнымъ міромъ, но вотъ онъ увидѣлъ, что жизнь для него болѣе и болѣе становится трудною и стѣснительною. Постепенно отъ поколѣнія къ поколѣнію островитянинъ терялъ понятіе о всемъ, что было внѣ окружающей его дѣйствительности. Его жизнь, неизмѣющаяся неожиданностей и лишенная всякой поэзіи не наполняется никакою заботою, кромѣ заботъ объ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ. И когда наступитъ такой моментъ, что возрастаніе населенія представитъ опасность голода, чувство *struggle for life* (борьбы за существованіе) могущественный рычагъ прогресса эволюціонистовъ— совершитъ ли какое-нибудь чудо? Нѣтъ, дикарь будетъ искать избавленія отъ угрожающаго зла въ дѣтоубійствѣ.

Вотъ, до чего дошелъ человѣкъ, вслѣдствіе того, что, отдѣлившись отъ мѣста своего происхожденія, онъ порвалъ связь съ центромъ, оживляющимъ его. Въмѣсто того, чтобы совершенствоваться, онъ опускался все ниже и ниже, и чтобы поднять его, такъ глубоко павшаго, нужно установить новыя связи между ними и тѣми, которые, находясь въ лучшихъ условіяхъ, никогда не разрывали цѣпи, связывавшей ихъ съ прошедшимъ.

Это естественно вызываетъ мысль: нѣтъ ли аналогіи между состояніемъ племенъ, населяющихъ атоллы, и состояніемъ племенъ, которыя оставили намъ по себѣ память только въ обитыхъ камняхъ, въ костяхъ, лежащихъ въ аллювіальныхъ наносахъ или въ пещерахъ? Сравнимъ сначала ихъ взаимныя положенія. Первые занимаютъ край обитаемаго міра въ Тихомъ океанѣ, ибо атоллы образуютъ за островами въ собственномъ смыслѣ цѣпь, за которою не простирается ничего кромѣ

неизмѣримыхъ глубинъ океана. Это крайніе посты, которые завялъ человѣкъ. Точно также, гдѣ обычно находимъ мы слѣды каменнаго вѣка? Не тамъ, гдѣ преданія согласно указываютъ колыбель человечества и театръ развитія первыхъ цивилизацій. Слѣды эти оказываются въ Европѣ и особенно въ ея западныхъ и сѣверныхъ частяхъ. Чѣмъ бѣднѣе страна историческими документами, тѣмъ богаче она оказывается остатками каменнаго вѣка. Слѣды палеолитическаго вѣка (вѣка—оббитыхъ каменныхъ орудій, когда еще неумѣли полировать камня) находятся во Франціи, Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Германіи, Бельгіи и Англии, но въ Малой Азіи или даже въ Греціи этихъ слѣдовъ не оказывается. Такъ можно сказать, что области, которыя знали вѣкъ обитанія камня, образовывали вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ развивалась цивилизація, виѣшнюю зону, видъ ореола, если только позволительно къ этому печальному состоянію приложить такое слово. Эта зона отступала къ сѣверу по мѣрѣ того, какъ цивилизація распространялась все на большей и большей территоріальной площади, и по мѣрѣ того, какъ сѣверныя области, освобождаясь отъ льдовъ (по мѣрѣ ослабленія ледниковой эпохи), становились способными для обитанія. Такъ Скандинавія, гдѣ вѣтъ слѣдовъ палеолитической эпохи, представляетъ намъ много слѣдовъ вѣка неолитическаго (вѣка полированныхъ каменныхъ орудій), и вѣкъ бронзы царствовалъ тамъ еще въ первые вѣка нашей эры. Вслѣдствіе этого не болѣе ли законно видѣть въ племенахъ вѣка камня не автохтонныя трибы, медленно и постепенно подвигающіяся по ступенямъ цивилизаціи, а потомковъ искателей приключеній, которыхъ стремленіе къ независимости, любовь къ охотѣ и жажда неизвѣстнаго откинула за предѣлы обитаемаго міра? Въ обширныхъ лѣсахъ, наполненныхъ дикими животными, которые задерживали до новаго порядка движеніе культуры, эти смѣлые авантюристы, предшественники американскихъ траперовъ, теряли мало-по-малу обычаи цивилизаціи, ядро которой прежде носили. Поселившіеся безъ сообщенія съ ихъ первоначальною родиною, они должны были начать жизнь новую, безъ другихъ вспомогательныхъ средствъ кромѣ тѣхъ, которыя представляла имъ окру-

жающая среда. Двойная забота 1) искать средствъ пропитанія охотою и рыбною ловлею и 2) защищать свою жизнь отъ нападений дикихъ звѣрей привели ихъ къ состоянію дикости. Такимъ образомъ, борьба за существованіе торжествуетъ надъ человѣкомъ и становится для него причиною деградациі, освободиться отъ которой онъ не можетъ безъ посторонняго вмѣшательства. Мы не видимъ въ Европѣ послѣдовательнаго перехода отъ палеолитическаго періода къ неолитическому, послѣдній приносится отънѣ. Вѣкъ бронзы является опять иностраннымъ внесеніемъ мануфактурныхъ продуктовъ, переходъ отъ этого вѣка къ вѣку желѣза неоспоримо совершался подъ дѣйствіемъ посторонняго вмѣшательства, вызваннаго расширеніемъ и усиленіемъ торговыхъ сношеній. Итакъ въ той зонѣ варварства, которая окружаетъ цивилизованный міръ, никакая изъ послѣдовательныхъ стадій прогресса не родилась непосредственно изъ предшествующей, и для того, чтобы племена Бретани и Корнваллиса научились добывать и обрабатывать олово и мѣдь, нужно было, чтобы обработкѣ и употребленію этихъ металловъ они были научены извнѣ. Мы уже указали выше, что дѣйствительность каменнаго вѣка, предшествовавшаго употребленію металловъ, доказана только для части Европы и нѣкоторыхъ дикихъ и варварскихъ странъ, оставшихся внѣ движенія цивилизаціи древняго міра.

Столько соединенныхъ доказательствъ являются достаточными, чтобы вывести изъ нихъ заключеніе. Исторія каменнаго и бронзоваго вѣковъ, согласно съ исторіей атолловъ, учитъ насъ, что *état de nature* для человѣка не есть исходный пунктъ отправленія и движенія къ состоянію болѣе и болѣе совершенному, напротивъ оно есть признакъ деградациі и доказательство того, что между ними и начальнымъ центромъ (изъ котораго они вышли) произошелъ разрывъ. Этому начальному центру, обитатели котораго соединились сначала въ общество, подъ воздѣйствіемъ высшаго Авторитета, Провидѣніе дало исключительное преимущество—способность къ быстрому и постоянному развитію. Человѣкъ теряетъ это преимущество, отдѣляясь отъ благоустроеннаго соціальнаго тѣла, и попадаетъ въ естественныя условія міра матеріальнаго, гдѣ, наперекоръ ученію

трансформистовъ, можно сказать, слово „прогрессъ“ совершенно не встрѣчаетъ себѣ приложенія. Часто мы встрѣчаемся съ вырожденіемъ и испаданіемъ животнаго и растительнаго типа, никогда мы не были свидѣтелями ихъ усовершенія. Человѣкъ не ускользаетъ отъ этого закона, онъ можетъ подниматься только подъ воздѣйствіемъ свыше, поднимающимъ созданіе выше его самого и возгрѣвающимъ въ его сердцѣ и разумѣ пламя, которое требуетъ постояннаго оживленія <sup>1)</sup>).

Въ этомъ разсужденіи Лаппарана мы имѣемъ цѣлую теорію происхожденія мнимодоисторическихъ людей отъ историческихъ. Лаппаранъ не единственный, кто держится подобной теоріи. Во второй половинѣ 1904 г. скончался антропологъ Надаякъ восьмидесяти шести лѣтъ отъ роду, который въ теченіе многихъ годовъ и до самыхъ послѣднихъ дней отстаивалъ сверхъестественное происхожденіе рода человѣческаго и въ дикаряхъ геологическихъ временъ видѣлъ лишь печальные факты исторической деградации. И со смертью Надаяка научное правленіе на западѣ, стремящееся понять и истолковать Библию, а не бороться съ нею, не ослабѣло. Тамъ имѣются цѣлыя общества натуралистовъ, работающихъ въ христіанскомъ направленіи. Отдѣльныхъ такихъ благородныхъ дѣятелей—докторовъ, инженеровъ, математиковъ знаемъ мы и въ Россіи. Но къ сожалѣнію, ничто не предвѣщаетъ по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, чтобы эта дѣятельность у насъ стала плодотворно солидною и получила широкое развитіе.

*С. Глазoleвъ.*

---

<sup>1)</sup> Lapparent, L'état de nature et les îles coralliennes (въ Revue des Questions scientifiques).

## Ученіе Лейбница о происхожденіи и сущности зла.

Характеръ философскаго міросозерцанія, въ отношеніи къ ученію о природѣ, состояніи и назначеніи міра и человѣка, обнаружился въ исторіи философіи и выражается обыкновенно въ жизни двумя противоположными крайностями. Это—оптимизмъ и пессимизмъ; главными представителями которыхъ, по справедливости называютъ Лейбница и Шопенгауера. То—умѣренно—проведенное воззрѣніе, которое, одновременно находясь въ антагонизмѣ съ крайностями обоихъ названныхъ мыслителей, является въ то же самое время примиреніемъ и объединеніемъ всего въ нихъ наилучшаго,—есть „меліоризмъ“, единственно истинное, возможное и разумное поиманіе міра и человѣка въ указанныхъ отношеніяхъ.

Оптимизмъ, такъ же, какъ и пессимизмъ, одинаково невозможны и несостоятельны, когда претендуютъ на безусловную исключительность и соотвѣтствіе истинѣ. Между тѣмъ, собственно говоря, ни оптимистъ, ни пессимистъ не могутъ провести своихъ взглядовъ на міръ со всею строгою послѣдовательностію. Съ одной стороны разрушительныя дѣйствія зла въ мірѣ слишкомъ очевидны и сильны, чтобы оптимистъ могъ совершенно отвратить отъ нихъ свой взглядъ. Въ свою очередь, и противоположныя имъ дѣйствія добра слишкомъ жизненны и глубоки, чтобы пессимистъ, не противорѣча явно своему сознанію, могъ оставаться упорнымъ въ отрицаніи добра. Отсюда, какъ въ разсужденіи объ оптимизмѣ мы имѣемъ дѣло собственно съ ученіемъ о чрезмѣрномъ и рѣшительномъ *преобладаніи* добра, а не исключительномъ *безусловномъ господствѣ* его;—такъ равно, говоря о пессимизмѣ, мы должны

считаться собственно съ ученіемъ о подобномъ же *преобладаніи*, а не *господствѣ*—зла въ бытіи, или существѣ и состояніи міра и человѣка. На этомъ основаніи оптимизмъ и пессимизмъ справедливо рассматриваютъ, какъ столь же обыкновенныя состоянія естественнаго духа, каковы: радость и горе, здоровье и болѣзнь, напряженіе и отдыхъ, и т. п. И какъ каждый изъ насъ переживалъ всѣ подобныя измѣчивыя состоянія, такъ каждый, безъ сомнѣнія, не разъ обнаруживалъ въ жизни своей склонность—быть въ одно время преимущественно оптимистомъ, въ другое—болѣе пессимистомъ, при чемъ одно изъ этихъ настроеній, при обыкновенномъ состояніи субъекта, всегда пребываетъ преобладающимъ, хотя бы на самую ничтожную степень. Если отъ одного человѣка перенесемъ теперь къ человѣчеству, какъ единому цѣлому, то увидимъ и на немъ подтвержденіе только что высказанной мысли, съ тѣмъ лишь развѣ только различіемъ, что пессимизмъ въ данномъ случаѣ является не столько минутою времени, или выраженіемъ состоянія личности, и даже не болѣзнію извѣстнаго только вѣка, но болѣзнію именно человѣчества, періодически возвращающеюся, такъ сказать, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и состоянія его жизни и развитія. Если мирное и успѣшное процвѣтаніе среди человѣческихъ обществъ культуры, наукъ, искусствъ, художествъ и т. п. создаетъ и обуславливаетъ обыкновенно оптимистическое настроеніе человѣческихъ обществъ, свѣтлый, трезвый и спокойный взглядъ на жизнь, своеобразно отражающійся во всѣхъ родахъ и видахъ производительности;—то, наоборотъ, грозныя и разрушительныя міровыя явленія, всякаго рода бѣдствія и катастрофы, ужасы войны, внутреннихъ междоусобій и неурядиць, и другія народныя общественныя бѣдствія всегда порождаютъ какъ-то всеобщій пессимизмъ, вялость, апатію, тоскливое настроеніе и недовольство жизнью, глубоко проникающія прежде всего современную литературу, а затѣмъ и всѣ другія проявленія современнаго творчества и общественнаго самосознанія. Извѣстно и замѣчательно въ этомъ отношеніи необыкновенное возбужденіе и потрясеніе умовъ, вызванное ужаснымъ Лиссабонскимъ землетрясеніемъ

въ концѣ прошлаго вѣка, когда по всей Европѣ вдругъ раз-  
дались и долго не могли смолкнуть голоса, упрекавшіе строй  
природы въ полной бессмысленности, нецѣлесообразности, без-  
цѣльной и неразумной—ничѣмъ не оправдываемой и несмяг-  
чаемой жестокости, и т. д. Случай этотъ весьма характерный  
и не единственный въ своемъ родѣ, а для насъ въ данномъ  
случаѣ важный тѣмъ болѣе, что достаточно подтверждаетъ  
высказанное сужденіе объ измѣнчивости, чередованіи и вообще  
условности крайняго оптимизма или преимущественнаго пес-  
симизма въ жизни и настроеніи не только отдѣльныхъ лично-  
стей, но и цѣлыхъ обществъ человѣческихъ, а также о невоз-  
можности исключительно-преобладающаго постояннаго значе-  
нія лишь одного котораго-либо изъ двухъ разбираемыхъ воз-  
зрѣній на жизнь.

Въ ряду оптимистическихъ воззрѣній и системъ особеннаго  
вниманія заслуживаетъ система Лейбница, который не безъ  
основанія считается главнымъ представителемъ оптимизма,  
какъ особаго философскаго міросозерцанія. Важную особен-  
ность его оптимистическаго міропониманія составляетъ то об-  
стоятельство, что онъ, не отвергая совершенно и не извращая  
чрезмѣрно факта существованія зла и бѣдствій въ мірѣ, ста-  
рается найти и установить положительный смыслъ этого су-  
ществованія въ общей системѣ мірозданія, и, при томъ, не  
случайный только смыслъ, какой вообще нельзя не указывать  
было бы, уступая сознанію уже самой неизбѣжности явленія,  
а, напротивъ, смыслъ существенно-необходимый, важный и  
опредѣленный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти равносиль-  
ный тому, какой имѣетъ и добро, особенно же въ связи съ  
этимъ послѣднимъ. Лейбницъ не просто примиряется съ фак-  
томъ существованія зла, какъ другіе, болѣе наивные оптими-  
сты, совершенно игнорируя, такъ сказать, имъ ради наличнаго  
добра, но удѣляетъ и злу свое особое мѣсто и назначеніе въ  
мірѣ, при томъ такъ, что имъ обуславливается и наилучшее  
состояніе этого послѣдняго. Исходя изъ идеальнаго понятія о  
мірѣ, какъ произведеніи всесовершеннаго Творца, Лейбницъ  
устанавливаетъ прежде всего понятіе совершенства существу-  
ющаго міра, какъ необходимое слѣдствіе совершенства Творца.

По мнѣнію Лейбница, Богъ, хотя и могъ, въ силу Своего всемогущества и свободы, избрать какой-угодно изъ безчисленнаго множества міровъ, представлявшихъ ему возможными, но по Своей абсолютной мудрости и благодати Онъ долженъ былъ избрать именно лишь наилучшій изъ нихъ. Богъ имѣлъ бы недостатокъ въ мудрости, благодати и совершенствѣ, если бы не избралъ наилучшаго міра, несмотря на зло, которое находится въ немъ, вслѣдствіе высочайшей необходимости вѣчныхъ истинъ <sup>1)</sup>. Самый фактъ существованія зла, по Лейбницу, не только не противорѣчитъ тому, что настоящій міръ наилучшій, но именно въ силу того и является необходимымъ, что иначе этотъ міръ не былъ бы и наилучшимъ <sup>2)</sup>.

Если Богъ желалъ сотворить міръ наилучшій, говоритъ Лейбницъ, то онъ „долженъ“ былъ допустить зло <sup>3)</sup>. Допустить зло, какъ допускаетъ его Богъ, есть величайшее благо, и если бы Онъ устранилъ зло, то Онъ не былъ бы и благимъ, и устраненіе имъ зла было бы величайшею Его ошибкою, такъ какъ,—сколько бы ни было этого зла въ настоящемъ мірѣ, во всякомъ другомъ возможномъ мірѣ было бы его еще больше <sup>4)</sup>. Даже болѣе: если бы Богъ не избралъ наилучшаго міра, которому присуще зло, то Онъ допустилъ бы нѣчто худшее, чѣмъ всякій грѣхъ тварей, ибо Онъ умалилъ бы этимъ Свое собственное Божественное совершенство, которое не должно чуждаться наиболѣе совершеннаго избранія, а меньшее добро уже содержитъ въ себѣ зло <sup>5)</sup>. Итакъ, необходимо, выводитъ послѣ всего этого Лейбницъ, чтобы зло было возможно <sup>6)</sup>.

Что же такое собственно это зло въ своемъ существѣ, чѣмъ вызвано его появленіе, и каково назначеніе его въ общемъ планѣ мірозданія?—Сущность отвѣтовъ, какіе даетъ Лейбницъ на эти вопросы, можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего, Лейбницъ, нужно замѣтить, различаетъ три рода зла, (какъ и добра, IV прил., 29): метафизическое, физическое и нравственное. Подъ метафизическимъ зломъ онъ разумѣетъ свойственную природѣ вообще всякой твари огра-

1) См. Leibnitz, Théodicée, I, § 25; II, 159.

2) Théod. I, § 9, 25.

3) Théod. I, § 24.

4) Ib. II, 121, 125.

5) Théodic. IV, 67.

6) Ib. IV, 69.

виченность и несовершенство; подѣ зломъ нравственнымъ—вообще, грѣхъ, или въ частности, ограниченное желаніе, ищущее несовершеннаго вмѣсто совершеннаго <sup>1)</sup>; и, наконецъ, физическимъ зломъ обычно называетъ всякаго рода несчастія, страданія, бѣдствія, скорби и болѣзни, и т. п.,—что все, по справедливости, представляетъ неизбѣжными и естественными слѣдствіями зла нравственнаго, какъ зла въ собственномъ смыслѣ этого слова. Очевидно, желая уяснить взгляды Лейбница на происхожденіе и сущность зла, мы должны, главнымъ образомъ, рассмотреть его ученіе о злѣ въ собственномъ смыслѣ, или нравственномъ, показавъ, насколько вѣрно онъ полагаетъ сущность его вообще въ ограниченномъ желаніи „несовершеннаго относительно“—вмѣсто совершеннаго <sup>2)</sup>,—въ недостаткѣ, или лишеніи добра; насколько, затѣмъ, справедливо производить нравственное зло изъ метафизическаго, подѣ которымъ онъ разумѣетъ свойственныя природѣ всякой твари ограниченность или несовершенство <sup>3)</sup>,—и насколько, наконецъ, основательно указываемое имъ положеніе и назначеніе зла съ его бѣдствіями и страданіями въ общемъ планѣ Божественнаго мірозданія. Все это мы рассмотримъ и подѣ руководствомъ соображеній здраваго разума, и подѣ руководствомъ Слова Божія, которымъ въ широкой мѣрѣ пользовался и самъ Лейбницъ для своей Теодицеи, и подѣ руководствомъ опыта самой жизни, на каковомъ опытѣ недостаточнѣе всего опираются соображенія Лейбница касательно разрѣшаемаго вопроса. Между тѣмъ, только возможно полное, ясное, живое и безпристрастное представленіе всей силы и массы зла уясняетъ въ достаточной мѣрѣ истинное пониманіе его, какъ явленія,—вопреки мнѣнію Лейбница,—лишеннаго всякаго смысла и совершенно не входившаго въ первоначальные планы Божественнаго мірозданія,—явленія чисто человѣческаго, а не Божественнаго происхожденія, лишь отчасти допускаемаго Богомъ во вниманіе къ величайшему Его дару—свободѣ разумныхъ тварей, и

<sup>1)</sup> Théod I, 20—21.

<sup>2)</sup> Ibid.

<sup>3)</sup> Св. Григорій Богословъ признаетъ въ строгомъ смыслѣ одно зло нравственное, происходящее отъ существъ, уклоняющихся отъ своего естественнаго состоянія и предназначенія.

направляемаго къ добру бесконечно премудрыми и всеблагими дѣйствіями Промысла Божія. Исходною точкою и основнымъ положеніемъ всей Лейбницевой системы была, какъ мы видѣли, мысль, что настоящій міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Богъ не могъ совершенно устранить въ немъ зла уже потому, что это было бы равносильно созданію Имъ другаго абсолютнаго бытія. Если же намъ и кажется, что существованіе зла противорѣчитъ совершенству міра, то это зависитъ лишь отъ того, что мы, по своей ограниченности, не можемъ понять и обзрѣть всего міроваго плана, гдѣ все на своемъ мѣстѣ необходимо и все совершенно соотвѣтствуетъ одно другому. На міръ надо смотрѣть, какъ на огромный домъ, въ которомъ необходимы не только комнаты, залы, сады, гроты, но и кухня, погребъ, черный дворъ, конюшня, помойная яма, и т. п. Не было кстати, чтобы міръ состоялъ изъ однихъ солнечныхъ свѣтилъ, или чтобы земля была создана изъ золота и алмаза, и не была обитаема. То же самое, въ частности, должно сказать и о человѣкѣ. Если бы человѣкъ, говоритъ Лейбницъ, былъ абсолютно совершенъ, то онъ былъ бы безгрѣшенъ и равенъ Богу. Если бы весь человѣкъ былъ глазомъ, или ухомъ, то онъ не былъ бы способенъ питать себя. И если бы Богъ создалъ его безстрастнымъ, то Онъ создалъ бы его глупымъ; или если бы Онъ захотѣлъ создать его безошибающимъ, то долженъ былъ бы лишить его чувствъ, или заставить его ощущать не органами, а иначе, т. е., не создалъ бы его человѣкомъ <sup>1)</sup>. Допущеніе зла, такимъ образомъ, происходитъ изъ вѣкотораго рода нравственной необходимости: Богъ вызывается къ этому Своею мудростію и Своею добротою; эта необходимость счастливая, дѣлающая управленіе Божіе наилучшимъ состояніемъ изъ всѣхъ возможныхъ <sup>2)</sup>: высочайшій разумъ обязываетъ допустить зло, высочайшая благость утилизируетъ его существованіе. И если бы даже на долю человѣческаго рода выпадало больше злключеній, чѣмъ счастья, то и это надобно было бы оправдать въ отношеніи къ Богу, такъ какъ во всей вселенной несравненно больше существуетъ добра, чѣмъ зла <sup>3)</sup>. Послѣднее можетъ преобладать надъ добромъ

<sup>1)</sup> III Прил къ Théod.

<sup>2)</sup> Théod. II. 128.

<sup>3)</sup> Ibid. III, 262.

въ отношеніи лишь къ роду человѣческому, намъ извѣстному; но это нисколько не препятствуетъ признать градъ Божій, въ общей совокупности всѣхъ его твореній, пребывающимъ въ наилучшемъ состояніи, потому что—существующее во всѣхъ его субстанціяхъ, какъ одаренныхъ разумомъ, такъ и лишенныхъ онаго—благо метафизическое, объединяя въ себѣ все возможное благо физическое и благо нравственное, во всякомъ случаѣ достаточно для противовѣса злу на землѣ. И это заставляетъ уже, затѣмъ, согласиться, что вселенная, какова она есть въ дѣйствительности, должна быть призвана наилучшею изъ системъ <sup>1)</sup>. Возможно, что всѣ солнца населены счастливыми созданіями <sup>2)</sup>, и что безпредѣльное пространство, окружающее область звѣздъ, наполнено блаженствомъ и славою. Итакъ, по ученію Лейбница, зло въ этомъ мірѣ неизбежно, необходимо и имѣетъ особое положительное назначеніе и слысь въ общемъ планѣ мірозданія, наравнѣ съ добромъ. Это же слѣдуетъ изъ понятія Лейбница о его сущности и происхожденіи. Ограниченіе или природное несовершенство тварей необходимо производить, по его мнѣнію, то, что самый лучший планъ вселенной не можетъ быть изъятъ отъ нѣкоторыхъ золъ, которыя, однако же, „превращаются“ въ наибольшее благо. Это въ нѣкоторомъ родѣ безпорядки въ частностяхъ, удивительнымъ образомъ открывающіе, однако, красоту цѣлаго, подобнаго тому, какъ нѣкоторый диссонансъ, допущенный кстати, дѣлаетъ гармонію болѣе прекрасною <sup>3)</sup>. Наилучшій планъ предметовъ по природѣ своей былъ таковъ, что при немъ добро должно было быть оттѣнено нѣкоторымъ зломъ, какъ свѣтъ сопровождается тѣнью, при чемъ зло является несравненно меньше добра <sup>4)</sup>. Можно сказать даже, что реально въ мірѣ существуетъ только благо, а зло или страданіе создано лишь для того, чтобы рѣзче выдѣлить благо. Оно, такъ сказать, есть какъ бы тѣнь, предназначенная для того, чтобы блага жизни обрисовывались тѣмъ отчетливѣе.

<sup>1)</sup> Théod. III, 263.

<sup>2)</sup> Очевидно, произвольное предположеніе подобной возможности не исключаетъ возможности и обратнаго предположенія.

<sup>3)</sup> I прил. къ Théod.

<sup>4)</sup> II прил. къ Théod.

Всѣ злоключенія случайно слѣдуютъ за хорошими причинами, и ихъ нельзя было устранить, безъ допущенія болѣе великихъ неприяностей. Кажущіяся несовершенства цѣлаго міра, эти пятна на солнцѣ, какъ они существуютъ на нашемъ солнцѣ, только возвышаютъ, а не умаляютъ его красоту и „способствуютъ“ къ достиженію наибольшаго блага. Безъ допущенія грѣха, это послѣднее не было бы такъ велико: можетъ быть, не послѣдовало бы тогда и искупленія <sup>1)</sup>. Во всякомъ случаѣ, нравственное зло, его сущность, не имѣетъ въ основаніи дѣйствительнаго, реальнаго, дѣйствующаго принципа; это есть лишь происходящій изъ несовершенства человѣка, тварности и ограниченности—недостатокъ, или лишеніе добра, подобно тому, какъ и темнота есть лишь недостатокъ свѣта, или холодъ—недостатокъ тепла <sup>2)</sup>. Отсюда слѣдуетъ и необходимость, или неизбѣжность зла и грѣха, потому что—если несовершенство существенно принадлежитъ человѣку, какъ конечному и ограниченному существу, если безъ него человѣкъ не можетъ быть мыслимъ, то и грѣхъ, происходящій изъ этого несовершенства, не иначе долженъ быть мыслимъ, какъ необходимымъ; значитъ—и безъ него, точно также, какъ и безъ несовершенства, человѣкъ не можетъ быть мыслимъ. Если, далѣе, истинный источникъ зла находится въ природномъ несовершенствѣ и въ несмыслии твореній, условливающихъ то, что грѣхъ возможенъ и въ наилучшемъ мірѣ, то ясно отсюда, говоритъ Лейбницъ, что грѣхъ допущенъ справедливо, безъ ущерба Божественной доброты и мудрости, и что онъ даже и не могъ не быть допущенъ безъ умаленія совершенствъ <sup>3)</sup>. Богъ въ высшей степени любитъ добродѣтель и въ высшей степени ненавидитъ порокъ, и, несмотря на это, нѣкоторый порокъ долженъ быть допущенъ <sup>4)</sup>. Метафизическое благо, обнимающее все, служитъ причиною, что надобно иногда дать мѣсто злу физическому и злу нравственному. При этомъ, зло обнаруживается въ суще-

<sup>1)</sup> Foucher. *Lettres et opuscules de Leibniz*, p. 180.—Это похоже на то, какъ если бы кто сталъ утверждать, что „предательство Іуды“ содѣлало намъ спасеніе, такъ какъ мы не понимаемъ, какъ бы иначе Иисусъ Христосъ могъ попасть въ руки враговъ и пострадать отъ ихъ рукъ (св. Іоаннъ Злат. Бес. на Мѣ. LXXXI).

<sup>2)</sup> Partic. *Théodic.* I, § 32; II, § 153; I, § 20.

<sup>3)</sup> *Théod.* IV, 79.

<sup>4)</sup> *Id.* II, 222.

ствованіи—какъ ограниченная сила, ограниченное желаніе и ограниченное дѣйствіе,—необходимо, слѣдовательно, постольку, поскольку свойственна въ человѣкѣ ограниченность. и поскольку зло есть необходимое ея проявленіе. На недоумѣніе, не падаетъ ли въ такомъ случаѣ вся вина въ существованіи въ мірѣ зла на Бога, какъ Виновника и Творца такихъ тварей, Лейбницъ отвѣчаетъ, что несовершенства принадлежатъ самимъ тварямъ. Творенія, говоритъ онъ, имѣютъ свои совершенства отъ Бога, свои недостатки отъ собственной природы, которая не можетъ быть безъ ограниченія <sup>1)</sup>. Богъ относится къ силамъ, дѣйствующимъ въ мірѣ, какъ потокъ къ плывущему кораблю: что корабль плыветъ,—положительную причину этого составляетъ потокъ,—что онъ плыветъ медленно, это происходитъ отъ его собственной тяжести и косности <sup>2)</sup>. Подобнымъ образомъ, добро пристокаетъ отъ Божественнаго могущества, а зло отъ тварной косности <sup>3)</sup>. Впрочемъ, природное несовершенство тварей, существовавшее въ представленіи вѣчныхъ идей, къ тому же—есть хотя и первая, но, вмѣстѣ, и наиболѣе отдаленная причина этого <sup>4)</sup>;—ближайшая же причина зла, виновности и зла наказанія есть свободная воля. А эта послѣдняя производитъ нравственное зло, или грѣхъ потому, что въ своемъ стремленіи къ благу вводится въ заблужденіе разумомъ, предлагающимъ ложную оцѣнку благъ. Въ этомъ прежде всего состоитъ и несовершенство человѣческой природы, что ограниченный и конечный разумъ обладаетъ не только истинными и ясными представленіями, но также ложными и темными, вводящими ложною оцѣнкою благъ въ заблужденіе волю, и побуждающими ее избирать низшее благо вмѣсто высшаго.

Изложивъ, такимъ образомъ, взгляды Лейбница на происхожденіе и сущность зла и на его назначеніе въ мірѣ, перейдемъ къ ихъ обсужденію. И прежде всего, нужно замѣтить, Лейбницъ весьма своеобразно понимаетъ и опредѣляетъ сущность зла. По смыслу этого опредѣленія его, зло есть именно не что иное, какъ простой лишь недостатокъ добра, относи-

1) Монадологія, § 42.

2) Théod. P. I, § 30.

3) Ib. IV, 72.

4) Ib. III, 288.

тельно низшая его ступень, и во всякомъ случаѣ, это не есть что-либо противоположное добру, исключющее его и имъ исключаемое,—не есть вообще какое-либо противоборствующее начало по отношенію къ нему и отличное отъ него по своимъ результатамъ; это есть, такъ сказать, неотдѣлимый элементъ самого добра, подчиненный ему низшій его моментъ, обратная сторона, такъ сказать, одной и той же медали; что же касается, въ частности, зла метафизическаго и физическаго (каковы несовершенства предметовъ и зло наказанія), то Лейбницъ прямо такъ и называетъ эти виды зла „вспомогательными благами“, средствомъ для достиженія большихъ благъ <sup>1)</sup>, хотя какъ будто и не охотно рѣшается приписать такія же качества и опредѣленія злу нравственному. Если вникнуть въ эти сужденія Лейбница глубже, то при кажущейся ихъ оригинальности и пригодности, увидимъ въ нихъ много жесткаго и несообразнаго. Уже самое опредѣленіе зла, только лишь какъ „недостатка“ добра, справедливо заслуживаетъ упрека въ крайней односторонности, узости и поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, простой ли только недостатокъ добра составляетъ, на примѣръ, грѣхъ? И всѣ ли грѣхи съ этой точки зрѣнія суть лишь грѣхи слабости?—Но, съ одной стороны, и недостатокъ добра тамъ, гдѣ ему должно бы имѣть мѣсто по требованіямъ нравственнаго закона, во всякомъ случаѣ есть положительное зло (таково, на примѣръ, отсутствіе состраданія и любви къ ближнему, хотя это зло и меньшее, чѣмъ прямая жестокость и ненависть къ ближнему). Съ другой стороны, всякій грѣхъ, каковъ бы онъ ни былъ, тѣмъ менѣе можетъ быть когда-либо лишь недостаткомъ добра, что въ немъ всегда обнаруживается не просто слабая и ограниченная, но положительно злая воля человѣка,—положительно враждебное, злое ея расположеніе, или настроенность, совершенно несовмѣстимая съ влеченіями къ добру, и не только не однородная съ ними, но прямо ихъ отрицающая и исключаящая. Когда человѣкомъ овладѣваетъ беззаконная страсть къ чему-либо противонравственному, неудержимое никакими доводами разсудка и совѣсти влеченіе къ пороку, и тѣмъ болѣе намѣренное и ясно сознаваемое нарушеніе

<sup>1)</sup> Прил. IV, 29, 30, 35.

требованій нравственности, во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь можетъ быть не объ отсутствіи энергіи, или слабости воли и разума, но—скорѣе—о положительномъ возбужденіи, расположеніи и направленіи душевныхъ силъ ко злу. Безчеловѣчно-жестокое, варварски-равнодушное убійство, грубый необузданный произволъ и эгоизмъ, закоренѣлая ненависть и совершенное отвращеніе къ добру, всеобщее злое состояніе и направленіе воли—менѣе всего составляютъ простой лишь недостатокъ добра, но положительное, безусловно исключаящее его зло, столь же живое, дѣйственное, независимое отъ него начало, способное самостоятельно развиваться и совершенствоваться въ извѣстномъ своемъ смыслѣ въ безконечность, имѣющее собственную, самостоятельную отдѣльную область, которую можно мыслить, какъ чистое царство зла, безъ всякой даже тѣни добра, какъ есть возможность мыслить и царство этого послѣдняго, безъ всякой тѣни зла. Что же касается ослабленія воли и разума, то—само по себѣ иногда невинное, оно не всегда служитъ и причиною собственно зла; послѣднее чаще совершается при болѣе или менѣе сильной энергіи тѣхъ обоихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ рѣшительное и ничѣмъ непреодолимое направленіе и стремленіе ко злу, ни съ чѣмъ несообразная любовь къ нему, очевидно представляющая совершенное извращеніе столь свойственной и врожденной человѣку любви къ добру. Противорѣчитъ, далѣе, опыту и то предположеніе Лейбница, что человѣкъ творитъ зло по недостатку истинныхъ и ясныхъ представленій разума относительно высшаго блага и по способности къ ложнымъ и темнымъ, вводящимъ въ заблужденіе волю и побуждающимъ ее избирать низшее благо вмѣсто высшаго. Опытъ, напротивъ, показываетъ, что воля не осуществляетъ своихъ потребностей въ высшемъ благѣ и тогда, когда разумъ обладаетъ истинными и ясными представленіями—относительно этого блага. Въ данномъ случаѣ, уклоненія воли, очевидно, составляютъ результатъ ненормальности, развращенности и злобы ея, болѣе обуславливающихъ происхожденіе грѣха, чѣмъ собственная ея ограниченность, слабость, и въ связи съ ограниченностію разума. Наконецъ, если бы вмѣсто качественной противоположности между добромъ и зломъ, было,

какъ думаетъ Лейбницъ, лишь количественное различіе одного и того же, то непонятно, какъ возможно было бы существованіе рѣзкихъ переходовъ отъ добра ко злу, и наоборотъ, въ одной и той же личности и волѣ; невозможно было бы, очевидно, здѣсь ни быстрое и полное обращеніе отъ грѣха, ни быстрое и глубокое паденіе въ грѣхъ, безпрестанно повторяющееся уклоненіе отъ достигнутаго уже добра; было бы лишь одно спокойное и вѣрное, опредѣленное развитіе и подъемъ отъ низшихъ степеней все къ высшимъ, все большее и большее восполненіе недостатковъ добра, или наоборотъ—постепенное и постоянное погруженіе во зло, все большее и большее лишеніе добра. Но откуда же явилось бы тогда то, что человѣкъ нерѣдко теряетъ добро въ извѣстной степени нравственнаго совершенства мгновенно по приобрѣтеніи и иногда безъ всякаго слѣда, совершенно? Кого должно считать причиною этихъ постоянныхъ его лишеній? Что за сила, доводящая его до того, что недостатокъ добра замѣтно и постепенно разрастается иногда до полного почти отсутствія всякаго добра и даже потребности въ немъ, если уже Лейбницъ не хочетъ допустить перехода отъ этого недостатка добра къ положительному злу, хотя, конечно, онъ едва ли, напримѣръ, склоненъ былъ бы видѣть въ ненависти извѣстную лишь степень любви, въ жестокости извѣстную лишь степень милосердія, въ грубомъ и низкомъ развратѣ такую же степень цѣломудрія, въ убійствѣ извѣстную степень любви къ ближнему, и т. п. Въ объясненіе того положенія, что зло происходитъ отъ лишенія, положительное же при этомъ появляется по сопровожденію, какъ въ физической природѣ дѣятельное по сопровожденію въ холодѣ, Лейбницъ указываетъ на ту силу, которую способна обнаруживать вода при замерзаніи отъ холода (въ чемъ Лейбницъ также видитъ извѣстное только лишеніе силы), напримѣръ, разрывая стволъ ружья, если ее въ немъ заморозить. Это явленіе онъ объясняетъ такъ. Когда разъединяющее движеніе въ водѣ, посредствомъ холода, уменьшается <sup>1)</sup>, то сжимаемая ею частицы воздуха, скрытыя въ водѣ, наоборотъ, начинаютъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ увели-

<sup>1)</sup> Théod. II, 153.

чиваться и въ своей массивности, и въ силѣ своей упругости. И если до замерзанія воды сопротивленіе поверхностей частицъ воздуха встрѣчало въ ней достаточно силы для уравновѣшенія стремленій воздуха къ расширенію, то, наоборотъ, теперь, когда—съ ослабленіемъ этой уравновѣшивающей силы въ водѣ, вслѣдствіе ея замерзанія и уменьшенія разъединяющаго движенія, стремленіе къ расширенію частицъ воздуха уже недостаточно сдерживается сопротивленіемъ воды и даже образованіемъ большаго объема для воздуха, вслѣдствіе сократившихся въ объемѣ замерзшихъ частицъ воды; тогда является потеря равновѣсія и увеличеніе дѣйствія силы воздуха на счетъ силы воды, на счетъ ослабленнаго сопротивленія или дѣйствія ея частицъ. И такъ какъ, при этомъ, сопротивленія, то-есть—поверхности возрастаютъ (для воды уменьшаясь, а для воздуха увеличиваясь), какъ квадраты, а сила, то-есть—содержаніе или твердость сжатыхъ объемовъ воздуха, возрастаютъ, какъ кубы діаметровъ, то въ результатѣ этого явленія, по объясненію Лейбница, и происходитъ то, что случайное только лишеніе пріобрѣтаетъ себѣ дѣйствіе и силу. Но современная физика не въ пользу такого объясненія. Помимо того, что сокращеніе и ослабленіе силы частицъ воздуха столько же подчинено законамъ отъ дѣйствія холода, какъ и сокращеніе или ослабленіе силы частицъ воды, физика примѣчаетъ въ настоящее время тотъ любопытный фактъ, что вода достигаетъ наименьшей степени расширенія уже при  $4^{\circ}$  теплоты по R, а при дальнѣйшемъ, затѣмъ, пониженіи температуры начинаетъ уже, вопреки ожиданіямъ Лейбница, увеличиваться въ своемъ объемѣ, при чемъ самыя молекулы воды не сокращаются въ пользу частицъ воздуха, а, напротивъ, располагаются на большемъ разстояніи другъ отъ друга, что можетъ быть объяснено въ свою очередь лишь увеличеніемъ отталкивающей силы, а не уменьшеніемъ ея, и разрывъ ствола не расширеніемъ воздуха (сокращенію котораго отъ дѣйствія холода, наоборотъ, не найдено даже и предѣла, подобно водѣ), а скорѣе расширеніемъ самой воды, въ совокупной силѣ ея собственныхъ частицъ. Столько же непримѣнимо понятіе лишенія или ограниченія ни къ физическому, ни къ нравствен-

ному злу: то и другое происходят не отъ одного ограниченія. Страданіе, напримѣръ, является въ ощущеніи чѣмъ-то положительнымъ, а не ощущеніемъ только лишенія или ограниченія, равно какъ и въ дѣйствіяхъ безнравственныхъ страстное влеченіе препобѣждаетъ силу нравственныхъ побужденій, какъ сила же, и именно характеризующаяся, какъ нѣчто положительное. Между прочимъ, это именно обстоятельство, невѣрнымъ образомъ истолкованное, и привело Шопенгауера къ обратной въ отношеніи Лейбница, и столько же крайней мысли о томъ, что реально только страданіе, зло, добро же есть только отрицаніе зла. „Если мы чувствуемъ что либо, говоритъ Шопенгауеръ, то чувствуемъ боль, а не состояніе безболѣзненности, чувствуемъ заботу, а не беззаботность, болѣзненно для насъ лишь отсутствіе удовольствія или радостей; что нѣкоторые дни нашей жизни бываютъ счастливы, мы узнаемъ впервые только тогда, когда они смѣняются несчастными“. Вотъ почему, по объясненію Шопенгауера, мы не придаемъ цѣны тремъ величайшимъ благамъ жизни: здоровью, молодости и свободѣ, пока пользуемся ими, и только лишаясь ихъ, начинаемъ цѣнить. Какъ ни крайни эти положенія Шопенгауера, тѣмъ не менѣе, при трезвомъ обсужденіи ихъ, они не только безусловно опровергаютъ Лейбница, но и приближаютъ къ истинѣ болѣе, чѣмъ возрѣнія этого послѣдняго.

Не менѣе несостоятельнымъ оказывается ученіе Лейбница и о происхожденіи зла. Мы узнаемъ изъ этого ученія, что нравственное зло является не только неизбежнымъ, но и положительно даже необходимымъ результатомъ природнаго несовершенства и ограниченности тварей. Если, согласно съ мудростію Божіею, нуженъ былъ міръ, наполненный тѣлами, міръ субстанцій, способныхъ къ воспріятіямъ, но не способныхъ къ разуму, говоритъ Лейбницъ, если изъ всѣхъ вещей надлежало избрать то, что въ совокупности достигало лучшаго дѣйствія и куда порокъ вторгался только этою дверью; то Богъ не былъ бы совершенно благимъ, совершенно мудрымъ, если бы Онъ изгналъ отсюда порокъ <sup>1)</sup>. Недостаточная доказательность, или правильнѣе—совершенная бездоказательность

<sup>1)</sup> Théod. II, 124.

и не убѣдительность этого довода ясна сама собою. Если идея разнообразія вселенной требовала созданія бездушной матеріи и неразумныхъ тварей, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы было необходимымъ также и зло въ этомъ мірѣ. Ни бездушная матерія, ни неразумныя твари не могутъ грѣшить, да бытіе ихъ не ведетъ непременно ко грѣху и разумныя твари. Для чистой души все чисто, и если внѣшніе предметы могутъ возбуждать человѣческія страсти, то это уже потому, что онѣ свили себѣ прочное гнѣздо въ грѣшной душѣ человѣческой. Несовершенство тварей, затѣмъ, само по себѣ тѣмъ менѣе можетъ служить основой для грѣха, что это очень относительное и растяжимое понятіе. Всѣ сотворенныя существа несовершенны по отношенію къ Богу, неодинаково совершенны въ отношеніи другъ къ другу, но сами въ себѣ, и въ отношеніи къ собственной природѣ и своему назначенію, они могутъ быть вполне совершенны, не отравляясь зломъ, поскольку каждое можетъ достигнуть своего извѣстнаго назначенія, по мѣрѣ дарованныхъ ему отъ Бога силъ. Несовершенны ангелы, несовершененъ человѣкъ, но первые положительно добры, второй—иногда положительно золъ; и причина этого не въ относительномъ ихъ несовершенствѣ, а въ положительномъ извращеніи человѣкомъ собственной воли, въ ненормальномъ отношеніи его къ своимъ потребностямъ и назначенію. По природѣ своей, человѣкъ только, „малымъ чимъ умаленъ отъ ангель“<sup>1)</sup>, и, однако же, при такой незначительности ихъ разстоянія, сколько различны слѣдствія ихъ несовершенствъ! Не очевидно-ли, что если бы эти послѣднія сами въ себѣ составляли основаніе и источникъ грѣха, то должно было бы существовать полное и строгое соотвѣтствіе между степенями несовершенства и грѣховностію, такъ что чѣмъ несовершеннѣе существо, тѣмъ оно должно было бы быть грѣшнѣе. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не оправдывается: съ большимъ совершенствомъ соединяется обыкновенно возможность и большаго грѣха, и величайшій грѣхъ могутъ совершить лишь совершеннѣйшія творенія. Большая ограниченность въ этомъ смыслѣ скорѣе должна быть названа защитою противъ зла, а не основаніемъ его. Паденіе ужаснѣе съ выс-

<sup>1)</sup> Ис. 8, 6.

шихъ степеней совершенства, чѣмъ съ низшихъ и послѣднихъ. Дѣти менѣе совершенны, но болѣе ли и грѣшны, чѣмъ взрослые и духовно—развитые? Уже неодинаковость, затѣмъ, самаго впечатлѣнія, получаемого отъ проявленій ограниченности, слабости и несовершенства—съ одной стороны, и отъ проявленій грѣха—съ другой,—учитъ насъ о глубокомъ полномъ отличіи ихъ и неоднородности. Грубое нечестіе, необузданное самолюбіе, дерзкое надменіе, гнусный порокъ, наглость—вызываютъ не сожалѣніе и сочувствіе якобы къ ограниченности и немощи человѣка, но отталкивающее чувство отвращенія и ужаса. Наконечъ, что особенно важно, несовершенство потому еще не есть ни въ какомъ случаѣ само по себѣ основа грѣха, что не всѣ тварныя, то-есть ограниченныя, конечныя и несовершенныя существа подпали грѣху. Существуетъ особый цѣлый міръ добрыхъ ангеловъ, совершенно незатронутыхъ зломъ и представляющихъ чистое царство добра; не говоря уже о томъ, что Іисусъ Христосъ принялъ совершенно безгрѣшное человѣческое естество, и тѣмъ показалъ возможность и для насъ быть безгрѣшными, несмотря на тварность и ограниченность. Вообще, между тварностію и собственно грѣхомъ съ его послѣдствіями, какъ это отчасти сознавалъ и самъ Лейбницъ <sup>1)</sup>, нѣтъ никакой необходимой и причинной связи. Точно также, если бы зло было неизбежно и необходимо по требованіямъ самаго плана Божественнаго міроздавія и въ силу нашей ограниченности, то что же, спрашивается, долженъ сказать Лейбницъ относительно того, хотя бы и краткаго, періода въ исторіи человѣка, когда этотъ послѣдній сохранялъ еще свое достоинство и повиновеніе Божественной волѣ, свое первобытное, блаженное и невинное состояніе, характеризующееся полной и совершенной гармоніей, которая тогда наполняла весь міръ Божій до тѣхъ поръ, пока нарушена была, къ несчастію, грѣхомъ человѣка? Ужели до этого нарушенія міровой гармоніи, въ тотъ „безвольный“—если можно такъ выразиться—и безпечальный періодъ человѣческой жизни, преданіе о которомъ съ грустію хранятъ положительно всѣ народы въ разсказахъ о золотомъ вѣкѣ,—ужели, спрашиваемъ,

<sup>1)</sup> Théod. § 21 и 30.

міръ еще не былъ тогда наилучшимъ, такъ какъ въ немъ не было еще зла, а „все“ было лишь „добро зѣло“ по неотмѣнному суду Самого Создателя? (Быт. I, 31). Очевидно, мнѣніе Лейбница не можетъ быть принято безъ отрицанія факта паденія человѣка и безъ отрицанія очевидныхъ слѣдствій этого паденія. Ужели, можно еще спросить далѣе, должно назвать не наилучшимъ міръ чисто духовный, ангельскій, который оказывается возможнымъ и безъ труда мыслится при полномъ отсутствіи зла, хотя не при отсутствіи свойственныхъ всему тварному несовершенствъ и ограниченій <sup>1)</sup>? Не показываетъ ли это съ очевидностію возможность подобнаго же состоянія и для міра вещественнаго, ибо неестественно же думать, что господствующее въ этомъ послѣднемъ зло обуславливаетъ совершенство въ состоянія міра духовнаго, и что при необходимости зла въ мірѣ вещественномъ нѣтъ такой же необходимости для міра духовнаго, если тотъ и другой міръ должны быть разсматриваемы, какъ одно цѣлое твореніе Божіе, объединяясь, такъ сказать, въ одинъ „градъ Божій“, населенный созданіями Его рукъ, начиная отъ высшаго и совершеннѣйшаго до низшаго и простѣйшаго по устройству природы и предназначенію. И если самое понятіе свободы требовало создать ее съ возможностью паденія, то почему именно на долю несчастнаго человѣка <sup>2)</sup> выпало осуществленіе этой печальной возможности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ одинъ: нужно же было на комъ-нибудь видѣть осуществленіе этой возможности! Но подобный отвѣтъ,—совершенно въ духѣ Лейбницеваго теоріи,—и недостойнъ Бога, и не удовлетворяетъ человѣка, а въ томъ и въ другомъ случаѣ и крайне жестокъ по отношенію къ послѣднему.

Столько же несостоятельна попытка Лейбница оправдать свои взгляды на міръ, какъ наилучшій изъ возможныхъ, предположеніемъ, будто зло вовсе не такъ и велико, чтобы на него

<sup>1)</sup> Богъ „я во ангелахъ Своихъ усматриваетъ нѣчто стропотное“. (Іов. 4, 18).

<sup>2)</sup> Соображеніе это получаетъ особенную силу, если представить себѣ, что ко времени паденія человѣка печальная возможность нарушенія свободы была полнѣйшимъ образомъ осуществлена паденіемъ сатаны, и едва ли, конечно, могла быть еще какая-либо надобность въ ея повтореніи, если въ понятіи свободы долженъ былъ мыслиться хотя единичный случай ея нарушенія.

стоило обращать вниманіе; въ жизни людей несравненно больше существуетъ добра, нежели зла, какъ несравненно больше домовъ, чѣмъ тюремъ"... „Я полагаю, поясняетъ Лейбницъ,— что надобно признать заблужденіемъ историковъ, когда они обращаютъ вниманіе болѣе на зло, чѣмъ на добро" <sup>1)</sup>.—Справедливо, конечно, что недостатокъ внимательности уменьшаетъ иногда наши блага, какъ замѣчаетъ Лейбницъ, но несправедливо думаетъ онъ, что ошибаются, когда говорятъ, что бѣдствія велики и существуютъ въ огромномъ числѣ <sup>2)</sup>. Споръ о томъ, больше ли радостей или скорбей выпадаетъ на долю человѣческой жизни, ведется издавна, и въ настоящее время особенно возбужденъ новѣйшими пессимистами—Шопенгауеромъ и Гартманомъ; и, однако же, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ надлежащимъ образомъ философскимъ путемъ. Если обратиться къ христіанству, которому наиболѣе близокъ и доступенъ этотъ вопросъ, то увидимъ, что оно равно чуждается пессимизма и оптимизма въ жизни человѣческой. Не отвергая прогресса человѣческой жизни, оно допускаетъ его, однако, въ двойномъ направленіи, какъ въ отношеніи къ добру, такъ и въ отношеніи къ злу. А отвергая, при этомъ, всякія хиліастическія мечтанія о земномъ раѣ, оно ожидаетъ окончательнаго торжества добра надъ зломъ только при особенномъ содѣйствіи Божества <sup>3)</sup>. Съ другой стороны, христіанство заключаетъ въ себѣ и все, что есть истиннаго въ оптимизмѣ и пессимизмѣ. Времена становятся все лучше, не въ томъ смыслѣ, чтобы послѣдующее поколѣніе дѣлалось болѣе добродѣтельнымъ и болѣе счастливымъ, а въ томъ, что добро, даже при отдѣльныхъ неудачахъ, приходитъ все къ болѣе полному развитію и сознанію посредствомъ поступательнаго развитія культуры, образованія и опыта, обеспечивающихъ вѣрный и неизмѣнный прогрессъ, получаетъ вся большее разнообразіе въ средствахъ и возможностяхъ для своего проявленія. Времена становятся хуже, насколько зло, также при отдѣльныхъ пораженіяхъ и неудачахъ, достигаетъ все большаго развитія и получаетъ все болѣе умственный ха-

<sup>1)</sup> Théodicée, II, 148.

<sup>2)</sup> Théod. I, 13.

<sup>3)</sup> Ученіе о христіанской нравственности. Еп. Мартенсенъ. (См. гл. Оптимизмъ и Пессимизмъ).

рактерь, приобрѣтая себѣ въ культурѣ и образованіи новыя болѣе острыя оружія для нравственнаго униженія, разслабленія и извѣженія человѣка. Что касается Лейбница, то его мысль о рѣшительномъ и полномъ преобладаніи добра надъ зломъ уже теперь, не можетъ быть ни на опытѣ достаточно обоснована, ни соглашена съ вышеупомянутымъ возрѣніемъ христіанства. Онъ голословно ссылается въ подтвержденіе своей мысли лишь на возможность того, что всѣ солнца населены счастливыми созданіями, и что безпредѣльное пространство, окружающее область звѣздъ, можетъ быть наполнено блаженствомъ и славою. Но всѣ подобныя предположенія, очевидно, не имѣютъ никакой научной или философской цѣнности: всѣ они примыкаютъ уже къ области ни на чемъ прочномъ неоснованныхъ гаданій игриваго фантазерства, не говоря уже о томъ, что эти гаданія и не достигаютъ той цѣли, для которой изобрѣтаются, да и вообще ни къ чему не ведутъ и ни мало не успокоиваютъ злостраждущаго сердца. Какъ бы то ни было, и одно пятно не можетъ не портить всю картину, и тѣмъ болѣе, чѣмъ эта картина сама въ себѣ изящнѣе и цѣннѣе. Человѣкъ (отдадимъ ему справедливость!) столько же эгоистиченъ въ страданіяхъ, какъ и въ удовольствіяхъ, и въ облегченіе его страданій указывать ему на то, что „гдѣ-то“, да еще „можетъ быть“, все наполнено блаженствомъ и славою, столько же нераціонально и жестоко, какъ—не давая напиться смертельно жаждущему, показывать ему лишь издали воду. Никогда не возможно примирить его смыслію о необходимости, а тѣмъ болѣе полезности и нормальности зла и страданій, дѣйствуя на его умъ лишь холодными философско-теоретическими доводами, потому что не столько этотъ умъ, сколько сердце его, созданное съ любовію къ добру и блаженству, находитъ въ злѣ и страданіи совершенное отрицаніе своихъ врожденныхъ стремленій и, значитъ, убѣждаетъ въ ихъ ненормальности и безсмысліи. Столь же неубѣдительно и несостоятельно приводимое Лейбницемъ въ доказательство несравненнаго превосходства добра надъ зломъ въ количественномъ отношеніи сравненіе: „больше домовъ, чѣмъ тюремъ“,—какъ не совсѣмъ точно было бы, хотя и гораздо ближе къ истинѣ, сказать, что, на-

оборотъ, зла настолько же больше, чѣмъ добра, насколько простыхъ домовъ больше, чѣмъ дворцовъ. Первое изъ этихъ сопоставленій (Лейбницево), при внимательномъ отношеніи къ нему, несостоятельно уже въ силу того, что домъ и тюрьма далеко не находятся въ строгомъ соотношеніи къ состоянію и настроенію своихъ обитателей. Если бы выдѣлить въ этомъ смыслѣ изъ общаго собранія домовъ истинно счастливые, благополучные, благоустроенные, а остальные, безъ всякаго нарушенія законовъ справедливости, причислить, затѣмъ, къ тюрьмамъ, за преобладаніе въ нихъ всевозможныхъ нестрое-ній, злобы, несчастія и бѣдственной жизни, въ каковомъ отношеніи многія тюрьмы уступили бы такимъ домамъ,—то оказалось бы, послѣ такой группировки, что аналогія Лейбница ведетъ къ совершенно противоположному результату, чѣмъ какой онъ имѣлъ въ виду при построеніи подобной аналогіи; оказалось бы именно, что для выраженія количественнаго отношенія добра и зла въ мірѣ болѣе подходитъ аналогія такого, авторитетнаго въ давномъ случаѣ лица, какъ Св. Григорій Богословъ, который говоритъ: „въ какой мѣрѣ больше праха, нежели золота, въ такой же и порочные многочисленнѣе добродѣтельныхъ... и злые превосходятъ числомъ добрыхъ“ (Похв. дѣв. V, 59). Ясно, что съ большимъ, чѣмъ Лейбницъ, правомъ можемъ утверждать мы, предлагая измѣнить его аналогію въ томъ смыслѣ, что зла настолько же больше, чѣмъ добра, насколько простыхъ домовъ болѣе, чѣмъ дворцовъ. Та же мысль слѣдуетъ изъ опроверженія неудачныхъ попытокъ Лейбница доказать свою предвзятую мысль о превосходствѣ добра богословскими соображеніями. Зло потому уже должно быть допущено, говоритъ Лейбницъ, что оно часто служитъ причиною добра, которое совершенно не произошло бы безъ этого зла. Часто даже двойное зло даетъ бытіе одному великому добру <sup>1)</sup>. Мудрость показываетъ Богу наилучшее употребленіе, какое только можно сдѣлать изъ Его благости: вытекающее отсюда зло есть неизбежное слѣдствіе наилучшаго. Лейбницъ обѣщаетъ сказать намъ даже нѣчто болѣе поразительное: „допускать зло, говоритъ онъ, какъ допускаетъ его Богъ, это

<sup>1)</sup> Théod. I, § 10.

значить—проявлять наибольшую доброту“<sup>1)</sup>. „Безъ допущенія грѣха добро не было бы такъ велико; можетъ быть не послѣдовало бы тогда и искупленія“. „Мы должны помнить, что по поводу грѣха (*felix culpa*) стяжали Самого Іисуса Христа“<sup>2)</sup>, и что „гдѣ умножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ за то и благодать“ (Рим. V, 20).

Мысль Лейбница о томъ, что Богъ допускаетъ зло для умноженія добра нельзя назвать состоятельною. И, во-первыхъ, здѣсь поражаетъ своею странностію самое положеніе, что Богъ допускаетъ зло для извлеченія изъ него добра, при чемъ добро является какъ бы слѣдствіемъ зла, а зло—причиною и источникомъ добра; въ данномъ случаѣ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ *contradictio in adjecto* уже въ самомъ корнѣ этого положенія, недостойнаго Бога и противнаго разуму и сердцу человѣка. Нѣтъ никакого основанія, да и въ высшей степени унижительно для Бога полагать и утверждать, что Онъ, по чрезвычайному Своему могуществу, извлекаетъ изъ допущенія грѣховъ большія блага, чѣмъ какія могли бы (?) произойти безъ грѣховъ, и что вообще послѣдствія дѣйствій, при которыхъ существовалъ грѣхъ, могли быть (?) и дѣйствительно были, какъ добавляетъ Лейбницъ, лучшими (?), чѣмъ какими могли быть (?) эти послѣдствія безъ существованія грѣха. Все это, очевидно, не болѣе, какъ измышленія одной фантазіи, и при томъ такъ дерзко и самоувѣренно претендующей на разумѣніе непостижимыхъ судебъ Божіихъ. Собственно говоря, Лейбницъ, по этой же причинѣ, не въ состояніи никогда доказать уже той своей основной мысли, почему, допускаемый и имъ, возможный міръ безъ грѣха и страданій не можетъ считаться наилучшимъ сравнительно съ существующимъ и называемымъ имъ единственно наилучшимъ. Эта тайна Божественнаго Разума должна заставить замолкнуть человѣческую пытливость, и пессимистическое возрѣніе, по которому этотъ міръ не наилучшій (вопреки основной мысли Теодицеи), столько же бездоказательно, хотя не столько же и должно, по крайней мѣрѣ фактически, какъ и оптимистическое, съ указанной точки зрѣнія. Одно лишь достовѣрно для насъ въ томъ

1) Theod. II, § 121.

2) Ib. I, 11.

и другомъ случаѣ, какъ фактически, такъ и рационально, что Милосердый Богъ, силою Своего Всемогущества и Премудрости, извлекаетъ изъ существующаго зла такое добро, которое способно превышать безмѣрно и парализовать вредныя вліянія зла. Но мы не знаемъ, не можемъ представить и не смѣемъ утверждать, что способно было бы измыслить и даровать намъ Божественное всемогущество и безпредѣльная благодать, при отсутствіи всякихъ препятствій съ нашей стороны, требующихъ предварительнаго ихъ устраненія и особаго приспособленія,— не имѣя нужды пользоваться зломъ, какъ поводомъ, или даже орудіемъ для сообщенія намъ своихъ благъ, а, такъ сказать, имѣя возможность непосредственно исполнять и напаять ими Свои творенія. Мы вѣримъ, что искупленіе даровало намъ гораздо больше, чѣмъ лишило наше паденіе, и что въ этомъ случаѣ дѣйствительно „*felix culpa*“, даровавшая намъ Такого Избавителя отъ нея. Но мы не знаемъ, не изыскала ли бы Божественная мудрость и благодать иного, не менѣе премудраго и удивительнаго средства сообщить намъ эти и подобныя, и несравненно большія блага, если бы наше положеніе не требовало—подвергать истощанію вочеловѣчившееся Слово Божіе и понудить Богочеловѣка къ подъятію на Себя и перенесенію столь ужасныхъ, невыразимыхъ страданій креста, чтобы побѣдою смерти Его даровать намъ жизнь; однимъ словомъ, если бы наше положеніе не представляло никакихъ препятствій къ изліянію на насъ Божественныхъ благъ. Не естественно ли и не вполне ли достойно Бога предположить, что если, оказавшись врагами Божіими, мы удостоены отъ Него такихъ благъ, то ужели, оставаясь вѣрными и послушными Ему, удостоились бы меньшихъ, а не гораздо большихъ? Если бы Адамъ не согрѣшилъ, ужели не былъ бы дарованъ намъ и Иисусъ Христосъ? Напротивъ, вочеловѣченіе Бога въ лицѣ Христа, внутреннѣйшее проникновеніе челоуѣчества Божествомъ въ Богочеловѣкѣ, безковечная слава и красота, явившіяся вслѣдствіе личнаго соединенія Божества съ челоуѣчествомъ, общеніе всего рода челоуѣческаго чрезъ Иисуса Христа, какъ Своего Главу съ Богомъ, твари съ Творцемъ,—все это открываетъ источникъ столь высочайшаго достоинства,

благодати и блаженства тварей, залогъ совершенства всего міра, представляетъ настолько величественный планъ и дѣло, совершенно достойное Бога, что трудно согласиться, чтобы пришествіе Сына Божія на землю было дѣломъ случайнымъ, вызваннымъ грѣхомъ Адама, а не опредѣленіемъ изначальнаго Божественнаго плана. Грѣхъ человѣка, очевидно, могъ сдѣлать только то, что тайна „завершенія“ міра измѣнилась, въ дѣлѣ воплощенія въ тайну „искупленія“. Это таинство—вѣнецъ и совершенство всего естественнаго и сверхъестественнаго порядка вещей, а отнюдь не слѣдствіе собственнаго грѣха Адамова; и мы совершенно вправѣ вообразить, что если искупленіе дало намъ несравненно больше, чѣмъ паденіе, то съ еще большею щедростію излиты были бы на насъ Божественныя блага въ томъ случаѣ, если бы мы не осуществили возможности грѣха, каковая возможность конечно не была скрытою необходимостію, какъ готовъ заявить это и самъ Лейбницъ.

Преувеличивая чрезмѣрно количество въ мірѣ добра, Лейбницъ намѣренно незаконно и настойчиво умаляетъ остроту и количество зла. „Немножко кислоты, остроты и горечи часто нравятся намъ больше сахара“, говоритъ онъ <sup>1)</sup>; тѣни „усиливаютъ“ цвѣта и даже музыкальное „разногласіе“ въ должномъ мѣстѣ „рельефнѣе“ представляютъ „гармонію“; намъ „нравятся“ трагедіи, почти „заставляющія“ насъ плакать. Особенно неудачно, послѣднимъ замѣтитъ прежде всего, это послѣднее сравненіе Лейбница. Большая разница—лишь „смотреть“ на трагедію, или даже „разыгрывать“ ее, и—дѣйствительно „переживать“ ее въ жизни. А состояніе или положеніе человѣка въ мірѣ скорѣе и есть именно не „созерцаніе“ трагедіи, а „переживаніе“ ея, и даже не то переживаніе, какое могутъ воспроизводить на себѣ искусные актеры, съ необыкновенною живостію увлекая къ подобному переживанію извѣстной трагедіи и своихъ зрителей; нѣтъ, это—сама дѣйствительная, исполненнаго глубокаго, реальнаго, сильнаго и живѣйшаго трагизма жизнь, отъ колыбели до могилы. Говорить, что этотъ трагизмъ реальной жизни можетъ и долженъ „нравиться“, какъ трагедія, заставляющая плакать, значитъ, никогда, по совѣсти говоря, не страдать самому по человѣчески и имѣть слишкомъ

<sup>1)</sup> Théod. I, 12.

уродливья, легкомысленныя, безучастно—дикія понятія о человѣческой чувствительности къ „трагическому“ въ жизни. Известно, что только низшія животныя чувствуютъ страданія въ самой слабой степени; у человека же они достигаютъ самой высшей, и при томъ, чѣмъ онъ развитѣе, тѣмъ сознательнѣе, острѣе и глубже и его страданія, такъ что тотъ, въ комъ живетъ гений, по справедливости, страдаетъ больше всѣхъ. Вотъ почему именно на гениі лежить, какъ существенный признакъ, постоянная печать меланхоліи; на этомъ основано глубоко-мысленное изреченіе: „*qui auget scientiam, auget et dolorem*“ (Ессл. 1, 18) <sup>1)</sup>. Примѣръ Іисуса Христа, Котораго какъ-то оскорбительно даже и представить смѣющимся, но Который весьма часто изображается плачущимъ,—прекрасная и совершенная иллюстрація мысли Шопенгауера. Онъ же наглядно убѣждаетъ въ преобладаніи зла надъ добромъ, страданія надъ удовольствіемъ, когда предлагаетъ сравнить чувства, какія испытываютъ въ одно и то же время животное „пожирающее“ и животное „пожираемое“; подобныхъ поразительныхъ сравненій придумано и высказано въ свое время множество (удовольствіе табакура и страданія работающихъ на табачныхъ фабрикахъ; роскошь богача и муки его угнетаемыхъ нуждою поставщиковъ; наслажденіе охотника и страданія раненнаго имъ животнаго и осиротѣвшихъ дѣтенышей, и др.); и на основаніи всѣхъ такихъ примѣровъ и сравненій дѣйствительно нельзя не согласиться, что количество и степень страданій далеко не уравниваются количествомъ и степенью удовольствія. „Если провести упорнѣйшаго оптимиста по больницамъ, лазаретамъ и по тюрьмамъ, комнатамъ пытокъ и невольничьимъ хлѣвамъ, чрезъ поля сраженій и мѣста казней, затѣмъ раскрыть предъ нимъ всѣ мрачныя обители нищеты, куда она заползаетъ отъ взоровъ холоднаго любопытства, то онъ бы на послѣдокъ убѣдился, какого рода этотъ лучший изъ міровъ? Откуда же иначе Данте взялъ матеріаль для своего ада, какъ не изъ нашего дѣйствительнаго міра? И тѣмъ не менѣе вышелъ очень изрядный адъ! Напротивъ, когда онъ дошелъ до задачи изобразить небо и его блаженство, передъ нимъ оказалось непреодолимое затрудненіе, именно потому,

<sup>1)</sup> „Умножающій знаніе умножаетъ и скорбь“.

что нашъ міръ не даетъ матеріала ни для чего подобнаго<sup>1)</sup>. Болѣе мягко, умѣренно и болѣе справедливо выражаетъ, по отношенію къ человѣку, эту же мысль Св. Григорій Богословъ. Указавъ на нѣкоторые роды неразумныхъ тварей, тотчасъ же по своемъ рожденіи начинающихъ жизнь, полную беззаботности, рѣзвости, здоровья, красоты, силы и довольства,—безпечально и безтрепетно испускающихъ послѣднее дыханіе, безъ плачевныхъ пѣсней и выраженной горести;—онъ невольно затѣмъ восклицаетъ: „посмотри же на жалкій человѣческій родъ! Тогда и самъ скажешь съ стихотворцемъ (Гомеръ, Одиссея 18, 130): нѣтъ ничего немощнѣе человѣка!“ (Сл. 11 е). Вся жизнь его,—отъ перваго младенчески—плачевнаго крика, коимъ онъ сразу же слѣштитъ заявить о своемъ страданіи въ этомъ мірѣ, до послѣдняго предсмертнаго вздоха,—представляетъ одно сплошное страданіе, на полѣ котораго радости рассыпаны только лишь кой-гдѣ, какъ мелкія звѣзды на необозримомъ фонѣ темнаго неба. Да, человѣкъ страдаетъ, и страдаетъ много! Пищу этимъ его страданіямъ даетъ все окружающее, все въ немъ находящееся, все ему принадлежащее и его отличающее. Каждое его стремленіе, каждая врожденная потребность и способность готовить ему свое зло и страданіе. Повсюду его окружаетъ, вездѣ ему встрѣтится рѣзко бьющая въ глаза нищета, мучительная тревога за недостаточно-обезпеченное существованіе и страхъ бѣдности, врожденное или пріобрѣтенное уродство и слабость, тяжкая и изнурительная продолжительная болѣзнь, стѣсненіе безмысленными порядками и установленіями; вездѣ взоръ нашъ непріятно поражаютъ всевозможныя лишенія, огорченія и жестокія разочарованія отъ неудавшихся предпріятій, обманутыхъ идеальныхъ стремленій и усилій,—не знающая снисхожденія жестокость и вопіющая несправедливость сильныхъ міра сего, наряду съ безнаказанностію самыхъ безчестныхъ и возмутительно-наглыхъ поступковъ;—тяжесть труда, недостатокъ работы, скудость вознагражденія, неблагодарность, зависть и черная клевета,—и какъ результатъ всего вышеизложеннаго—горькія жалобы на судьбу, всеобщая тоска и недовольство жизнью, дѣлающія ее невыносимою. Успѣхи современной ци-

1) Шопенг. „Міръ, какъ воля и представленіе“, I, § 59.

вилізациі, расширяя все болѣе и болѣе кругъ нашихъ потребностей и стремленій, только служатъ къ большому усиленію этого недовольства, порождая новыя неизвѣданныя и обостряя обычныя и неизбѣжныя разочарованія. И при такой-то невзрачной перспективѣ, открывающейся человѣку со всѣхъ сторонъ окружающей его дѣйствительности, напрасно сталъ бы онъ искать отрады и успокоенія взору въ свѣтлыхъ картинахъ разстилающейся предъ нимъ природы. И эта охватываетъ его не менѣе острымъ и ѣдкимъ чадомъ разрушенія! Каждую минуту и здѣсь сладкое его забытье будутъ нарушать не менѣе мрачныя картины въ видѣ опустошительныхъ бурь, градобитій, неурожаевъ и голода, наводненій и землетрясеній, моровыхъ повѣтрій и войнъ со всѣми ихъ ужасами, и другія всевозможныя вредныя и разрушительныя вліянія и дѣйствія стихій и міровыхъ явленій, каждое изъ которыхъ несетъ въ себѣ смерть и смерть, всюду вторгающуюся, всему мѣшающую, все прерывающую и разрушающую по своему капризу. „Представьте себѣ толпу людей въ цѣпяхъ, приговоренныхъ къ смерти; каждый день нѣкоторые изъ нихъ умерщвляются на глазахъ остальныхъ; эти видятъ свое собственное положеніе въ положеніи имъ подобныхъ, и съ чувствомъ скорби и безнадежности ждутъ своей очереди. Вотъ картина <sup>1)</sup> положенія человѣчества“. И надо имѣть крайне-закоренѣлый эгоизмъ, странное самодовольство и обольщенное легкомысліе, чтобы безмолвствовать и не содрогаться при видѣ всего этого. Подобную же картину всевозможныхъ нестроеній, зла и страданій представляетъ внутренній міръ самого человѣка со всѣми его способностями, силами, потребностями и стремленіями. Въ этомъ, постигивъ „микрокосмъ“, съ совершеннѣйшею точностію и полнотою воспроизводящемъ всѣ разрушительныя дѣйствія и проявленія общеміроваго зла, острота послѣдняго тѣмъ чувствительнѣе, что сосредоточивается въ одномъ нераздѣльномъ субъектѣ, объединяется въ одномъ индивидуальномъ сознаніи и чувствѣ. Что же именно находимъ мы здѣсь?—Наряду съ болѣе или менѣе значительными и замѣтными, безспорно, благами, цѣнность которыхъ, впрочемъ, узнается лишь по ихъ потерѣ, и которыя дѣлаютъ жизнь сносной и отчасти даже

<sup>1)</sup> Паскаль.

пріятной,—во всемъ остальномъ и здѣсь мы также находимъ много ненормальнаго, прискорбнаго и разрушительнаго. Нѣтъ возможности и представить себѣ, сколько кроется здѣсь нищеты, разслабленія, пагубныхъ заблужденій и суевѣрій, проявленій грубости и звѣрства, нравственнаго и умственнаго оцѣпенѣнія, вульгарности, пошлости, мелочности, низости, и, при томъ, въ самыхъ лучшихъ иногда нашихъ привязанностяхъ и стремленіяхъ;—сколько сокрушеній сердечныхъ, печали и безысходной тоски, скуки и мучительныхъ угрызений совѣсти;—сколько мукъ отъ сознанія безсилія своихъ желаній, а часто даже отъ „безсилія желать“ того, чего бы хотѣлось и нужно было желать! Все это—столько же страданія въ собственномъ смыслѣ—зло физическое, сколько въ то же время зло и плоды зла нравственнаго, зла по преимуществу, на которое не любятъ обращать должнаго вниманія, котораго не смѣютъ назвать дѣйствительнымъ его именемъ, которое всячески умаляютъ, скрываютъ, оправдываютъ, и которое есть одно подлинное зло, самый источникъ зла, не заблужденія, не несовершенство, не невѣжество, не несчастіе, а преступленіе, грѣхъ, смерть духа, нагляднѣйшее и совершеннѣйшее выраженіе какой представляютъ нерѣдкіе случаи—полнаго одичанія человѣка и низпаденія его на степень хищнаго звѣря, срывающаго цѣпи своихъ оковъ. Но вѣчто такъ не убѣждаетъ въ ненормальности настоящаго состоянія міра и въ несомнѣнности проникающаго его зла, какъ смерть. Ея трепещутъ и бѣгутъ всѣ живыя существа; присущій послѣднимъ и столь могучій инстинктъ самосохраненія и борьбы за существованіе есть не что иное, какъ живое воплощеніе ужаса предъ ненормальностью смерти. И несмотря на это, міръ живыхъ существъ, отъ червя до человѣка, весь представляетъ изъ себя какъ бы исключительное царство зла, насилія, борьбы, вражды, смерти и уничтоженія. Насѣкомыя, пресмыкающіяся и животныя, точно слѣдуя какому-то странному закону взаимнаго самоистребленія, поглащаютъ и уничтожаютъ другъ друга самымъ беспощаднымъ образомъ, и не только съ цѣлью поддержать свое существованіе, но чаще всего только потому лишь, что они обладаютъ силою уничтожать слабѣйшія и беззащитныя существа. Интересно то, что сама природа содѣйствуетъ осуществленію этого неумолимаго

закона, надѣляя животныхъ, на ряду съ хищническимъ кровожаднымъ инстинктомъ,—сильными мускулами, зубами, когтями, клювомъ, ядомъ, рогами и т. п. средствами, совершеннѣйшимъ образомъ приспособленными къ борьбѣ и взаимоистребленію. Что же касается человѣка, то въ высшей степени изумительно, что его интеллектуальность, это отличительное его преимущество и совершенство предъ животными, по справедливости, дѣлаетъ царя природы и кровожаднѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ. Его одежда, обувь, прихотливая роскошь и обстановка жизни, которыми онъ любитъ окружать себя,—все зиждется обыкновенно на тысячахъ смертей, всевозможныхъ животныхъ, чаще всего наиболѣе невинныхъ, беззащитныхъ и безвреднѣйшихъ изъ нихъ, имѣвшихъ несчастіе привлечь на себя вниманіе своего царя—тирана изяществомъ, красотою и др. качествами, затрогивающими его причудливыя прихоти. Обладая неистощимою изобрѣтательностью въ устроеніи орудій и изысканіи средствъ для борьбы съ жизнью и силою, онъ убиваетъ и для удовлетворенія голода, и для одежды, и для обуви, и нападая и защищаясь, въ интересахъ науки, и для забавы, иногда и чаще всего просто потому, что хочетъ и можетъ убивать. Обнаруживая тотъ же кровожадный инстинктъ въ отношеніи къ себѣ подобнымъ, онъ причиненіемъ зла превосходитъ, можно сказать, въ этомъ случаѣ, злѣйшихъ и наиболѣе хищныхъ звѣрей. Между послѣдними почти немыслимы, по крайней мѣрѣ, не столь распространены такіе виды зла, какъ отцеубійство, матереубійство, дѣтоубійство, братоубійство, самоубійство, саморастлѣніе и т. п. Если, такимъ образомъ, не стоятъ въ ряду тѣхъ людей, которые легко мирятся съ страданіями другихъ и громко кричатъ лишь когда страдаютъ сами, то мы вынуждены будемъ открыто признать, что существуютъ острия, жестокия и мучительныя страданія, крайне тяжелыя и безотрадныя состоянія, недуги и болѣзни, которымъ иногда не бываетъ другаго и конца, кромѣ смерти,—существуетъ и вокругъ насъ, и внутри насъ—вездѣ зло, какъ фактъ всемірный и вѣчный, всеобщій непобѣдимый, хотя случайный и не необходимый. Только крайнею наивностію можно объяснить то, что философы въ своихъ системахъ остаются къ нему равнодушными, почти не обращая на него вниманія, и если иногда замѣчая его, то говоря о немъ лишь

какъ о какой-нибудь вещи, но не чувствуя въ достаточной мѣрѣ ни его реальности, ни его глубины. Самыя чистыя, самыя возвышенныя радости, какія выпадаютъ на долю человѣка и на которыя любятъ ссылаться наивные оптимисты, срастворены горечью зла и страданія, чувства неудовлетворенности и недостатка. Когда Пастеру говорили о тѣхъ радостяхъ, которыя долженъ былъ ему доставлять открытый и изслѣдованный имъ міръ бесконечно малыхъ существъ, то онъ возражалъ: „говорите лучше о чувствѣ моего невѣдѣнія, которое усиливается у меня съ каждымъ шагомъ впередъ въ этомъ неизвѣстномъ мірѣ: я почти ничего не знаю, и со всѣхъ сторонъ окруженъ тайною!“

Придерживаясь этихъ неопровержимыхъ и очевидныхъ фактовъ, и не склоняясь ни на сторону наивнаго оптимизма, ни на сторону неумѣреннаго пессимизма, мы должны сказать, однако, что наличное состояніе человѣка и міра болѣе бѣдственно, болѣе зло, чѣмъ счастье и добро, хотя и не безусловно.

Не задаваясь намѣреніями давать новую Теодицею, взамѣнъ столько несостоятельной Лейбницевою, сдѣлаемъ лишь попытку найти то, что есть для нея „готоваго“ въ Словѣ Божіемъ, руководствуясь которымъ, есть возможность ясно, точно и полно разрѣшить всѣ недоумѣнія, затруднившія Лейбница и, вмѣсто дѣйствительной Теодицеи, то-есть оправданія Бога, на самомъ дѣлѣ заставившія лишь обвинить Его въ цѣлсообразности будто бы допущеннаго Имъ зла.

Священный писатель книги „Бытія“ міра и человѣка повѣствуетъ намъ, что—вызывая отъ ничтожества къ бытію равныя существа и стихіи міра Своимъ мощнымъ творческимъ: „да будетъ!“—Создатель всякій разъ, какъ предъ Нимъ возставали изъ бездны небытія послушныя Его велѣнію твари, произносилъ надъ ними Свой твердый и правый судъ однимъ неизмѣннымъ одобреніемъ: „добро“. И когда, затѣмъ, Онъ ввелъ въ окончательно благоустроенный и всецѣло одобренный Имъ міръ—последнее и наилучшее украшеніе онаго—вѣнецъ всѣхъ твореній Своихъ—человѣка, то подтвердилъ всѣ прежнія частныя одобренія относительно каждаго въ отдѣльности изъ своихъ твореній—общимъ и полнымъ одобреніемъ „вснхъ дѣлъ руку Своею“ въ совокупности: „виднъ Богъ вся елика сотвори,

*и се вся добра зло!*" (Быт. 1, 31). Не было надобности тѣмъ же порядкомъ и въ подобной же формѣ поправлять это сужденіе о мірѣ послѣ того, какъ состояніе послѣдняго уже не стало соотвѣтствовать ему, вслѣдствіе печальнаго факта грѣхопаденія человѣка, повѣствованіе о чемъ начинаетъ омрачать священную исторію Бытія уже на самыхъ первыхъ ея страницахъ. Это несоотвѣтствіе именно было достаточно ясно само собою уже изъ самаго направленія, какое приняла жизнь падшаго человѣка, и которое теперь пошло въ разрѣзъ и съ намѣреніями Божиими, и съ естественнымъ предназначеніемъ и состояніемъ человѣка. Не только книга Бытія, но и весь Ветхій Заветъ, съ этой точки зрѣнія, является не прстосердечною идиллією, но глубокопоучительною повѣстью жестокой войны между добромъ и зломъ при ихъ первомъ столкновеніи. Уже съ самаго момента паденія перваго человѣка начинается обуславливающая и питающая эту войну разладъ въ его коренныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ: произошла совершенная перестановка средствъ на мѣсто цѣлей <sup>1)</sup>, и естественныя потребности удовлетворенія и утоленія своихъ нуждъ извратились въ ненасытимыя страсти чревоугодія и самообоготворенія, которыя сами въ себѣ пріобрѣли для человѣка значеніе цѣли, помимо и независимо отъ удовлетворенія его естественныхъ потребностей. Какъ прежде въ немъ было единственно сильно и живо желаніе и исканіе добра при совершенной неудобопреклонности ко злу, такъ теперь, при неудободостижимости добра, непреодолимую силу возымѣли надъ нимъ противныя добру влеченія зла. Грѣхъ сталъ въ человѣкѣ столь же живою, внутреннею, природною, самовластною силою, какою равнѣ было для него лишь одно добро. Такое грѣховное состояніе, впрочемъ, образовало въ человѣкѣ хотя и дѣйствительное, но

<sup>1)</sup> Прекрасное выраженіе этой мысли находимъ у одного изъ христіанскихъ аскетовъ. „Богъ, говоритъ онъ, не творилъ и не былъ виновникомъ зла. Посему обманываются утверждающіе, что нѣкоторыя страсти естественны въ душѣ, не зная того, что похвальныя свойства природы превратили мы въ страсти. Отъ природы въ насъ сѣмя для чадородія, а мы превратили его въ блудъ; отъ природы раздраженіе на змія, но мы обратили оное на ближняго. Есть въ насъ ревность для соревнованія въ добродѣтеляхъ, а мы соревнуемъ во злѣ. Естественно душѣ желаніе славы, но горней. Естественно гордиться, но передъ демонами. Получили мы отъ природы и памятозловіе, но противъ душевныхъ враговъ; получили и алканіе пищи, но безъ невоздержности“.

отнюдь и не положительное какое-либо качество; грѣхъ поселился именно въ немъ, какъ нищета послѣ расхищенія, какъ тьма послѣ заката солнца, какъ смерть послѣ исчезновенія жизненныхъ силъ. Такъ какъ, при этомъ, природа человѣка органически неразрывна и неотлична тѣлесною частію своею отъ природы всего остального міра, то, понятно, и послѣдній не могъ остаться чуждымъ впитанной человѣкомъ заразы; и вотъ—начало всевозможныхъ уклоненій міра отъ своего естественнаго предназначенія—служить человѣку, источникъ всякаго рода разстройствъ и ненормальностей, откуда уже всѣ физическія бѣдствія и зло! Давая именно такое объясненіе зла, Слово Божіе, очевидно, нисколько не умаляетъ и не преувеличиваетъ его количества и значенія. Обращая взоръ человѣка на красоты твореній и научая почерпать изъ ихъ созерцанія познаніе совершенствъ Творца, Слово Божіе учитъ въ то же время, что „міръ весь во зло лежитъ“ <sup>1)</sup>, „всѣ помышленія человека—зло отъ юности его“ <sup>2)</sup>, „никто же чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его на земли“ <sup>3)</sup>, что „все суета и крушеніе духа“ <sup>4)</sup>, и что здѣшній міръ есть „юдоль плачевная“ <sup>5)</sup>, міръ тяжкихъ трудовъ, бѣдствій, болѣзней, печалей и всевозможныхъ стѣсненій духа и тѣла, и что „вся тварь совоздыхаетъ“ <sup>6)</sup> этому ненормальному состоянію человѣка, хотя и въ „чаяніи откровенія славы сыновъ Божіихъ“ <sup>7)</sup>. Напрасно было бы опасаться, вмѣстѣ съ Лейбницемъ, что такое состояніе міра, дѣлающее его далеко не наилучшимъ изъ возможныхъ, несогласно съ понятіемъ о всесовершенствѣ Творца. Выводимое изъ этого понятія совершенство міра не только не требуетъ, чтобы, при этомъ, исключалась возможность и мыслимость всякаго другаго совершеннѣйшаго міра, но обнаруживаетъ и какъ разъ обратное. Всесовершенство Божества прежде всего есть трансцендентальное по отношенію къ міру, субъективное свойство Божественной Сущности, и, какъ безконечное, ни въ какомъ совершеннѣйшемъ созданіи не можетъ быть исчерпано, или имъ ограничено. И эта невозможность полнаго и адекватнаго осуществленія Безконечнаго въ конечномъ, невозможность вы-

1) I Иоан. 5, 19.

2) Быт. 8, 21.

3) Іов. 14, 4—5.

4) Еккл. 2, 26.

5) Псал. 83, 7.

6) Римл. 8; 22.

7) Римл. 8, 19—21.

раженія въ наилучшемъ и совершеннѣйшемъ изъ создавй, вытекающая изъ самаго понятія Безконечнаго,—очевидно, нисколько не умаляетъ совершенствъ этого Безконечнаго, и нисколько не унижаетъ тѣмъ, если, вмѣсто одного какого-либо самаго совершеннѣйшаго существа, Премудрость и Благость Божія творить различныя, болѣе или менѣе совершенныя существа съ безконечно многими отраженіями совершенствъ Творца. Столь же мало нарушается всесовершенство Творца и тѣмъ предположеніемъ, что нишѣ существующій міръ могъ быть предначертанъ и не въ качествѣ наилучшаго, совершеннѣйшаго изъ возможныхъ. Сколько бы ни былъ совершененъ этотъ предполагаемый наилучшій изъ возможныхъ міровъ, совершенство его, уже въ силу несамобытности, всегда будетъ понятіемъ относительнымъ, но никогда—абсолютнымъ. Иначе говоря, не въ томъ состоитъ это совершенство міра, какъ и вообще совершенство всякой вещи, чтобы отражать какъ можно больше совершенствъ Творца и какъ можно въ большей ихъ степени, но въ томъ, чтобы соответствовать такому или иному своему назначенію, какъ оно опредѣлено свободнымъ произволеніемъ Творца, утвердившаго известное состояніе бытія всецѣло отъ Него зависящими законами и условіями. Человѣкъ несовершененъ по сравненію съ ангеломъ, но можетъ быть вполне совершененъ самъ въ себѣ, если ни въ чемъ не нарушаетъ законовъ и условій своего бытія, указывающихъ ему высшее его предназначеніе, хотя онъ многихъ совершенствъ Своего Творца, строго говоря, не отражаетъ совершенно, напр., вездѣсущія, всевѣднія, и др. Точно также и міръ можетъ отражать далеко не всѣ, и не въ возможно—полной мѣрѣ, совершенства Творца, и, не будучи наилучшимъ изъ возможныхъ, быть совершеннымъ самъ въ себѣ, какъ цѣлесообразно и разумно устроенное цѣлое, достигающее своего назначенія въ той мѣрѣ, какую предъизбрала и предрѣшила ему воля Творца. Въ этомъ смыслѣ міръ есть наилучшій, но не изъ возможныхъ, а наилучшій самъ въ себѣ, въ отношеніи къ общему своему плану, состоянію и предназначенію, поскольку именно успешное осуществленіе этого предназначенія обеспечиваетъ управляющей всѣмъ Промыслъ Творца. Если такимъ образомъ, вопреки положенію Лейбница, для настоя-

щаго міра вовсе не представляется никакой логической необходимости быть наилучшимъ изъ возможныхъ, то, понятно, соотвѣтствующее измѣненіе и поправку слѣдуетъ ввести и во взглядъ на природу, состояніе и предназначеніе человѣчества, выражающаго все содержаніе, достоинство и полноту бытія—міра. Такимъ измѣненіемъ и такою поправкою будетъ тотъ, утверждающійся на данныхъ опыта, разума и Слова Божія,—взглядъ на человѣчество, какой находимъ въ твореніяхъ христіанскихъ подвижниковъ, — твореніяхъ, являющихся результатомъ долгаго, тщательнаго и серьезнаго самоуглубленія и анализа человѣческой души. По смыслу этого взгляда, человѣчество есть не что иное, какъ больной, страждущій застарѣлою болѣзнію, хотя, къ собственному несчастію, такой больной, который признаетъ себя здоровымъ, и которому нужны не здоровая пища и вкусные плоды, какъ бы оно ни желало ихъ, но лекарства, и, при томъ, такія сильныя и горькія, каковы страданія, которыя при здоровомъ его состояніи были бы для него совершенно излишни. Съ этой стороны, можно, хотя и не въ смыслѣ Лейбница, и собственно только по отношенію къ страданіямъ, сказать, что Богъ допускаетъ существованіе зла, въ томъ именно смыслѣ, что паходитъ возможнымъ, не уничтожая его вмѣстѣ съ свободою человѣка, подчинить это зло Своимъ неизмѣннымъ о человѣкѣ намѣреніямъ, заставляетъ его служить Своимъ цѣлямъ, осуществленію Своего вѣчнаго плана, который Онъ, однако, силенъ былъ осуществить съ большею славою и совершенствомъ для человѣка, если бы этотъ не уклонился въ ненормальное для себя положеніе и не потребовалъ предварительно для своего уврачеванія горькихъ и сильныхъ лекарствъ, какими неизбѣжно должны служить для него различныя скорби, болѣзни и страданія. И не потому Богъ не уничтожаетъ зла теперь, хотя и могъ бы, что оно служитъ въ рукахъ Бога, какъ говоритъ Лейбницъ, для извлеченія изъ него добра, а потому единственно, что не хочетъ при этомъ лишить насъ величайшаго дара—свободы быть добрыми и блаженными по подобію Творца, несмотря на то, что лишить этого дара насъ послѣ того, какъ мы не сумѣли воспользоваться имъ, какъ должно, отнюдь не было бы какимъ-либо новымъ и большимъ зломъ и несправедливостію, а только

лишь не согласуется съ благостию Божіею, даровавшею намъ свободу, какъ непремѣнное условіе всякаго блага и существованія духа и разума. Оставляя человѣку этотъ величайшій даръ, и попуская ему свободную дѣятельность, даже и злую, Богъ какъ бы добровольно ограничиваетъ Себя во всемогуществѣ и вездѣприсутствіи, и являясь совершенно безучастнымъ къ уклоненіямъ нравственно-свободныхъ существъ, пресѣкаетъ или направляетъ ихъ къ добрымъ послѣдствіямъ, премудро согласуетъ ихъ съ вѣчными планами міроуправленія, которыя при отсутствіи зла нисколько бы не пострадали въ ихъ выполненіи. Если бы, при этомъ, страданія и физическое зло сами въ себѣ были необходимы по плану міроуправленія, то необходимымъ слѣдовало бы также признать и грѣхъ или зло нравственное, служащее, по Лейбницу, единственнымъ источникомъ зла физическаго. Между тѣмъ, это также прямо противно ученію Слова Божія, которое трактуетъ грѣхъ, именно какъ нѣчто совершенно ненормальное. „Грѣхъ есть беззаконіе“ (1 Иоан. 3, 4), то, что не должно бы быть и можетъ не быть; „всякій рожденный отъ Бога не согрѣшаетъ“ (1 Иоан. 3, 4; 5, 18). Вотъ почему христіане призываются не къ тому, чтобы „уменьшать“ или „ослаблять“ только зло, но чтобы „совершенно“ быть „чуждыми“ зла; ихъ идеаль: „будьте совершенны, якоже Отецъ Небесный“ (Мат. 5, 48). Справедливо, конечно, что испытанія, страданія и скорби могутъ способствовать совершенству человѣка, и въ этомъ случаѣ Самимъ Богомъ посылаются иногда даже Его любящимъ; но въ данномъ случаѣ ясно само собою, что добро не въ самыхъ страданіяхъ и скорбяхъ, ужасъ предъ которыми былъ естествененъ даже въ Богочеловѣкѣ, добро здѣсь именно въ мужественныхъ проявленіяхъ духа, въ подвигахъ его борьбы со зломъ, которыхъ онъ хотя бы и могъ, но не умѣлъ т. е., не хотѣлъ обнаружить во всецѣломъ подчиненіи добру и нравственному преуспѣянніи отъ лучшаго къ лучшему. Такъ, зло не мыслится необходимымъ, и непремѣнно осуществляемая, скрытая необходимость зла въ понятіи свободы воли—клевета на ее Даровавшаго по Своей благости и на ее испытующее, Божественное Правосудіе. Если бы грѣхъ и нравственное зло точно происходили изъ несовершенствъ человѣческой природы, при условіяхъ ея тварности и

ограниченности, то что же возбраняетъ намъ отдаться грѣху, извиняя его природною неизбѣжностію; что воспрепятствуетъ намъ установить полную его невмѣняемость, какъ явленія необходимаго и непреодолимаго? Не есть ли совѣсть съ ея угрызениями—лишь самообманъ нашего сознанія? А постоянныя, то грозно-внушительныя и повелительныя, то мягко-ласкающія и убѣждающія обращенія любвеобильнаго Бога къ грѣшной человѣческой совѣсти, примѣры какихъ разсыпаны на каждой страницѣ Слова Божія, не суть ли въ такомъ случаѣ судъ Бога надъ Самимъ Собою; надъ неудачнымъ и несовершеннымъ дѣломъ рукъ Своихъ, надъ несовершенными по Его вивѣ людьми, съ которыми Онъ состоитъ въ чисто деспотическихъ отношеніяхъ?..

Нѣтъ, какъ ни свыкается сердце съ страданіями здѣшной жизни, какъ ни сродняется иногда съ ними, находя даже въ нихъ самихъ утѣшеніе, но оно никогда не признаетъ ихъ нормальнымъ явленіемъ; и уже тѣ первыя усилія, которыя въ борьбѣ со страданіемъ нерѣдко многихъ несчастныхъ страдалцевъ вынуждаютъ искать единственнаго выхода и утѣшенія себѣ въ уничтоженіи жизни,—говорятъ рѣшительно противъ зла и страданія, какъ нормальнаго будто бы явленія. Если бы оно было нормально, и если бы дѣйствительно истекало изъ свойственной человѣку ограниченности и несовершенствъ его природы, то позволительно спросить, что за причина, что это нормальное явленіе далеко не для всѣхъ нормально въ одинаковой мѣрѣ и при томъ такъ (замѣчательное явленіе!), что бѣлая ненормальность, бѣлая ограниченность и недостатки въ духовно-физической природѣ отдѣльныхъ личностей—далеко не всегда и не безусловно сопровождаются соответствующими же бѣлыми степенями грѣховности и страданіями. Общеизвѣстныя вульгарныя пословицы: „дуракамъ счастье“ и „кривда правдѣ глаза выколетъ“—составляютъ въ этомъ отношеніи и общеизвѣстные, чаще всего наблюдаемые, факты, вполне подтверждающіе только—что высказанную мысль.

Согласно съ основнымъ воззрѣніемъ Лейбница, зло физическое, т. е., страданія, бѣдствія—есть лишь неизбѣжное слѣдствіе зла нравственнаго (III, 241), или, другими словами,—

въ нравственномъ злѣ должно искать коренной причины существованія зла физическаго. Это воззрѣнiе столько же опытное, научное, философское, сколько въ то же время и Откровенное. Дѣйствительно, связь между обоими видами зла непосредственная, очевидная и строгопослѣдовательная. Изъ пророческой рѣчи Господа о послѣднихъ дняхъ міра видно, что тогда съ умноженіемъ беззаконій въ такой же мѣрѣ умножатся страшныя физическія бѣдствія. Но когда Лейбницъ рѣшается не безъ натажекъ производить отъ зла добро, то, очевидно, смѣшиваетъ въ данномъ случаѣ поводъ съ причиною и орудіемъ, хотя и открещивается отъ подобнаго смѣшенія въ принципѣ. Богъ создалъ человѣка для блаженства, а не для страданія, и для блаженства не чрезъ страданіе. Творецъ съ Своей стороны невиновенъ ни въ одномъ человѣческомъ вздохѣ, ни въ одной слезѣ, проливаемой нами подъ гнетомъ безчисленныхъ скорбей и бѣдствій. Труды, болѣзни, скорби суть естественныя слѣдствія человѣческаго грѣха, слѣдовательно, дѣло человеческой свободы, а не Божія устройства. Значеніе и цѣль всѣхъ нашихъ лишеній, скорбей и бѣдствій чисто отрицательнаго характера—очищеніе и уврачеваніе души отъ грѣховныхъ язвъ и страстей; слѣдовательно, не Богъ виновенъ въ нашихъ страданіяхъ, а наша собственная грѣховность, такъ же какъ не врачъ виноватъ, когда даетъ горькое врачество, или дѣлаетъ болѣзненное прижиганіе, а болѣзнь больнаго, требующая этихъ средствъ.

Таковы давныя для Теодицеи, или оправданія Бога, въ Словѣ Божіемъ. И если ко всему этому нужно дать метафизическое и философское пониманіе зла, то опредѣлимъ его такъ: сущность зла въ томъ именно и заключается, что оно лишено смысла, не естественно, что оно не имѣетъ никакого основанія. Происхожденіе и существованіе зла и бѣдствій въ мірѣ есть тайна для нашего разума, но тайна, въ которой загадка человеческой жизни, съ ея страданіями и борьбою, находятъ свое единственное разъясненіе. Это тайна непонятная, но безъ нея человѣкъ съ его дѣятельностію былъ бы еще болѣе непонятенъ!..

# ИЗВѢСТІЯ

п о

## ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Января № 2. 1905 года.

---

Содержаніе. I. Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату. — Приказъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. — Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. — Отъ Харьковской Духовной Консисторіи. — Епаріальныя извѣщенія.

---

### I.

## ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

*Правительствующему Сенату.*

О предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка.

По священнымъ завѣтамъ предковъ нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неуспынной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими обстоятельствомъ навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшей, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразование вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній.

Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ съ сочувствіемъ благомыслящей частью нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣваніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

Во главѣ заботъ нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію наряду съ подробнымъ на мѣстахъ разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ. Нынѣ въ особомъ изъ омытнѣйшихъ лицъ.

высшаго управленія совѣщаній изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобъ работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользования лицами этого сословія признаннымъ за нами Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей“.

Обозрѣвая засмѣ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ отечествѣ нашемъ хода государственной и общественной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) Принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры Престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же его неизбежно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ спѣхъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достяженія правосудія.

2) Предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую въ законныхъ предѣлахъ самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ на однородныхъ основаніяхъ представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія. Съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать, сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ меньшихъ по пространству участкахъ.

3) Въ дѣлахъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній внести должное единство въ устройство судебной въ имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность

4) Въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія.

5) Пересмотрѣть взданныя во время безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исклю-

чительныя законоположенія, примѣненіе болѣе сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности.

6) Для закрѣпленія выраженнаго Нами въ манифестѣ 26-го февраля 1903 года неуклоннаго душевнаго желанія охранять священную основными законами имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ принадлежащихъ къ внославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія.

7) Провести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явную пользою русскаго народа.

в 8) Устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ по прежде даннымъ Нами указаніямъ подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разпообразію и важности сихъ преобразованій, признаемъ за благоустановить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстро и полного ихъ осуществленія. Въ ряду государственныхъ нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ комитету министровъ. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ комитету министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣй-

пемъ въ установленномъ порядкѣ направленіи надлежащихъ мѣропріятій. О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ комитетъ вмѣстѣ Намъ докладывать. Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ, 12-го декабря 1904 г.

### Приказъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Приказомъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 13 января 1905 года, за № 10, перемѣщается помощникъ инспектора Харьковской Духовной Семинаріи *Пискаревъ* на должность учителя русскаго языка въ 1-й классъ Харьковского духовнаго училища, съ 4 декабря 1904 г.

Опредѣляется кандидатъ московской духовной академіи *Воскресенскій* на должность помощника инспектора въ Харьковскую духовную семинарію, съ 8 января 1905 г.

### Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

Преосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

*По вопросу о привлеченіи священно и церковно-служителей епархіальнаго вѣдомства къ установленнымъ закономъ вычетамъ изъ получаемаго ими содержанія, согласно 317—331 с.с. Уст. о пошл. т. V. Св. Зак., изд. 1903 г.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 ноября сего года № 28163, по вопросу о привлеченіи священно-церковно-служителей епархіальнаго вѣдомства къ установленнымъ въ пользу казны закономъ 9 іюня 1873 г. (стг. 317—331 Уст. о пошл. т. V Св. Зак., изд. 1903 г.), вычетамъ изъ получаемаго ими содержанія при опредѣленіи на священно-церковно-служительскія вакансіи и перемѣщеніяхъ съ низшаго на высшій окладъ жалованья. Приказалъ: Принимая во вниманіе, что на основаніи опредѣленія Правительствующаго Се-

ната, отъ 15 сентября 1878 г. 19 января 1879 г. (Собр. Узак. и Распоряж. Прав. 1879 г. № 56 ст. 254) священно-церковно-служители епархіального вѣдомства, вмѣющіе право на выслугу, согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 3 іюня 1902 г. Уставу, пенсій изъ суммъ Государственнаго Казначейства, должны подлежать, на общемъ основаніи, сбору пѣ пользу казны за увеличеніе и назначеніе вновь казеннаго содержанія, а съ другой стороны вмѣя въ виду, что невазысканный съ священно-церковно-служителей до дня рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Кнзя Алексѣя Николаевича, т. е. до 30 іюля 1904 г., означенный сборъ подлежитъ нынѣ сложенію сполна по свлѣ ст. XIII Всемилоствѣйшаго Манифеста 11 августа 1904 г., Святейшій Синодъ, согласно отзывамъ Министра Финансовъ и Государственнаго Контролера и настоящему предложенію, опредѣляетъ: предписать Епархіальнымъ Начальствамъ, чтобы къ священно-церковно-служителямъ епархіального вѣдомства, пользующимся правомъ на выслугу пенсій изъ суммъ Государственнаго Казначейства, были примѣняемы стт. 317—331 Уст. о пошлнн., т. V Св. Закон., изд. 1903 г.; при чемъ вычеты въ пользу казны изъ казеннаго содержанія таковыхъ священно-церковно-служителей должны быть нынѣ же начаты производствомъ со всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ вновь назначено или увеличено содержаніе изъ казны послѣ 30 іюля 1904 г.; о чемъ, для исполненія по духовному вѣдомству, послать Епархіальнымъ Преосвященнымъ печатные циркулярные указы. декабря 15 дня 1904 г.

### Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Харьковская Духовная Консисторіи, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 17 января сего года, сообщаетъ росписаніе поѣздки Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера по епархіи въ 1905 году съ января по май мѣсяць.

(ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ РОСПИСАНІЕ).

Январь. *Валковскій уѣздъ*: гор. Валки.

Февраль. *Купянскій уѣздъ*: Кременное, Пристѣвъ, Моночиновка, Старовѣровка, Ново-Николаевка и Ново-Александровка.

Мартъ. *Валковскій уѣздъ*: Огульцы съ хут. Шарымъ и д. Пугачевкой, Ковяги, Кантакузово съ д. Николаевкой, Дорошеевка, Калленниково и Коломакъ.

Апрѣль. *Волчанскій уѣздъ*: Бол. Бабка, хут. Гремячій, Пятниц-  
вая, Печенѣвъ, Вурлуцкое, Юрченково, Великое и Василенково.

Май. *Ахтырскій уѣздъ*: Ахтырка, Каменка, Тростянецъ; *Бого-  
духовскій уѣздъ*: Яблочное; *Харьковскій уѣздъ*: Синолицовка и  
Ольшавы.

## Епархіальныя извѣщенія.

### 1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Священникъ Полтавской епархіи Николай *Кротковъ* опредѣленъ 11 января н. г. на священническое мѣсто при церкви слоб. Нижней Псаровки, Волчанскаго уѣзда.

б) Возмѣстный священникъ Григорій *Макушинъ* опредѣленъ 11 января н. г. на священ. мѣсто при Покровской церкви, гор. Подригаилова, Лебединскаго уѣзда.

в) Настоятель Александро-Невской церкви, города Севастополя, протоіерей Димитрій *Говоровъ* опредѣленъ 11 января на священн. мѣсто при Харьковской Петро-Павловской церкви.

г) Діаконъ церкви слоб. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда Іоаннъ *Евѣи-  
мовъ* опредѣленъ 4 января н. г. на священн. мѣсто при церкви сл. Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда.

д) Безмѣстный священ. Николай *Антоновъ* опредѣленъ 15 января на священ. мѣсто при церкви села Груши, Лебединскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ церкви села Удѣ, Харьковскаго уѣзда, Гавріилъ *Стефановскій* опредѣленъ 11 января на діаконское мѣсто при Сошествіевской церкви, сл. Сватовой Лучки, Купянскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ Тимофей *Чубаръ* опредѣленъ 20 января н. г. псаломщика къ церкви сл. Терешковки, Сумскаго уѣзда.

з) Кандидатъ на класснаго чпновника Іуда *Антоньевъ* опредѣленъ н. г. псаломщика къ церкви села Мпиковки, Валковскаго уѣзда.

и) Мѣщанинъ Гавріилъ *Клименко* опредѣленъ н. г. псаломщика 21 января н. г. къ Успенской церкви, села Гудимовки, Лебединскаго уѣзда.

### 2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ Богодуховскаго Успенскаго собора Димитрій *Владыковъ* перемѣщенъ 11 января къ Преображенской церкви, гор. Ахтырки.

б) Священникъ Богодуховской Покровской церкви Григорій *Ступничскій* перемѣщенъ 11 января на священ. мѣсто къ Богодуховскому Собору.

в) Священникъ Изюмской Крестовоздвиженской церкви Андрей *Жада-  
новскій* перемѣщенъ 12 января къ Харьковской Свято-Духовской церкви.

г) Священникъ Архангело-Михаиловской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Митрофанъ *Смирнскій* перемѣщенъ 19 января на священн. мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Кременной, Купянскаго уѣзда.

д) Священникъ Спасекой церкви Стрѣлецкаго конскаго завода, Старо-

бѣльскаго уѣзда, Димитрій *Люминарскій* перемѣщенъ 24 января н. г. на 2-е священническое мѣсто при Петро-Павловской церкви, слоб. Павловка, Старобѣльскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ церкви сл. Смородьковка, Купянскаго уѣзда, перемѣщенъ 11 января на псаломщ. мѣсто при Харьковской Озерянской церкви.

е) Псаломщикъ церкви с. Карасовки, Харьковскаго уѣзда, Константинъ *Михаиловскій* перемѣщенъ 17 января на псаломщ. мѣсто при церкви с. Удѣ, того же уѣзда.

ж) И. д. псаломщика Успенской церкви, сл. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда Иванъ *Войтовъ* перемѣщенъ 19 января на псаломщ. мѣсто при церкви села Червленнаго, Лобединскаго уѣзда.

### 3. О смерти духовенства.

а) Діаконъ Вознесенской церкви, сл. Ново-Красной, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Христіановскій* умеръ 6 января н. г.

б) Діаконъ Покровской церкви, сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, Николай *Стдиковъ* умеръ 8 января н. г.

в) Псаломщикъ села Борщеваго, Харьковскаго уѣзда, Николай *Заграфскій* умеръ 6 января сего года.

г) Священникъ церкви села Групи, Лебединскаго уѣзда, Θεодоръ *Хорошковъ* умеръ 6 января н. г.

### 4. Объ увольненіи за штатъ.

а) Протоіерей Троицкой церкви, сл. Кременной Купянскаго уѣзда, Евгений *Квитницкій* уволенъ за штатъ 19 января н. г.

### 5. Объ утвержденіи церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Хотѣп, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Гаврыленко* утвержденъ 15 января н. г. старостою.

б) Къ церкви слоб. Писаревки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 15 января старостою крестьянинъ Андрей *Бѣловодскій*

в) Къ церкви села Васовки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 15 января старостою крестьянинъ Василій *Вубненко*.

г) Къ Георгіевской церкви, сл. Варвеновой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 17 января старостою потомств. поч. гражданинъ Θεодоръ *Ищенко*.

д) Къ церкви сл. Лозовеньки, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 17 января старостою кр. Опшениъ *Дурневъ*.

е) Къ Рождество Богородичной церкви, сл. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 17 января старостою кр. Емельянъ *Куликъ*.

ж) Къ церкви с. Мезеновки, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 17 января старостою кр. Семенъ *Подойма*.

### 6. Объ утвержденіи законоучителей.

а) Священникъ церкви сл. Артѣмьевки, Волчанскаго уѣзда, Владиміръ *Поповъ* утвержденъ 5-го января законоучителемъ мѣстнаго пароднаго училища.

б) Священникъ церкви Харьковскаго Благотворительнаго общества Николай *Шосте* 11 января утвержденъ законоучителемъ въ женской школѣ Благотворительнаго общества.

в) Священникъ церкви сл. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда, *Василій Браиловскій* 10 января утвержденъ законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

г. Священникъ с. Камышоватаго, Валковскаго уѣзда, *Іоаннъ Закричкій* утвержденъ 14 января законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

д) Священникъ Старобѣльскаго собора *Макарій Митуллинъ* утвержденъ 14 января н. г. законоучителемъ частнаго женскаго народнаго училища.

е) Священникъ церкви сл. Баранковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Протопоповъ* утвержденъ 17-го января законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

### 7. О присоединеніи къ православію.

Крестьянинъ слоб. Зарожной, Зміевского уѣзда *Сисой Лукинъ Халинъ* раскольникъ безноповскаго толка присоединить къ православію чрезъ св. миропомазаніе 9 января н. г. священникомъ слоб. Зарожной *Іоанномъ Василевскимъ*.

### 8. Вакантныя мѣста.

#### а) священническія.

При Покровской церкви, сл. Лашиновки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Соборной Покровской церкви, гор. Старобѣльска.

— Николаевской церкви, сл. Николаевки 1-й, Волчанскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской церкви, сл. Павловкъ, Сумскаго уѣзда.

— Харьковской Благовѣщенской церкви.

— Харьковской Озерянской церкви.

— Харьковской Воскресенской церкви.

— Петро-Павловской церкви, гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской церкви, сл. Райгородка, Изюмск. уѣзда.

— Сергіевской церкви при Харьковской 2-й мужской гимназій.

— Покровской церкви, гор. Богодухова.

— Крестовоздвиженской церкви гор. Изюма.

— Архангело Михайловской церкви, гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

— Александро-Невской церкви, сл. Александровки, Валковскаго уѣзда.

— Спасской церкви Стрѣлецкаго конск. завода, Старобѣльскаго уѣзда.

#### б) Діаконскія.

При Вознесенской церкви, сл. Ново-Красной, Кунявскаго уѣзда.

— Спасской церкви, сл. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.

— Покровской церкви, сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.

#### в) Псаломщицкія:

При Григорьевской церкви, сл. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда.

— Харьковской Институтской Маріи Магдалин. церкви.

— Харьковской Воскресенской церкви.

— Харьковской Димитріевской церкви.

— Харьковской Преображенской церкви.

— Харьковской Благовѣщенской церкви.

— Харьковской Усѣкинен. кладбищенской церкви.

- При Преображенской церкви, сл. Преображенской, Зміевского уѣзда.  
 — Харьковской Рождество-Богородичной церкви.  
 — Воскресенской церкви, сл. Коломака, Валковского уѣзда.  
 — Троицкой церкви, с. Корбпныхъ Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда.  
 — Покровской церкви, сл. Смородьковки, Купянскаго уѣзда.  
 — Тихоновской церкви, с. Борщоваго, Харьковскаго уѣзда.  
 — Покровской церкви, с. Карасовки, Харьковскаго уѣзда.  
 — Успенской церкви, сл. Латвиовки, Старобѣльскаго уѣзда.

## II.

Содержаніе. II. Посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода возлюбленнымъ чадамъ Св. Православной Всероссійской Церкви.—По поводу событій, переживаемыхъ Россіей, и посланія Святѣйшаго Синода къ православнымъ русскимъ людямъ. *Л. Б—ва.*—Истинный и ложный либерализмъ и консерватизмъ. *Свящ. Д. Ромашкова*—Медицина въ деревнѣ. *Свящ. Н. Кротско.*—Кто имѣетъ право на посвященіе въ стихарь?—Епархіальная хроника. Обнародованіе посланія Святѣйшаго Синода.—Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Арсеіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, гимназій Д. Д. Оболенской.—Возобновленіе духовно-нравственныхъ чтеній.—Памяти священника Ѳ. І. Хорошкова, † 6 января 1905 г.—Иноепархіальный отдѣлъ. Объ участіи прихожанъ въ церковно-приходскомъ управленіи.—Церковныя бібліотеки, какъ мѣра для поднятія религіозно-нравственнаго состоянія народа—Разныя извѣстія и замѣтки. Правительственное сообщеніе —Объявленія.

## БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

## Святѣйшій Правительствующій Синодъ

возлюбленнымъ чадамъ святой Православной Всероссійской Церкви.

*Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Святаго Духа буди со всеми вами.*

Великимъ бѣдствіемъ посѣтилъ Господь наше дорогое Отечество. Вотъ уже скоро годъ, какъ Россія ведетъ съ язычниками кровопролитную войну за свое историческое призваніе насадительницы христіанскаго просвѣщенія на Дальнемъ Востоцѣ, за честь и достоинство, поруганныя неожиданно-дерзкимъ нападеніемъ врага. Какъ ни отклонялъ отъ Себя эту войну исполненный миролюбія Благочестивѣйшій Государь нашъ, но война была навязана Россіи. Тяжкое испытаніе Божіе надлежало бы принять всѣмъ, съ сознаниемъ своихъ грѣховъ, съ чувствомъ покаянія, въ смиреніи предъ неисповѣ-

димыми путями Промысла Божія о Россіи. Но многіе, въ своей гордости и самонадѣянности, думали легко и скоро побѣдить врага.

И вотъ начинаются тягчайшія испытанія нашей вѣры, нашего смиренія.

Христолюбивое воинство наше явило міру чудеса и храбрости и терпѣнія въ отдаленной и чуждой странѣ. Не взирая на доблесть героевъ защитниковъ, пала твердыня наша на Дальнемъ Востокѣ—крѣпость Портъ-Артуръ и, по волѣ Божіей, не настала еще конецъ борьбы, на которую должны быть собраны всѣ народныя силы.

Въ столь тяжкомъ испытаніи, постигшемъ возлюбленное наше Отечество, всѣ сыны его, отъ мала до велика, отъ вельможи до простолюдина, должны бы явить горячую вѣру въ Бога, излить пламенныя молитвы ко Господу, омыть грѣхи свои слезами покаянія, единодушно встать на защиту Вѣры, Царя и Отечества, принявъ, по слову святаго апостола, *всеоружіе Божіе, дабы противостать въ день злый и, все преодолевъ, устоять* (Ефес. VI, 13). Но вотъ, новое испытаніе Божіе, горе—горшее перваго постигло наше возлюбленное Отечество.

Въ столицѣ и другихъ городахъ Россіи начались стачки рабочихъ и уличные беспорядки. Люди русскіе, искони православные, отъ дѣтъ древнихъ навыкшіе стоять за Вѣру, Царя и Отечество, подстрекаемые людьми злонамѣренными, врагами Отечества, домашними и иноземными, десятками тысячъ побросали свои мирныя занятія, рѣшились скопомъ и насильемъ добиваться своихъ будто бы поправныхъ правъ, причинили множество безпокойствъ и волненій мирнымъ жителямъ, многихъ оставили безъ куска хлѣба, а иныхъ изъ своихъ собратій привели къ напрасной смерти, безъ покаянія, съ озлобленіемъ въ сердцѣ, съ хулою и бранью на устахъ. Преступные подстрекатели простыхъ рабочихъ людей, имѣя въ своей средѣ недостойнаго священнослужителя, дерзновенно поправшаго святыя обѣты и нынѣ подлежащаго суду Церкви, не устыдились дать въ руки обманутымъ ими рабочимъ насильственно взятые изъ часовни честный крестъ, святыя иконы и хоругви, дабы, подъ охраною чтимыхъ вѣрующими святынь, вѣрнѣе вести ихъ къ беспорядку, а иныхъ и на гибель. Всего прискорбнѣе, что происшедшіе беспорядки вызваны и подкупамъ со стороны

враговъ Россіи и всякаго порядка общественнаго. Значительныя средства присланы ими, дабы произвести у насъ междоусобицу, дабы отвлеченіемъ рабочихъ отъ труда помѣшать своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, затруднить снабженіе дѣйствующей арміи всѣми необходимыми для нея припасами и тѣмъ навлечь на Россію неисчислимыя бѣдствія. Врагамъ нашимъ нужно распатать твердыни наши—вѣру православную и самодержавную власть Царскую. Ими Россія жива, на нихъ возросла и окрѣпла и безъ нихъ погибнетъ.

О, горе великое! Люди русскіе, христіане православные встаютъ противъ законной власти, враждуютъ другъ противъ друга, въ то время, какъ ихъ братья сражаются на Дальнемъ Востокѣ, въ то время, когда Государь нашъ и Государыни Императрицы неусыпно заботятся объ облегченіи тяжкой доли больныхъ и раненыхъ воиновъ, пострадавшихъ за славу Родины... Подумайте, возлюбленные братія, какое тяжкое горе причиняется симъ Вѣнценосному Вождю земли Русской, какая скорбь омрачить души нашихъ мужественныхъ воиновъ, когда они услышатъ о нестроеніяхъ внутри Отечества, въ самой столицѣ его,—какую силу дастъ наша рознь врагамъ нашимъ!

Но, воистину, не по беззаконіямъ нашимъ творить намъ Господь и не по грѣхамъ нашимъ воздаетъ намъ. Видимъ въ сихъ испытаніяхъ Божіихъ благодарную намъ Десницу Всевышняго. *Его-же бо любитъ Господь, наказуетъ.* Онъ, Премилосердный, наказуетъ насъ, дабы всѣ мы не погибли въ конецъ, но пришли къ покаянію.

Святѣйшій Синодъ, скорбя о пагубныхъ нестроеніяхъ въ современной жизни русскаго народа, именемъ Святой Матери—Церкви Православной умоляетъ всѣхъ чадъ ея: *Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Петр. I, 17) и *всякой власти отъ Бога поставленной, повинуйтесь* (Римл. XIII, 1).

Пастыри святой Православной Церкви! *Проповѣдуйте слово, настойте благовременно и безвременно, обличайте, запрещайте, умоляйте со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV, 2), и образы бывайте *вѣрнымъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12).

Власть имущіе! *Ищите правды, спасайте унетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову.* (Ис. I, 16—17).

Богатые! *Не уповайте на богатство неустойное, но на Бога живаго, благотельствуйте, богатѣйте добрыми дѣлами, щедростью и милосердіемъ* (1 Тим. VI, 17).

Труженики земли Русской, люди рабочіе! Трудитесь по заповѣди Господней въ потѣ лица своего, памятуя, что петрудящійся недостоинъ и пропитанія. Берегитесь вашихъ ложныхъ совѣтниковъ, подъ видомъ радѣнія о вашихъ нуждахъ и пользахъ добывающихся безпорядка, лишаящихъ васъ крова и пропитанія. Они суть пособники или наемники злого врага, ищущаго разоренія земли Русской.

Возлюбленные о Господѣ чада Святой Православной Всероссийской Церкви! Святѣйшій Синодъ, уповая, что вы запечатлѣете въ сердцахъ вашихъ преноданное нынѣ слово праваго ученія, призываетъ на васъ апостольское благословеніе:

*Милость вамъ и миръ и любовь да умножатся* (Гуд. I, 2).

Смиренный А н т о н і й, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладужскій.

Смиренный В л а д и м і р ъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Смиренный Ф л а в і а н ъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Смиренный Н и к о л а й, Архіепископъ Финляндскій и Выборгскій.

Смиренный К л и м е н т ъ, Епископъ Вянцкій.

С.-Петербургъ.

14 января 1905 года.

## По поводу событій, переживаемыхъ Россіей, и посланія Святѣйшаго Синода православнымъ русскимъ людямъ.

Привѣтствуя нашихъ читателей съ наступившимъ новолѣтіемъ, позволимъ себѣ въ настоящей разъ остановить ихъ вниманіе на событіяхъ, переживаемыхъ Россіей, и на посланіи Св. Синода православнымъ русскимъ людямъ.

Старый годъ оставилъ новому жестокое наслѣдство... На Дальнемъ Востокѣ продолжаетъ литься потоками русская кровь. Война разгорается все болѣе и болѣе... Пальь подъ силою неприятельскихъ ударовъ многострадаельный Портъ-Артуръ... Но

не въ этомъ только состоитъ тяжелое наслѣдство минувшаго года. Онъ посѣялъ, начиная отъ столицъ, въ нѣкоторой части нашего общества, общественную смуту. Такимъ настроеніемъ хотѣли воспользоваться творцы смуты. Обманувъ несчастныхъ рабочихъ, организаторы смуты надѣялись при ихъ помощи расшатать наши твердыни—православную вѣру и самодержавную власть Царскую. Взявъ на себя самозванво представительство отъ народа, организаторы смуты, во главѣ забастовавшей толпы, рѣшили предъявить „дерзкія требованія политическаго свойства„... Къ великому прискорбію, однимъ изъ такихъ зачинщиковъ, нигилистовъ, былъ Г. Гапонъ, носившій священный санъ!.. „О, если бы, говоритъ Преосвященный Сергій, Епископъ Ямбургскій, не было этого дня (9-го янв.) въ нашей исторіи!.. Толпы рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, съ женами и дѣтьми, съ крестнымъ ходомъ самовольно пошли ко дворцу,—къ Государю, для предъявленія своихъ незаконныхъ требованій. На улицахъ столицы пачалась братоубійственная распря и полилась кровь виновныхъ и невиновныхъ. По рассказамъ, есть убитыя дѣти, есть женщины, есть простые зрители, совершенно случайно попавшіе подъ зарядъ... Плачетъ теперь наша столица, какъ древняя Рахиль, о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ“... „Сонъ это, или дѣйствительность?“ взываетъ другой Архипастырь (Преосвященный Николай, Епископъ Симферопольскій) по поводу этой смуты.—„Русь святая? Твои-ли это дѣти?!“...

Въ указанныхъ и имъ подобныхъ событіяхъ видится несомнѣнно наказаніе Божіе. Развѣ не наказаніе лишиться оплота русской мощи на Дальнемъ Востоке?! Развѣ не наказаніе—лишиться доблестныхъ воиновъ, защищающихъ отечество?! Развѣ не испытаніе—слышать стонъ несчастныхъ, обманутыхъ рабочихъ и видѣть ихъ кровь, обгаряющую родную землю?!.. Явно, что надъ нами тяготѣетъ гнѣвъ Божій за упадокъ въ насъ вѣры и благочестія...

Но да не смущается сердце наше...

*„Аще послушаете Господа Бога вашего, говоритъ Слово Божіе, дастъ тя Господь Богъ твой вышше всякъ языкъ земли... и предастъ тебѣ Господь враги твои сопротивляющыя тебѣ, сокрушены предъ лицемъ твоимъ: путемъ единымъ изыдутъ на тя, и седмю путыи побѣжатъ отъ лица твоего... И узрятъ*

тя вси языцы земнии, яко имя Господа Бога твоего призвася на ты, и убоятся тебѣ" (Втор. 28, 1—2, 8, 10). Таковы слова обѣтованій Господнихъ, изреченныя богоизбранному народу устами пр. Моисея! Эти обѣтованія нужно твердо помнить и новому Израилю—русскому народу. Послушаніе Господу, исполненіе Его святыхъ заповѣдей, исправленіе жизни, возгрѣваніе въ себѣ религіознаго чувства явятся несомнѣннымъ залогомъ одолѣнія и настоящихъ враговъ Креста Господня... „Въ настоящее время, скажемъ словами Высокопреосвященнаго нашего Архипастыря Арсенія, слѣдуетъ не только желать, но и просить Бога, плакать и молиться и всѣми силами стремиться, чтобы сохранилась въ насъ св. вѣра, возгорѣлось религіозное чувство, исправилась жизнь наша,—и чтобы мы содѣлались благочестивыми и правственными“...

Не нужно забывать и уроковъ Русской исторіи... На пространствахъ множества вѣковъ—Россіи приходилось подвергаться не менѣе тяжкимъ ужасамъ, чѣмъ какіе представляетъ настоящая война. Вспомнимъ, напр., войну съ Татарскою Казанью, окончившуюся при помощи Божіей и единеніи нашихъ предковъ славною для Россіи Куликовскою битвою... Вспомнимъ ту ужасную эпоху, которая донинѣ зовется „Смутнымъ временемъ“. Государственный порядокъ былъ распатанъ тогда весьма сильно. Русская земля наводнилась разными политическими отщепенцами. Но Богъ не отступилъ отъ нея: государство было спасено избраніемъ на Престолъ Дома Романовыхъ... Въ началѣ XVIII в., далѣе, когда Карлъ XII двинулся на Россію, послѣдняя пришла въ такое состояніе, что народъ сталъ думать о послѣднихъ временахъ и кончинѣ міра. Экономическое истощеніе Россіи осложнялось тогда еще возстаніемъ противъ Петра Великаго измѣнника Мазепы. Но Господь Вседержитель, по молитвамъ истыхъ русскихъ людей, спасъ Россію, даровавъ русскимъ славную Полтавскую побѣду... Вспомнимъ, наконецъ, 1812 г., когда пятисотъ-тысячная французская армія вторглась въ Россію, разоряя деревни, села и города. Москва горѣла и превращалась въ груды пепла. Жители бѣжали кто куда могъ... Но и въ это время Господь не отступилъ отъ земли русской и не предалъ ее совершенному униженію. „Москва горѣла, говорилъ незабвенный герой Кор-

ниловъ, а Русь отъ этого не погибла, напротивъ стала сильнѣе!“... Будемъ твердо надѣяться, что Всевышній, владѣющій временами и лѣтами, не оставитъ Россію и въ настоящее тяжелое для нея время и видя ея искреннее раскаяніе во грѣхахъ, не предастъ ее въ руки язычниковъ-японцевъ!...

Съ надеждой на милосердіе Божіе Русскій народъ долженъ соединять и трезвый взглядъ на положеніе и нужды своей страны. Съ вдумчивостью и серьезностью каждый истинно русскій человѣкъ долженъ относиться теперь къ разнымъ „политиканамъ“ и ограждать себя отъ разставляемыхъ ими сѣтей... Если же онъ хотя на минуту не станетъ парализировать бредни, распускаемыя разными врагами Россіи, то послѣдней грозятъ величайшія страданія: ее ждетъ участь древняго Рима, павшаго подъ раздорами состоятельныхъ классовъ населенія...

Конечно, могутъ быть и у насъ недочеты въ отношеніи удовлетворенія тѣхъ или иныхъ потребностей страны, но это отнюдь не говоритъ противъ вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, поколебать которые стремятся враги Россіи. „У насъ, говоритъ почтенный профес. А. Вязигинъ, хотятъ непремѣнно сломать выстроенный тысячелѣтней работой предковъ домъ и воздвигнуть на его мѣсто англійскій коттеджъ или французскую виллу, забывая о нашихъ морозахъ! Безспорно, домъ нуждается въ починкѣ; кое гдѣ онъ осѣлъ; окна малы; развелись назойливые сверчки, крысы и мыши истребляютъ припасы; паразиты расползаются по всѣмъ комнатамъ. Но вѣдь можно пустить больше свѣта и воздуха, можно освободить заброшенные покои отъ разнаго сора и нечисти, не сламывая зданія, дававшего надежную защиту отъ многочисленныхъ историческихъ бурь и непогодъ. Вдобавокъ, надо спросить всѣхъ жильцовъ, желаютъ ли они очутиться подъ открытымъ небомъ, хотя бы „весною“, согласны ли они оставаться безъ крова, до тѣхъ поръ пока разрушители рѣшатъ, какой стиль лучше—конституціонный, республиканскій или анархическій! Всѣ переживаемыя событія, продолжаетъ тотъ же профессоръ—патріотъ, наглядно показываютъ, что самозваные вожаки русскаго народа не дали себѣ даже надлежащаго отчета въ своихъ стремленіяхъ, что они гоняются за

пышными словами и непригодными учрежденіями, забывая о необходимости и спасительности производительнаго труда, который одинъ только вывелъ изъ варварства культурное чело-вѣчество и способенъ стяжать ему относительное, возможное на землѣ благополучіе“<sup>1)</sup> ... Встрѣчающіеся же упомянутые недочеты хорошо извѣстны Правительству и прежде всего нашему возлюбленному Монарху.

Знаменательнымъ актомъ, направленнымъ къ исправленію этихъ недочетовъ, является вышеприведенный Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату отъ 12 дек. 1904 г. Этотъ высокогуманный актъ указываетъ основанія для цѣлаго ряда „предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій“, направленныхъ къ „истинному преуспѣянію Родины, поддержанію государственнаго спокойствія и непрерывному удовлетворенію насущныхъ нуждъ народныхъ“. Разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь Высочайшихъ намѣреній поручено людямъ умудреннымъ знаніями и опытомъ и можно быть вполне увѣреннымъ, что ихъ обсужденію, имѣющія быть представленными послѣ на благовоззрѣніе и окончательное разрѣшеніе Государя, со всею полнотою отразятъ въ себѣ объявленную въ названномъ Указѣ Высочайшую Волю... На всѣхъ истинно Русскихъ этотъ Указъ налагаетъ нравственную обязанность всецѣло пребывать неизмѣнно покорными и вѣрными гражданскому долгу и „по совѣсти“, „по божьему“, положивъ въ основу жизни завѣты Христова ученія, исполнять свои обязанности... Правильный ходъ внутренней жизни, общественное спокойствіе могутъ, конечно, ускорить надлежащее выполненіе предначертаній названнаго Указа...

Къ добросовѣстному исполненію долга призываетъ всѣхъ православныхъ людей и посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 14 янв. с. г. Изъ посланія явствуетъ, что только при повиновеніи властямъ, отъ Бога поставленнымъ, и выполненіи всѣми своихъ прямыхъ обязанностей и возможно столь необходимое для всѣхъ благополучіе. Наоборотъ, неповиновеніе властямъ и нарушеніе своихъ прямыхъ обязанностей

<sup>1)</sup> „Миръ. Трудъ“. 1905 г. Янв., стр. 18 и сл.

влекутъ за собою нестроенія въ современной жизни русскаго народа... Посланіе открыто заявляетъ далѣе, что бывшій въ средѣ подстрекателей священникъ пересыльной тюрьмы Г. Гапонъ является „недостойнымъ священнослужителемъ, дерзновенно поправшимъ святыя обѣты“ и подлежитъ суду Церкви. Что же касается, наконецъ, до „чтимыхъ вѣрующими святынь, подъ охраною которыхъ вожаки вели рабочихъ на безпорядки“, то по заявленію Св. Синода эти святыни были взяты изъ часовни насильственно, безъ согласія духовной власти.. Таковъ взглядъ Св. Синода на безразсудный проступокъ Г. Гапона и его единомышленниковъ, успѣвшихъ вкратъ въ довѣріе къ рабочимъ и стремившихся при помощи послѣднихъ достигать своихъ цѣлей!..

Да падетъ же позоръ на всѣхъ, кто нынѣ, вольною волею или по оплошности, сѣетъ смуты въ Россійскомъ государствѣ, да будетъ позоръ и тѣмъ, кто не тичится правдою слова и дѣла ограждать спасительность древняго уклада роднаго царства и „заграждать уста пустословамъ и обманщикамъ, учащимъ, чему не должно, изъ постыдной корысти“ (Тим. 1, 10—11)!..

Для *добрыхъ* пастырей Церкви текуція военныя событія и разрушительная работа недруговъ Россіи, сѣющихъ внутреннюю смуту, открываютъ благородное поле дѣятельности... Приходское духовенство искони живетъ одною жизнью съ народомъ: теперь оно должно особенно изощрить свои духовныя мечи и облечься во всѣ доспѣхи для защиты своихъ словесныхъ овецъ отъ неразумныхъ увлеченій. Оно, какъ думаемъ мы, благоразумно и благожелательно должно развивать предъ своими прихожанами тѣ мысли, которыя внушаетъ въ нихъ вышеприведенныя слова Св. Синода... Выѣстъ съ этимъ оно должно призывать русскій народъ къ раскаянію во грѣхахъ, за которые Провидѣніе Божіе ниспослало намъ войну съ язычниками, вразумлять неблагомыслящихъ и вообще, какъ и всегда, служить могучимъ оплотомъ Церкви и Государства...

Господи, спаси Царя, спаси Россію; не прогнѣвайся на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ!..

Л. М. Б.

## Истинный и ложный консерватизмъ и либерализмъ.

Смутное время переживаетъ нынѣ наше отечество, время броженія умовъ и сердець человѣческихъ. Тогда какъ Россія, вотъ уже одиннадцатый мѣсяць, ведетъ войну съ Японіей на Дальнемъ Востокѣ, войну жестокою и упорною, какой давно не было у насъ, внутри ея заявляетъ о себѣ смута пока еще только въ мысляхъ, на словахъ и въ печати, а частію и въ дѣйствіяхъ—уличныхъ беспорядкахъ, и касается весьма важныхъ вопросовъ—политическихъ.

По поводу поднятыхъ въ послѣднее время этихъ вопросовъ высказались, кажется, представители всѣхъ сословій русскаго народа. На страницахъ повременныхъ изданій печати можно встрѣтить различныя имена, принадлежащія къ разнымъ званіямъ: и къ дворянству, и къ мѣщанству, и къ крестьянству. Но у насъ есть еще одно сословіе, именно сословіе духовенства, которое играетъ весьма важную роль среди всѣхъ остальныхъ сословій русскихъ. Почему же, спросимъ, это сословіе молчитъ и не подаетъ своего голоса? Да потому, какъ намъ думается, что вопросы-то самыя, которые поднимаются теперь и рѣшаются повременною печатію, давно уже рѣшены самою жизнію и составляютъ неотъемлемое достояніе русскаго народа. Для того, чтобы видѣть рѣшеніе вышеупомянутыхъ вопросовъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ, а не въ ложномъ, въ какомъ старается представить ихъ нашему народу извѣстная часть общества подъ именемъ либераловъ, для этого нужно обратиться къ забытому нами источнику истиннаго вѣдѣнія—Слову Божію. Въ немъ—этомъ Словѣ Божіемъ—мы увидимъ, какъ въ зеркалѣ, отображеніе нашей современной русской жизни во всѣхъ ея достоинствахъ и недостаткахъ. Но, прежде чѣмъ это сдѣлать, остановимъ вниманіе свое на томъ раздѣленіи русскаго народа на двѣ партіи консерваторовъ и либераловъ, какое встрѣчается въ немъ издавна и какое въ особенности рѣзко выдѣляется въ настоящее время.

Партіи консервативная и либеральная: что—это такое? Откуда происходитъ самое понятіе консерваторовъ и либераловъ? Слова эти, какъ извѣстно, иностраннаго происхожденія.

На латинскомъ языкѣ глаголь *conservo* значить: охраняю, наблюдаю, и человекъ называющійся такимъ именемъ, т. е., консерваторъ, значить тотъ, кто наблюдаетъ и охраняетъ вокругъ себя свойственный и общественный долгъ, начиная, конечно, съ самого себя. Другое слово *liber* на томъ же языкѣ означаетъ человекъ свободнаго, т. е., свободнаго въ смыслѣ гражданскомъ, свободнаго отъ рабства внѣшняго, свободнаго отъ узъ цѣпей, какими связанъ былъ въ древности человекъ рабскаго происхожденія. Какъ же понимать теперь эти два слова: *консерваторъ* и *либераль* въ примѣненіи ихъ къ тѣмъ противоположнымъ между собою по взгляду и направленію двумъ партіямъ русскаго народа, о которыхъ мы упомянули сейчасъ? Очевидно, понятіе ихъ должно быть не такое, какое усвоилось имъ въ древности и какое усвоется имъ теперь современнымъ русскими людьми. Что же такое на самомъ дѣлѣ консерваторъ и либераль? .

Консерваторъ въ христіанскомъ смыслѣ, — это, по нашему мнѣнію, такой человекъ, который зорко наблюдаетъ, прежде всего, за самимъ собою, за своимъ не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ или душевнымъ состояніемъ, который, затѣмъ, тщательно охраняетъ посѣянныя въ немъ духовныя сѣмена отъ поползновенія на нихъ другихъ людей, злыхъ по природѣ и недоброжелательныхъ. Еслибы въ томъ или иномъ человекѣ не было такого именно зоркаго наблюденія и тщательнаго охраненія относительно его собственной духовной природы, то мы, конечно, никоимъ образомъ не присвоили бы ему названія консерватора. Таковъ есть и долженъ быть *христіанинъ-консерваторъ*.

Но каждый изъ насъ — русскихъ является не христіаниномъ только, но и гражданиномъ своего отечества. Понятіе гражданина-консерватора становится гораздо шире, нежели понятіе христіанина-консерватора. Тогда какъ послѣдній наблюдаетъ только за собою и охраняетъ только въ себѣ все лучшее и совершеннѣйшее, первый, какъ мы видимъ, наблюдаетъ за своими соотечественниками, охраняетъ не себя только, не свою собственную только жизнь, а и жизнь другихъ людей, окружающихъ его, охраняетъ интересы и устои самаго

отечества,—охраняетъ это отечество отъ всякихъ злокозвенныхъ посягательствъ на его спокойствіе и цѣлость. Вотъ кто гражданинъ-консерваторъ.

Либеральный же человѣкъ въ христіанскомъ смыслѣ,—это такой человѣкъ, который свободенъ прежде всего не въ гражданскомъ отношеніи, а въ нравственно-духовномъ, т. е., свободенъ отъ страстей и пороковъ и, вообще, отъ всякаго зла, въ которомъ лежитъ мръ Человѣческой (1 Іоан. V, 19). Далѣе, либеральнымъ человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, должно назвать того, кто не только самъ свободенъ отъ всѣхъ, указанныхъ нами, недостатковъ, но и другихъ старается освободить по-сильнымъ образомъ. Отсюда ясно, что между этими двумя разрядами людей нѣтъ и не можетъ быть никакой противоположности и раздѣленія, тѣмъ болѣе, вражды и ненависти. Скажемъ больше: истинный консерваторъ является всегда человѣкомъ либеральнымъ. Т. е., иначе говоря, человѣкъ, взявшійся за наблюденіе и охраненіе себя, въ цѣляхъ возвышенія своего собственнаго міровоззрѣнія, и другихъ людей, въ цѣляхъ упроченія общаго благополучія, непремѣнно долженъ быть свободнымъ отъ мірового зла, свободнымъ не по волѣ, слабой и немощной, падающей и увлекающейся, а, по крайней мѣрѣ, свободнымъ по совѣсти и убѣжденію, по мыслямъ и словамъ, высказываемымъ имъ. И наоборотъ: истинный либераль является всегда человѣкомъ консервативнаго направленія. Т. е. онъ есть человѣкъ, освободившійся совсѣмъ или же старающійся изо всѣхъ силъ освободиться отъ узъ страстей и пороковъ, дѣлающихъ его духовнымъ рабомъ и плѣнникомъ (Іоан. VIII, 34; Рим. VI, 20, 22), бываетъ въ то же время наблюдательнымъ и охранительнымъ лицомъ, какъ по части своего собственнаго духовнаго міра, такъ и по части духовнаго міра другихъ людей, составляющихъ въ совокупности цѣлое общество и государство.

Если же два, разобранныя нами, понятія консерваторовъ и либераловъ такъ близки между собою и схожи: то откуда же, спросимъ, возникла борьба между ними? Отвѣчаемъ: отъ неяснаго представленія нами этихъ словъ и отъ ложнаго взгляда, укоренившагося среди насъ на эти два направленія русской

жизни, сдѣлавшихъ изъ нихъ какъ бы два враждебныхъ лагеря среди одного и того же воинства. Для того, чтобы примирить и соединить между собою эти два, повидимому, противоположныя направленія современныхъ русскихъ людей (консерваторовъ и либераловъ), нужно знать, конечно, ясно и опредѣленно тѣ охранительныя и оберегательныя начала, которыя стараются защищать первые изъ нихъ, а также нужно знать въ сущности и тѣ начала, которыя имѣютъ въ виду люди другого, либеральнаго, направленія.

Всѣмъ намъ извѣстно, что къ вѣковѣчнымъ устоямъ русской жизни, на которыхъ зиждется она всецѣло, относятся: *Вѣра, Царь и Отечество*. Вѣру, Царя и Отечество охраняютъ теперь, въ военное время, наши доблестные воины, сражающіеся на Дальнемъ Востокѣ. За нихъ полагаютъ они тамъ много-страдальную свою жизнь. Ту же самую Вѣру, Царя и Отечество должны охранять, конечно, и всѣ граждане русской земли въ мирное время. За нихъ точно также они должны быть готовы всегда положить свою жизнь. Но что же такое представляютъ собою Вѣра, Царь и Отечество—эти священнѣйшія и драгоцѣннѣйшія начала для каждаго русскаго человѣка?

*Вѣра* разумѣется здѣсь не та, которую хотѣлъ бы реформировать совсѣмъ лженменный разумъ человѣческой и которая носить у большинства разномыслящихъ какой-то хаосъ религіозныхъ мыслей и чувствъ,—а та, которую принесъ съ неба на землю воплощенный Господь нашъ Іисусъ Христосъ—этотъ „Начальникъ и Совершитель вѣры“ (Евр. XII, 2) и которая содержится въ полнотѣ въ одной только православной Церкви Христовой—этой „богатой сокровищницѣ“ (св. Иринея „прот. ерес.“ кн. III, гл. 4) вѣры. Далѣе, подъ вѣрою разумѣется не сухое и отвлеченное только воспріятіе умомъ разныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ, усвояемыхъ изъ учебниковъ по Закону Божію во время школьнаго обученія, а и живое воспріятіе этихъ истинъ сердцемъ, чрезъ постоянное пополненіе ихъ и всегдашнее обнаруженіе ихъ въ практической жизни человѣка—христіанина и гражданина.

Второе начало, которое призваны охранять всѣ истинно-русскіе люди, это—*Царь, Православный, Самодержавный*.

Образъ царя земного въ нашемъ государствѣ взять съ образа Царя Небеснаго, такъ что кто противится власти царской и власти начальниковъ, отъ него поставленныхъ, тотъ „противится Божію установленію“ (Рим. XIII, 2). А кто покоряется „царю, какъ верховной власти“, и всякому вообще „человѣческому начальству“, тотъ покоряется „для Господа“ (1 Петр. II, 13). Какъ же должны охранять это начало русскіе граждане? Они должны охранять его молитвою вѣры, любовью сердца, преданностію воли,—охранять безпрекословнымъ исполненіемъ Его царской воли и всецѣлымъ повиновеніемъ Его царскимъ законамъ, не допускающимъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстію. „Неприкосновенность Всероссійскаго Престола и Самодержавія Государей нашихъ“ есть, по словамъ покойнаго Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, „основной принципъ существованія, безопасности, чести и славы нашего отечества,“<sup>1)</sup> Эта истина есть, по словамъ его же, *политическій догматъ* нашего отечества, безъ котораго нельзя быть русскимъ, какъ безъ вѣры во Христа—христіаниномъ“<sup>2)</sup>. Какъ церковные догматы не подлежатъ измѣненію и упраздненію, такъ и этотъ политическій догматъ не долженъ быть нарушаемъ вѣкогда, а долженъ оставаться въ полной неприкосновенности и цѣлости.

Наковецъ, третье основное начало, охраняемое и защищаемое теперь всѣми истинно-русскими людьми, это—*Отечество* наше или тотъ участокъ земли, который отведенъ Божественнымъ Промысломъ русскому народу для его великой миссіи среди другихъ народовъ, христіанскихъ и языческихъ. Но это начало должно быть разсматриваемо нами не въ смыслѣ только внѣшнемъ, т. е., не въ смыслѣ почвы съ ея богатыми дарами, лежащими на поверхности и въ нѣдрахъ ея, а и въ смыслѣ внутреннемъ, т. е., въ смыслѣ живущихъ на ней людей одного и того же племени и одной и той же вѣры. Отечество нельзя представлять себѣ безъ тѣхъ или иныхъ людей, населяющихъ

1) См. полное собраніе проповѣдей его. Изданіе совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. Томъ V (Дополнительный). Харьковъ. 1903 года, стр. 18.

2) Ibidem. стр. 19.

его. Отсюда вытекаетъ новое понятіе отечества, какъ народа, живущаго въ родной странѣ. Въ частности, наше отечество— Россія представляетъ собою многочисленный русскій народъ, широко раскинувшійся на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ,—русскій народъ, связанный одною и тою же вѣрою, Христовою, православною, и охраняемый однимъ и тѣмъ же Царемъ, Сильнымъ, Державнымъ.

Вотъ главнѣйшія, самобытныя и исконныя начала, которыя охранять, яко зеницу ока, призываются въ настоящее тяжелое время, переживаемое нами, не одни только люди консервативнаго направленія, а и люди противоположнаго ему либеральнаго направленія. Вотъ за что должны ратовать теперь всѣ сословія русской земли, тѣсно сплотившись между собою: и духовенство, и дворянство, и купечество, и мѣщанство, и крестьянство. О, если бы это было такъ на самомъ дѣлѣ! Въ дѣйствительности же мы видимъ иногда иное. Наши либералы не понимаютъ иногда истиннаго значенія христіанской свободы и смѣшиваетъ ее съ произволомъ, а потому ложно усвояютъ себѣ названіе либераловъ. „Къ свободѣ призваны мы“ (Гал. V, 13) всѣ, говоритъ намъ Слово Божіе,—какъ граждане и какъ христіане, и потому должны поступать, „какъ свободные“ граждане, получившіе свободу для дѣланія добра, и „какъ свободные“ христіане, т. е., „какъ рабы Богу“ (Рим. VI, 22) или „какъ рабы праведности“ (Рим. VI, 18), „освободившіеся отъ грѣха,“ (ib), а „не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла“ (1 Петр. II, 16), въ которомъ должно погибнуть всякое благо какъ личное, такъ и общественное. Прочь же отъ насъ эта ложная и пагубная свобода! Намъ нужно, въ виду этого зла, готоваго обезличить насъ совсѣмъ, еще тѣснѣе и крѣпче сомкнуться вокругъ престола нашего Возлюбленнаго Монарха. Если недавно на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“<sup>1)</sup>, устами и перомъ одного истиннаго дворянина, высказанъ былъ такой отвѣтъ русскаго народа: „мы съ Тобой, Государь“, то такой же отвѣтъ, въ частности, выскажемъ здѣсь и мы отъ лица нашего Россійскаго духовенства: „да, мы съ Тобою, нашъ Великій,

<sup>1)</sup> См. № 313 отъ 1904 г. „Петербургскія письма“. IV. Н. А. Павлова.

Богомъ хранимый и Богомъ умудряемый Государь, Помазанникъ Божій! Всегда мы съ Тобою душею своею, по въ особености мы съ Тобою тогда, когда находимся въ храмъ Божіемъ, когда стоимъ предъ Престоломъ Божіимъ и возносимъ молитву за Тебя и за врученную Тебѣ Богомъ Державу Русскую! „*О пособити и покорити подѣ нозѣ Его (Государя Императора) всякаго врага и супостата Господу помолимся*“; эта всеобщая церковная молитва становится въ настоящее время, въ виду переживаемыхъ нами событій, внѣшнихъ и внутреннихъ, еще нужнѣе и потребнѣе, еще чувствительнѣе и трогательнѣе, еще горячѣе и пламеннѣе въ устахъ и сердцахъ нашихъ, нежели въ какое-либо другое время.

*Священникъ Дмитрій Ромашковъ.*

## МЕДИЦИНА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

### I.

Вникая въ нужды деревенскаго населенія, приходится прійти къ тому заключенію, что медицинская помощь въ деревнѣ необходима въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ она существуетъ въ дѣйствительности. Стремясь къ возможно лучшей постановкѣ общественно-земской медицины, устраивая больницы, назначая участковыхъ и запасныхъ врачей, земство тѣмъ самымъ много облегчаетъ бѣдственное положеніе крестьянина въ деревнѣ. Однако едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что дѣло медицины въ деревнѣ оставляетъ желать лучшаго. Потребности въ медицинской помощи среди крестьянъ такъ велики, а лицъ, удовлетворяющихъ этимъ потребностямъ такъ мало, что вопросъ о расширеніи врачебной помощи въ деревнѣ является вопросомъ насущнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ быть поставлена хорошо медицина въ участкѣ, когда на одного земскаго врача приходится отъ 15 до 30 и болѣе тысячъ населенія? При этомъ надо принять во вниманіе и то обстоятельство, что эти 15—30 тысячъ населенія не сосредоточены въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ, а разбросаны по многочисленнымъ хуторамъ и поселкамъ, отстоящимъ отъ ме-

дицинскаго центра на 10—20 и болѣе версть. Чтобы быть полезнымъ населенію, врачъ не долженъ ограничиваться приѣмами въ больницѣ, онъ долженъ дѣлать выѣзды къ тѣмъ больнымъ, которые, благодаря своимъ недугамъ, не могутъ явиться на приѣмъ. Но возможно ли это? Имѣя въ своемъ вѣдѣніи территорію, радіусъ которой равняется двадцати верстамъ, наблюдая за больницею и ежедневно производя приѣмъ больныхъ, участковый врачъ не имѣетъ физической возможности всегда удовлетворять крестьянскія нужды на дому. Слѣдствіемъ такого положенія является беспомощность многихъ больныхъ, находящихся въ отдаленныхъ отъ больницы пунктахъ населенія. Здѣсь жизнь и смерть находятся въ постоянной борьбѣ между собою, и тамъ только побѣда на сторонѣ жизни, гдѣ смерть имѣетъ дѣло съ здоровымъ сильнымъ организмомъ..

Но не въ этомъ только бѣда. Настоящая бѣда коренится во взглядахъ крестьянина на медицину. Въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ бытовыми условіями жизни крестьянъ, съ ихъ векультурностію. Не тайна, что крестьянинъ до сихъ поръ еще не можетъ отрѣшиться отъ недовѣрчиваго отношенія своихъ предковъ къ медицинѣ. Вѣрныя традиціямъ старины, мистикъ по своимъ убѣжденіямъ, склонный во всемъ видѣть вліяніе сверхъестественныхъ силъ, крестьянинъ и на медицину переноситъ этотъ вѣками установленный взглядъ. „Всѣ мы подъ Богомъ“,—вотъ простая, но рѣшительная философія простолюдина. Богъ—причина всего, и благополучія, и несчастія, и здоровья и болѣзни. Отсюда отрицательное или по крайней мѣрѣ скептическое отношеніе къ медицинѣ.

Такое убѣжденіе на счетъ медицины имѣетъ важное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Задерживая распространеніе культуры среди простого населенія, оно тѣмъ самымъ даетъ возможность существованію и даже процвѣтанію по деревнямъ, а тѣмъ болѣе захолустнымъ хуторамъ, разныхъ недоучекъ и даже просто шарлатановъ. Я говорю о бабкахъ, разнаго рода заговорщикахъ и знахаряхъ, конечно, не въ средне-вѣковомъ, а современномъ смыслѣ. Будучи сами убѣждены на счетъ своихъ способностей, эти бабки и заговорщики стараются и другихъ убѣдить въ томъ же и такимъ образомъ от-

далить отъ рациональной врачебной помощи. Мнѣ приходилось бесѣдовать съ одною бабкою о земскихъ акушоркахъ. Бабка серьезнѣйшимъ образомъ, тономъ убѣдительнымъ, недопускающимъ возраженій, доказывала совершенную непригодность и бесполезность „ученыхъ“ акушеровъ... Ненужно закрывать глаза передъ дѣйствительностію чтобы отрицать существованіе подобныхъ личностей. Они не только существуютъ, но имѣютъ успѣхъ, не потому, что дѣйствительно помогаютъ больнымъ, а просто потому, что они ближе стоятъ къ народу и по своимъ приемамъ леченія удовлетворяютъ мистическому настроенію простолюдина. Всѣ ихъ дѣйствія обыкновенно сопровождаются таинственными шептаніями, молитвенными обращеніями и характерными тѣлодвиженіями. Уже однимъ этимъ они подкупаютъ въ свою пользу невѣжественныхъ мужиковъ, а удачная въ нѣкоторыхъ случаяхъ практика создаетъ имъ славу. Вотъ почему почти въ каждомъ селѣ можно найти такихъ „лекарей“, изощряющихся въ леченіи того или другого рода болѣзни: одни лечатъ заболѣвшихъ „съ глазъ“, другіе „переполохъ выливаютъ“, третьи „зубы заговариваютъ“, останавливаютъ кровотеченіе, лечатъ укушенныхъ змѣями, бѣшенными собаками и пр. По роду болѣзни существуютъ и спеціалисты. Хотя они не составляютъ активной силы давнопрошедшихъ временъ и не претендуютъ на признательность общества, въ которомъ они живутъ, однакожъ фактъ тотъ, что они существуютъ и существованіе ихъ вызывается нуждою.

Но если традиціонное недовѣріе къ медицинѣ благодаря постепенному распространенію культуры среди простого населенія „мало-по малу теряетъ свою прежнюю силу, то взамѣнъ его выступаетъ новый фактъ недовѣрія къ служителямъ медицины,—явленіе, рождающееся на почвѣ не нормальныхъ отношеній между врачомъ и паціентомъ—крестьяниномъ. Печальная исторія 70-хъ годовъ наглядно показала трагикомическую сторону хожденій въ народѣ интеллигенціи. Стремленія народниковъ сблизиться съ простымъ населеніемъ на началахъ цивилизаціи не увѣнчались успѣхомъ. То же самое можно нерѣдко наблюдать и теперь въ отношеніяхъ между врачами и крестьянами. И теперь между мужикомъ и интеллигентомъ—

врачемъ, можно сказать, пропасть. Чтобы установить нормальныя отношенія, необходимо или мужика поднять на степень современнаго просвѣщенія или интеллигенту—врачу спуститься до уровня мелочныхъ интересовъ. Но первое—вопросъ времени, неопредѣленнаго будущаго, быть можетъ, самаго отдаленнаго. Что касается до второго, то едвали кто изъ вкусившихъ сладость просвѣщенія сознательно станетъ погружаться въ тину мертвой безсодержательной жизни. На почвѣ разобщенности интересовъ и различія во взглядахъ и привычкахъ и рождается бессознательное отвращеніе въ мужику съ одной стороны и недоувѣрчивое отношеніе къ врачу—интеллигенту съ другой. Изъ недоувѣрія къ врачу рождается недоувѣріе къ правильному способу леченія.—„Наболталъ какой-то жидкости,—говорятъ крестьяне, пользовавшіеся искусствомъ врача,—пилъ, пилъ, никакого толку не получается, взялъ и бросилъ“. Оставляя правильное раціональное леченіе у доктора, паціентъ—крестьянинъ (чаще же всего представительницы женскаго пола) переходитъ къ старинному и болѣе сродному по духу способу леченія у доморощенныхъ спеціалистовъ. Здѣсь онъ въ родной средѣ, слышитъ излюбленныя опредѣленія болѣзней, знаетъ ихъ неизмѣнную, вѣковую причину (дурной глазъ),—и въ результатѣ—застарѣлая опухоль, изуродованныя части тѣла и поразительное количество смертей, между которыми первое мѣсто занимаютъ дѣти. Говорю это на основаніи опыта, доступнаго моему непосредственному наблюденію.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ, конечно, дѣлать тотъ выводъ, что крестьяне отрицаютъ медицину въ принципѣ. Въ противномъ случаѣ земскіе врачи были-бы не у дѣль. Нѣтъ, крестьяне не отрицаютъ медицины—они ее игнорируютъ. Они, если и обращаются къ врачу, то или въ случаяхъ ничтожныхъ или-же въ то время, когда болѣзнь запускается до того, что никакая медицина не можетъ уже оказать помощи. Примѣровъ можно было-бы представить не мало... Особенно даетъ себя чувствовать та характерная черта русскаго народа, которую приходится нерѣдко наблюдать и можно выразить въ словахъ: „дѣйствовать на авось“. Въ силу такой именно черты характера, нашъ крестьянинъ до послѣдней минуты надѣется

на благополучный исходъ болѣзни, поэтому и не прибѣгаетъ къ медицинской помощи. А когда уже дѣло приметъ серьезный оборотъ, тогда мужичекъ обращается къ врачу. Въ большинствѣ случаевъ, это бываетъ поздно, и больной умираетъ... Отсюда—нареканія на медицину, вѣрнѣе—на врача.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, психологическихъ причинъ, отдѣляющихъ крестьянъ отъ медицины, есть еще причины естественныя. Одною изъ такихъ причинъ является, напр., неудобныя способы передвиженія. Крестьянину часто приходится отказаться отъ медицинской помощи потому, что больной не въ состояніи вѣхать на простой телѣгѣ и особенно въ дурную погоду.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ причинъ является то, что смерть въ деревнѣ, не встрѣчая борьбы, уноситъ въ могилу ежегодно много жертвъ...

Особенно смертность наблюдается, какъ мы сказали, среди крестьянскихъ младенцевъ. Удивительно и вмѣстѣ съ тѣмъ характерно то явленіе, что крестьяне совсѣмъ не обращаются къ врачу съ дѣтскими болѣзнями. Этимъ въ свою очередь объясняется то обстоятельство, что Россія по числу дѣтскихъ смертей въ процентномъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Неужели же на все это надо смотрѣть закрытыми глазами?!

## II.

Въ періодической прессѣ уже давно подвергался и подвергается обсужденію вопросъ о введеніи преподаванія медицины въ духовныхъ семинаріяхъ... Это значитъ, что общество сознало необходимость медицинскихъ познаній для сельскихъ пастырей. Съ этимъ всякій долженъ согласиться. Чтобы не быть одностороннимъ, священникъ, врачъ и душевные недуги своихъ духовныхъ чадъ, долженъ врачевать и тѣлесные недуги.

Сельскій пастырь долженъ быть медикомъ въ силу обстоятельствъ. Всѣмъ извѣстно, что къ священнику обращаются всѣ его прихожане въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, съ которыми они сами справиться не могутъ. Они съ довѣріемъ относятся къ нему и вѣрятъ въ него, какъ непререкаемый авторитетъ. Между ними устанавливается духовная связь, какъ

между отцомъ и дѣтьми. Священникъ посѣщаетъ дома своихъ прихожанъ, бесѣдуетъ съ ними, узнаетъ ихъ нужды и даетъ тѣ или другіе совѣты. Входя въ домъ съ молитвой, священникъ сразу можетъ видѣть, благополучно-ли въ домѣ крестьянина или нѣтъ, всѣ-ли здоровы или есть больные? Чаше всего священнику приходится имѣть дѣло съ больными; его спрашиваютъ, что дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ болѣзни, какъ помочь больному? Что же можетъ священникъ сказать, когда онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ?! А какъ много сдѣлалъ бы онъ, если бы былъ въ курсѣ дѣла! Какъ много могъ бы онъ способствовать оздоровленію деревни! Вотъ что говоритъ по этому поводу д-ръ Буйницкій: „Если бы русскій сельскій пастырѣ обладалъ надлежащими медицинскими знаніями, т. е. предварительно проходилъ бы университетскій курсъ медицины, то идеальнѣе сельскаго пастыря, совмѣщающаго въ себѣ на ряду со своими богословскими знаніями еще знаніе медицины, нельзя было бы себѣ и представить. И въ самомъ дѣлѣ, кому не извѣстно, что священникъ по своей профессіи стоитъ весьма близко къ каждому своему прихожанину. Онъ входитъ, такъ сказать, въ самое святое святыхъ души любого изъ своихъ прихожанъ. Онъ, слѣдовательно, бываетъ освѣдомленъ самымъ интимнымъ образомъ со всѣми изгибами, особенностями и характеромъ психики всего прихода. А насколько это важно для врача, имѣющаго дѣло именно съ психо-физической организаціей своихъ пациентовъ, а не одной только физикой, объ этомъ едва ли нужно много распространяться“<sup>1)</sup>.

Англійскіе миссіонеры въ большинствѣ случаевъ наряду съ дипломомъ доктора богословія имѣютъ дипломъ доктора медицины, почему съ успѣхомъ совмѣщаютъ съ обязанностями пастырскими еще и функціи врача. Санитарное благосостояніе Швеціи очень много обязано пасторамъ. Будучи отлично знакомы съ основами общественной и индивидуальной гигіены и санитаріи, они являются дѣятельными разсадниками санитарныхъ познаній среди простого народа. Тоже самое было-бы и у насъ, если бы священники

<sup>1)</sup> Спут. Здоров. 1904 г. № 2.

были знакомъ съ медициной... Вотъ почему особенно желательно введеніе въ курсъ семинарскихъ наукъ медицины, хотя-бы въ ограниченной формѣ... Обладая элементарными свѣдѣніями по медицинѣ, священникъ можетъ быть самымъ дѣятельнымъ помощникомъ земскаго врача. Благодаря этому санитарное благосостояніе деревни поднялась-бы несравненно выше того состоянія, на которомъ оно стоитъ теперь...

Нѣкогда преподаваніе медицины и гигіены входило въ курсъ обязательныхъ наукъ духовно-учебныхъ заведеній. Въ настоящее время медициной занимаются въ 14 духовныхъ семинаріяхъ. Преподаваніе гигіены ведется въ 9-ти семинаріяхъ. Конечно, этому можно только радоваться. Но въ то же время *нельзя не пожелать, чтобы познанія по медицинѣ преподавались и вообще во всѣхъ семинаріяхъ...* Эти позванія принесли бы большую пользу духовенству въ дѣлѣ его нелегкаго служенія и несомнѣнно, особенно въ селахъ, содѣйствовали бы еще бѣльшему упроченію связи пастырей и пасомыми...

*Священникъ Николай Кротенко.*

### Кто имѣетъ право на посвященіе въ стихарь?

Въ виду множества прошеній отъ разныхъ лицъ о посвященіи въ стихарь, Высокопреосвященный Арсеній, нынѣ Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ бытность свою Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, предложилъ Консисторіи разсудить и показать— по правиламъ Церкви—кого слѣдуетъ посвящать въ стихарь и когда? По поводу этого предложенія Консисторіей заслушано было мнѣніе извѣстнаго канониста, профессора Казанской духовной академіи И. С. Бердникова. Считаю весьма нелишнимъ познать лицъ и нашей, Харьковской епархіи, интересующихся названнымъ вопросомъ,— какъ съ мнѣніемъ г. Бердникова, такъ и съ послѣдовавшимъ затѣмъ опредѣленіемъ Казанской духовной Консисторіи, *утвержденнымъ* Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ.

„Въ церковныхъ правилахъ, говоритъ профессоръ Бердниковъ, исправленіе обязанностей чтеца и пѣвца необходимо предполагаетъ Архіерейское посвященіе, соединенное съ дарованіемъ права носить стихарь, какъ знаменіе поставленія. Такъ,

въ 15 пр. Лаод. собора (по Кормчей) говорится: „Безъ малыхъ ризицъ никтоже на амвонъ да не въздетъ. Толкованіе: Не подобаетъ на амвонъ взыти никому же, ни пѣти, ни людямъ божественная словеса прочитати, аще священническаго постриженія на главѣ не иматъ и благословенія отъ своего пастыря“. Тоже, въ 33 пр. VI Всел. соб. и 14 пр. VII Всел. соб. (по книгѣ правилъ) и у Симеона Солунскаго (Новая Скрижаль ч. 3 § 3). Чтець и пѣвецъ, посвященный въ стихарь, пользуется всѣми правами, присвоенными его степени. „Онъ, по изображенію Симеона Солунскаго, божественная предъ народомъ прочитаетъ писанія, повелѣваемый отъ діаконовъ или іереевъ, въ олтарь входя, яко олтаря служитель, вжигаетъ свѣщи, огонь приносить іерею и предводитъ свѣщенося Святимъ Даромъ, просфоры, воду и теплоту приносить ему, украшаетъ суцая въ храмѣ, божественная предглаголетъ поющимъ пѣсни, сирѣчь канонархаетъ, и просто есть служитель божественныхъ дѣлъ во храмѣ“ (Новая Скрижаль ч. 3 § 2). Кромѣ того, въ древней вселенной церкви епископскими грамотами или указами иногда поручалось отправленіе нѣкоторыхъ обязанностей низшихъ клириковъ и лицамъ, правоспособнымъ къ полученію Архіерейскаго руковожденія, напр. двоеженцамъ (Вальсм. толк. на 17 пр. Апост.). Но всѣ эти исполнители церковно-служительскихъ обязанностей не стояли на ряду съ полноправными чтецами и пѣвцами и не могли исполнять болѣе важныхъ обязанностей церковнослужительскихъ, именно: не могли входить въ алтарь и совершать чтеніе и пѣніе съ амвона; ихъ полномочія ограничивались исполненіемъ низшихъ обязанностей при отправленіи богослуженія и по благоустройству храма. Каноническая норма относительно обязательности для полноправныхъ клириковъ Архіерейскаго руковожденія, предусмотрѣнная древними церковными правилами, рекомендовалась къ соблюденію и въ древне-русскихъ каноническихъ памятникахъ, какъ это видно изъ постановленій Владимірскаго собора 1274 г. (ст. 6) и святительскаго поученія новопоставленному іерею,—памятникъ, современнаго упомянутому собору. (Памятники древнерус. канон. права, стр. 99, 105). Запрещалось также ставить въ пономари двоеженца, ибо онъ не имѣетъ права входить въ алтарь (Святит. поученіе духовенству. Памятники древ. рус. ц. права, стр. 924). Въ ставленныхъ грамотахъ XVI в. дьячкамъ писалось: да иматъ власть на клиросѣ пѣть, и на амвонѣ прокимны глаголати, и чески чтенія, и нареміи, и апостоль, имѣя верхъ пострижень, нося краткій филовь (Акты

юрид. изд. Калач. 1838 стр. 410). Но практика не держалась строго канонической нормы, а обходилась нерѣдко безъ архіерейскаго посвященія чтецовъ и пѣвцовъ. Такъ, наприм., въ XVII в. Московской епархіи чтецы и пѣвцы назначались только посредствомъ указовъ (Розановъ—Исторія Москов. еп. управленія ч. 1, стр. 68). Только митрополитъ Платонъ (Малыновскій) первый изъ московскихъ архіепастырей сталъ посвящать въ стихарь церковно-служителей при самомъ ихъ назначеніи на мѣста, но и онъ посвящалъ не всѣхъ, а только искусныхъ въ чтеніи и пѣніи. Въ указѣ такимъ церковно-служителямъ прибавлялось (дьячкомъ или пономаремъ) быть и во время св. литургіи чести посланія апостольскія на амвонѣ въ стихарѣ; такожь и прочее по должности дьячковой въ церкви на священно-служеніяхъ отиравлять тебѣ въ стихарѣ и т. д.—А двоеженцамъ въ самомъ указѣ прописывалось „и точію за двоеженствомъ стихаря тебѣ на себя палатать не велѣно“. (Розановъ ч. 2, кн. 1, стр. 70, 115 и 116; кн. 2 стр. 277 и 278). При Московскомъ митрополитѣ Платонѣ II (Левшинѣ) стихарь давался лучшимъ церковно-служителямъ, уже послѣ взвѣстнаго числа лѣтъ службы, по особому прошенію самихъ церковниковъ, или по ходатайству за нихъ мѣстныхъ священниковъ съ прихожавами. При прошеніи о посвященіи въ стихарь предлагался указъ причетника—на его должность. (Розановъ ч. 3, кн. 1, стр. 57—58). Этотъ Архіепастырь, между прочимъ, не позволялъ употреблять дѣтямъ въ церкви одежду на подобіе стихаря (примѣч. 315, стр. 106). Въ перепискѣ московскаго митрополита Филарета упоминаются указыны причетники, (письмо 22-е къ Гавріилу, Архіеп. Рязанскому, отъ 8 сентября 1831 г. Чтен. Общ. Ист. и Древ. 1868 г. т. 2, отд. 5 стр. 139). Этимъ дается понятъ, что въ то время стихарь былъ удѣломъ только лучшихъ, а не всѣхъ церковниковъ. При москов. митроп. Филаретѣ и чрезъ его посредство разъясненъ былъ вопросъ о церковникахъ—двоеженцахъ въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) двоеженство причетника допускается только въ томъ случаѣ, если при церкви есть другой причетникъ, могущій исправлять алтарную должность. 2) Причетнику—двоеженцу не дозволяется употреблять стихарь и входить въ алтарь. 3) При церкви, гдѣ одинъ причетникъ двоеженецъ, другой не допускается до вступленія во второй бракъ, а если признается сіе нужнымъ, то обязанъ перейти къ другой церкви, гдѣ есть другой причетникъ, безпрепятственно могущій исправлять алтарную должность (Дѣло арх. Св. Свн. 1849 г. № 2286, Собр. мѣст. митроп.

Фаларета, томъ дополнительный, стр. 274—276. Ср. Чтен. Общ. Ист. и Др. 1868 г. т. 2, отд. 5, стр. 188). Изъ краткаго обзорѣнія фактовъ исторіи и положительнаго церковнаго права вытекаютъ слѣдующія положенія: по строгому праву, стихарь составляетъ принадлежность степени церковно-служителя и долженъ даваться вмѣстѣ съ этою степенью: только причетникъ, вмѣющій только стихарь, есть полноправный церковно-служитель, могущій исполнять всѣ обязанности, свойственныя этой степени, въ особенности читать и пѣть на амвонѣ и исполнять алтарную должность. Если же церковная практика прошедшаго и настоящаго времени уклонилась отъ этой строгой канонической нормы и довольствуется, большею частію, причетниками безстихарными, то это зависитъ отъ недостатка вполне подготовленныхъ къ прохожденію должности причетника лицъ. Назначая на мѣста причетниковъ только посредствомъ указа, безъ посвященія въ стихарь, церковная власть выражаетъ этимъ свою неувѣренность въ достоинствѣ назначенныхъ лицъ и ждетъ отъ дальнѣйшей ихъ службы и жизни удостовѣренія въ ихъ полной пригодности на указанномъ мѣстѣ службы, и когда это удостовѣреніе получится, сообщаетъ посвященіе въ стихарь, какъ достойному должное. Если же практика сгладила на дѣлѣ различіе въ положеніи и богослужебныхъ правахъ причетниковъ указныхъ и причетниковъ стихарныхъ, дозволяя и первымъ входить въ алтарь исполнять алтарную должность, то это есть ослабленіе церковной дисциплины,—явленіе, параллельное дозволенію входить въ алтарь и простому мірянину, которое нынѣ практикуется, вопреки 69 правилу VI всел. собора. Что касается условій, какія необходимы для полученія стихаря, то они заключаются въ нравственной чистотѣ жизни причетниковъ, въ образовательномъ ихъ цензѣ и въ практической подготовленности къ исполненію церковнаго чтенія и пѣнія. Нравственныя качества имѣютъ безусловное значеніе, они тѣже самыя, какія требуются по церковнымъ правиламъ и отъ кандидатовъ діаконства и священства. Образовательный же цензъ имѣетъ условное значеніе, устанавливается требованіями времени. Тамъ, гдѣ существуютъ школы для приготовленія къ должности псаломщика, школьная программа этого заведенія и можетъ служить мѣркою требованій отъ желающаго поступить въ псаломщика. Общая же норма въ этомъ отношеніи установлена въ опредѣленіи Св. Синода, отъ <sup>21 декабря</sup> 28 января 1884/5 г., п. 9: на

должность псаломщика, при недостаткѣ въ лицахъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, епархіальнымъ Преосвященнымъ предоставляется назначать лицъ безукоризненнаго поведенія, твердыхъ въ знаніи церковнаго устава и искусныхъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ. Къ этому надо прибавить еще знаніе катихизиса, хотя враткаго; это требованіе предъявлялось для посвященія въ стихарь еще въ XVIII вѣкѣ“.

Обсудивъ изложенное, Консисторія опредѣлила: почтительнѣйше доложить Его Высокопреосвященству, что право быть посвященнымъ въ стихарь простирается только лишь на лицъ, вполне подготовленныхъ, какъ по умственному развитію, такъ и по нравственнымъ качествамъ къ прохожденію должности церковнослужителя, каковыми лицами, на основ. опредѣл. Св. Синода <sup>21 декабря</sup> <sub>28 января</sub> 1884 г., и признаются всѣ окончившіе курсъ воспитанники семинаріевъ. Что же касается прочихъ лицъ, допускаемыхъ къ прохожденію псаломщическихъ должностей, лишь по недостатку на оныя полноправныхъ кандидатовъ, то принимая во вниманіе, что на основаніи практики древней вселенской церкви и мѣстной высочайшихъ въ церкви русской іерарховъ, митрополитовъ московскихъ Платона и Филарета, не всѣ изъ опредѣляемыхъ на псаломщическія должности удостоивался посвященія въ стихарь, а только лучшіе, болѣе искусные и опытные въ чтеніи и пѣніи и притомъ не сразу по назначеніи, а послѣ известнаго числа лѣтъ службы, по особымъ прошеніямъ самихъ церковниковъ или ходатайствамъ за нихъ мѣстныхъ священниковъ,—консисторія полагаетъ 1) допускать къ посвященію въ стихарь только тѣхъ псаломщиковъ, кои, хотя и не окончили полнаго семинарскаго курса, но имѣютъ всеже достаточный образовательный цензъ, т. е. вышедшихъ изъ какого либо класса семинаріевъ, или же окончившихъ полный курсъ духовныхъ или двухклассныхъ городскихъ училищъ,—или въ крайнемъ случаѣ—удовлетворительно сдавшихъ установленный для псаломщиковъ экзаменъ. 2) Такъ какъ стихарь есть для псаломщика почетное отличіе, дѣлающее его полноправнымъ церковникомъ, то посему консисторія полагаетъ, что и изъ упомянутыхъ въ первомъ пунктѣ лицъ не всѣ могутъ просить посвященія въ стихарь, а только тѣ, кои окажутся болѣе искусными и опытными въ чтеніи и пѣніи, а также усердными къ посѣщенію храма Божія, благоговѣйными въ отравленіи службъ церковныхъ, безукоризненными въ нравственномъ отношеніи, благо-

примѣчнѣе въ своемъ вѣдѣннѣ поведеніи и подающнми въ этомъ отношеніи своимъ прихожанамъ добрыя примѣры; кромѣ сего, рекомендовать чрезъ благочинныхъ ищущимъ посвященія въ стихарь псаломщикамъ, чтобы они подавали объ этомъ прошенія не ранѣе, какъ прослуживъ въ должности псаломщика около 2—3-хъ лѣтъ, и къ прошеніямъ симъ непременно бы прилагали одобрительныя отзывы о себѣ мѣстныхъ благочинныхъ \*).



### *Обнародованіе посланія Святѣйшаго Синода.*

23-го января, въ воскресенье, въ городѣ Харьковѣ, въ кафедральномъ соборѣ, Покровскомъ монастырѣ и во всѣхъ приходскихъ храмахъ было обнародовано „Посланіе Св. Синода къ возлюбленнымъ чадамъ Православной Всероссійской Церкви“ по поводу уличныхъ беспорядковъ, произведенныхъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ подъ вліяніемъ злонамѣренныхъ людей рабочими разныхъ заводовъ и фабрикъ. Еще заранѣе въ храмахъ и въ мѣстныхъ газетахъ было объявлено о предстоящемъ прочтеніи сего посланія. Населеніе города, только отчасти знавшее изъ газетныхъ телеграммъ объ указанномъ посланіи, ждало его обнародованія съ понятнымъ интересомъ, надѣясь въ немъ найти авторитетный голосъ о переживаемыхъ событіяхъ и утѣшеніе среди общаго смущенія.

23-го января всѣ городскіе храмы были переполнены народомъ, въ особенности Кафедральный соборъ, гдѣ совершалъ божественную литургію Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, въ сослуженіи съ высшимъ городскимъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи, Высокопреосвященный Архіепископъ прослѣдовалъ изъ алтаря на амвонъ, въ сопровожденіи всего сонма городского духовенства, для выслушанія посланія. Священникъ Кафедральнаго собора отецъ Григорій Виноградовъ внятно, громко прочелъ посланіе среди наступившей тишины. Видно было, съ какимъ затаеннымъ вниманіемъ народъ выслушивалъ его; непосредственно каж-

\*) „Изв. по Каз. еп.“ 1898 г. № 22, стр. 936—940.

дымъ ощущалась важность переживаемаго момента и сила материнскаго зова Святой Церкви ко всеѣмъ русскимъ людямъ о взаимномъ умиротвореніи, о вѣрности вѣковымъ устоямъ народной жизни и объ единеніи силъ для дружнаго отпора языческому врагу. Посланіе каждымъ словомъ своимъ глубоко ударило въ сердце русскаго человѣка; чувствовалась особенная потребность въ данную минуту вознести моленіе о подкрѣпленіи всеѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества благодатною помощію Свыше... По прочтеніи Посланія, было совершено молебное пѣніе Господу Богу о прекращеніи крамолы и смуты внутри государства, о непремѣлимомъ благоденствіи Вѣдущаго земли русской, объ одоженіи враговъ внутреннихъ и вѣншихъ и славѣ христолюбиваго воинства. Въ концѣ молебна, при возгласѣ протодіакона: „Паки и паки, преклонше колѣна, съ умиленіемъ помолимся“, все, какъ одинъ, опустились на колѣни, и среди благоговѣйной тишины Высокопреосвященный Архіепископъ произнесъ съ глубокимъ волненіемъ умилятельную молитву о мирѣ родины, огражденіи Благочестивѣйшаго Государя Императора отъ всякаго злого обстоянія на всеѣхъ путяхъ его, о дарованіи побѣды христолюбивому воинству и воздаяніи вѣнцовъ нетлѣнныя навшимъ защитникамъ отечества. Слова молитвы глубоко западали въ души и вызывали пскреннія слезы у молящихся... Молебенъ былъ заключенъ возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору и Царствующему Дому, Державѣ Россійской и христолюбивому воинству, и—вѣчной памяти навшимъ на полѣ брани.

Подобныя же молебны, по прочтеніи Посланія, были совершены, послѣ раннихъ и позднихъ литургій, во всеѣхъ приходскихъ храмахъ города Харькова.

*Священникъ П. Томинъ.*

*Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, гимназіи Д. Д. Оболенской.*

12 января, въ 11 часовъ дня, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, посѣтилъ женскую гимназію Д. Д. Оболенской. Встрѣченный въ вестибюлѣ гимназіи попечительницей ея, Д. Д. Оболенской, предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, д. с. с. проф. А. К. Погорѣлко, и начальницею гимназіи, М. Д. Борщъ, его Высокопреосвященство изволилъ прослѣдовать въ 8, 4, 3 и 2 классы гимназіи, гдѣ въ это время шли уроки по Закону Божію. Владыка преподалъ всеѣмъ ученицамъ архипастырское благословеніе и затѣмъ повелъ живую и высоко

назидательную бесѣду съ ученицами о различныхъ предметахъ изъ пройденнаго по курсу, обращая главнымъ образомъ вниманіе на степень общаго религіозно-нравственнаго развитія дѣтей, на ознакомленіе ихъ съ словомъ Божіимъ и на званіе молитвъ. Преподавъ затѣмъ благословеніе въ залѣ всѣмъ воспитанницамъ гимназій, его Высокопреосвященство посѣтилъ квартиру помещицы и отбылъ изъ гимназій около двухъ часовъ дня.

### *Возобновленіе духовно-нравственныхъ чтеній.*

Въ воскресенье, 23 января, въ зданіи Харьковскаго реального училища законоучителемъ училища священникомъ о. А. Юшковымъ возобновлены были духовно-нравственныя чтенія. Первое чтеніе „О святой землѣ, въ связи съ священными событіями, воспоминаемыми паломниками при посѣщеніи или той или другой мѣстности Палестины“, сопровождавшееся туманными картинами, привлекло значительное количество слушателей и притомъ не только изъ простонародья, но и изъ среды интеллигентной.

Къ началу чтенія прибылъ Преосвященный Алексій, Епископъ Сумскій, и, встрѣченный священникомъ о. А. Юшковымъ и директоромъ училища В. В. Шаховымъ, прошелъ въ аудиторію. Предъ началомъ чтенія хоръ реалистовъ подъ управленіемъ М. М. Новикова пропѣлъ: „Царю небесный“ и „Исхъ полла эти деспота“, а по окончаніи—концертъ „Воскликните Господеви“, „Достоинство“ и вторично „Исхъ полла эти деспота“.

Послѣ этого Епископъ Алексій обратился къ присутствующимъ съ краткой рѣчью, въ которой, между прочимъ, выразилъ свое удовольствіе по поводу всего слышаннаго и видѣннаго, благодарилъ директора за предоставленное для чтеній прекрасное помѣщеніе и просилъ слушателей почаще приходить сюда для слова назиданія, а затѣмъ, преподавъ архипастырское благословеніе всѣмъ желавшимъ принять его, уѣхалъ. Слѣдующее чтеніе въ воскресенье, 30 января. Начало въ 6 час. вечера. (Ю. К.).

### *Памяти священника О. І. Хорошкова, † 6 января, 1905 г.*

6 января 1905 года, волею Божіею, скончался священникъ Николаевской церкви села Груни, Лебединскаго уѣзда, о. Феодоръ Іаковлевичъ Хорошковъ. Окончивъ въ 1904 г. курсъ Харьковской Д. Семипаріи, полный крѣпости и силъ, пося въ своей душѣ желаніе посвятить свои силы на служеніе Святой Православной Церкви, онъ посѣшилъ занять, предоставленное ему Высокопреосвящен-

нымъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ Арсеніемъ, священническое мѣсто въ упомянутомъ селѣ. 21 ноября онъ былъ посвященъ Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Сумскимъ, въ санъ діакона, а 28 н. Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ—въ санъ священника.

6 декабря о. Теодоръ началъ служеніе въ своей приходской церкви. Съ первыхъ же поръ онъ старался вѣрно исполнить свой пастырскій долгъ, благолѣпно совершая богослуженія и требы и преподавая пастырскія назиданія насомымъ... Но не долго судилъ ему Господь Богъ священствовать! Обходи предъ праздникомъ Рождества Христова дома прихожанъ съ молитвою, о. Теодоръ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ... Вольшая, неизмѣримая печаль объяла родителей, братьевъ и родственниковъ молодого пастыря! Были приняты врачевныя мѣры къ облегченію и выздоровленію болящаго. Но Господь въ несповѣданныхъ путяхъ Своего Премудраго Промысла судилъ иначе... 6 января о. Теодоръ, волею Божіею, скончался. На другой день совершенно было его погребеніе въ оградѣ церкви, близъ алтаря... Совершилась воля Божія!..

Да дастъ же Господь почившему вѣчную радость во царствіи своемъ!.. Вѣчная ему память!..

Н. Х—ва.

## Иноепархіальный отдѣлъ.

*Объ участіи прихожанъ въ церковно-приходскомъ управленіи.*

Желаніе прихожанъ принимать дѣятельное участіе въ церковно-приходскомъ управленіи и осуществлять гласный контроль надъ распоряженіемъ со стороны мѣстнаго „духовнаго начальства“ жертвуемыми ими суммами проявляется все чаще и чаще и показываетъ, что необходимость измѣненія порядка церковно-приходскаго хозяйства и всего приходскаго строя давно назрѣла. Предсѣдатель спась-угловскаго приходскаго попечительства, земскій дѣятель Духовщанскаго уѣзда, К. И. Ровинскій, недавно подалъ Об. Синоду жалобу на прештствіе со стороны мѣстнаго настоятеля храма развитію самодѣятельности спась-угловской церковной общины и на отказъ Смоленской духовной консисторіи признать

за церковной общиной право давать сдѣланнымъ ею пожертвованіямъ то назначеніе, которое она признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Дѣло это рѣшено Синодомъ въ пользу г. Ровинскаго.

Св. Синодъ предписалъ, какъ передаетъ „Днѣпр. Вѣсти.“, консисторіи немедленно вернуть Спась-Угловскому приходскому попечительству деньги и холсты, забраные бывшимъ церковнымъ старостой с. Спась-Угловъ съ вѣдома настоятеля, пожертвованные прихожанамъ въ распоряженіе г. Ровинскаго на опредѣленную цѣль и самовольно затраченные старостой на ремонтъ главнаго храма.

Рѣшеніе Синода имѣетъ принципиальное значеніе. Высшей церковной властью разрушены канцелярскія хитросплетенія формальнаго свойства, и за церковной общиной (общее собраніе прихожанъ) признаны извѣстныя права на участіе въ распоряженіи церковнымъ имуществомъ. Энергія, проявленная Спась-Угловскимъ приходскимъ попечительствомъ, имѣетъ, какъ слышала газета, тотъ благой результатъ, что въ послѣднее время настоятель храма въ с. Спась-Угловъ по всѣмъ дѣламъ храма совѣщается съ общимъ собраніемъ прихожанъ, т. е. признаетъ существованіе и право церковной общины. (С. Л.)

*Церковныя бібліотеки, какъ мѣра для поднятія религіозно-нравственнаго состоянія народа.*

По возбужденному земскимъ начальникомъ 4-го участка Орловскаго уѣзда ходатайству объ учрежденіи духовно-книжной торговли при церквахъ трехъ сельъ резолюція Преосвященнаго Орловскаго и Сѣвскаго Киріона послѣдовала таковая: „не подлежатъ никакому сомнѣнію, что нашъ простой народъ нуждается въ поднятіи религіозно-нравственнаго своего уровня. Прежнія сердечно-умилительныя отношенія къ Богу, къ его святой церкви ослабѣваютъ. Отрицательный духъ времени понемногу коснулся и души постолюдина. Подобное равнодушіе, особенно успливающееся въ послѣднее время, благодаря заводско-фабричнымъ центрамъ и нѣмецкимъ колоніямъ, заставляетъ пастырей церкви принять, съ своей стороны, цѣлесообразныя мѣры противъ этого зла. Одною изъ лучшихъ мѣръ для поднятія религіозно-нравственнаго состоянія простаго народа является учрежденіе при сельскихъ церквахъ бібліотекъ. Пастыри церквей, располагая всѣми моральными средствами, должны руководить этимъ дѣломъ, пріучая прихожанъ пользоваться книгами

церковной библіотека. Понятно, пользование книгами должно быть бесплатное. Чтеніе духовно-нравственныхъ книгъ, являясь душевнспасительнымъ занятіемъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснымъ средствомъ къ самообразованію и саморазвитію. Но, чтобы столь важное дѣло приносило благіе плоды, его слѣдуетъ вести благоразумно. Нужно производить строгій выборъ книгъ, такъ какъ далеко не всякая книга можетъ дать нравственно-чистую пищу. Имѣя подъ руками книги религіозно-нравственнаго содержанія и слушая по праздникамъ чтенія, прихожане поемногу приучились бы проводить воскресные и праздничные дни такъ, какъ подобаетъ проводить ихъ настоящему христіанину и были бы ограждены отъ постороннихъ вліяній“.

## Разныя извѣстія и замѣтки.

### *Правительственное сообщеніе.*

Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ 19 января принять въ Царско-сельскомъ Александровскомъ дворцѣ депутацію отъ рабочихъ Петербургскихъ фабрикъ и заводовъ. Въ часъ пополудни депутація, въ составѣ 34 человекъ, прибыла въ Императорскій навпльонъ Царкосельской желѣзной дороги, а оттуда по Царскому пути доставлена въ Царское Село. Депутацію сопровождалъ Петербургскій генераль-губернаторъ, свиты Его Величества генераль-маіоръ Треповъ. У Императорскаго навпльона въ Царскомъ Селѣ ожидали придворные экипажи, а для рабочихъ линейки, на которыхъ они были доставлены въ Александровскій дворецъ и помѣщены въ Портретномъ залѣ. Въ 3 часа пополудни изъ внутреннихъ покоевъ изволилъ выйти Государь Императоръ, въ сопровожденіи Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ, генераль-адютанта барона Фредерикса, Министра Финансовъ, статсъ-секретаря Коковцова, дворцоваго коменданта генераль-адютанта Гессе, начальника канцеляріи Министра Императорскаго Двора свиты Его Величества генераль-маіора Мосолова и гофмаршала Высочайшаго Двора графа Бенкендорфа. Его Императорское Величество милостиво поздоровался съ рабочими, встрѣтившими Го-

сударя Императора низкимъ поклономъ. Обращаясь къ депутаціи, Его Величество произнесъ слѣдующее:

„Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашимъ товарищамъ. Прискорбныя событія съ печальными, но неизбежными, послѣдствіями смуты произошли отъ того, что вы дали себя вовлечь въ заблужденія и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины. Приглашая васъ идти подавать Мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего правительства, насильно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго врага. Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбежно вызываетъ и неповинныя жертвы. Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многого надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ, и считаться съ условіями нашей промышленности, но мятежной толпою заявлять Мнѣ о всѣхъ нуждахъ—преступно. Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ. Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ. Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему и, благословясь, принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами и да будетъ Богъ вамъ въ помощь“.

Послѣ обращенія къ депутатамъ, Государь Императоръ изволилъ обходить ихъ и многихъ удостоилъ милостивыхъ словъ. По выходѣ изъ дворца депутаты вошли въ Знаменскую церковь, гдѣ, сотворивъ молитву, приложились къ святымъ иконамъ. Изъ церкви депутаты были доставлены въ зданіе бывшаго лицей, гдѣ имъ былъ предложенъ обѣдъ. Къ 5 часамъ пополудни они возвратились въ Петербургъ. Во время обѣда депутатамъ были розданы гектографированные листки съ милостивыми словами Государя Императора.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА  
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БЕЗЦЕНЗУРНУЮ ГАЗЕТУ,  
выходящую въ двухъ изданіяхъ подъ редакціей П. В. БЫКОВА,

# С Л О В О

съ доставкою и пересылкою.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.							
	р.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.							
I изданіе . . .	12	11	—	10	—	9	8	—	7	—	6	5	—	4	3	—	2	1	—
За границу . . .	20	19	—	18	—	17	15	—	13	—	11	10	—	8	6	—	4	2	—
II изданіе . . .	5	4	70	4	40	4	3	70	3	40	3	2	50	2	1	50	1	—	50

Первое изданіе состоитъ изъ 8 стр. текста ежедневно и иллюстрированнаго приложенія два раза въ недѣлю.

Второе дешевое изданіе, состоящее изъ 4 стр. текста ежедневно, предназначено исключительно для провинціи и подписка на него отъ жителей С. Петербурга и Москвы не принимается.

Подписка принимается въ главной конторѣ газеты „СЛОВО“, Спб., Певскій, 92, и во вѣхъ большихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Изд. Н. Н. Перцовъ.

Ред. П. В. Быковъ.

Открыта подписка на 1905 годъ на ДВА изданія:

ЕЖЕДНЕВНАЯ  
ГАЗЕТА

## „НОВОСТИ ДНЯ“

XXIII-й  
годъ.

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Грозныя событія на Дальнемъ Востокѣ, приковывающія къ себѣ напряженное вниманіе нашего общества находятъ въ „Новостяхъ дня“ полное отраженіе. Газета ежедневно имѣетъ телеграфныя корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій. Въ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ листахъ эти событія обильно иллюстрируются, преимущественно фотографіями, доставляемыми нашими корреспондентами фотографами на театрѣ войны.

Подписная цѣна: на годъ—8 р., 6 мѣсяцевъ—5 р., три мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяць 1 р.

II. еженедѣльный иллюстри-  
рованный журналъ

## „С Е М Ь Я“

Тринадцатый годъ  
изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „Семья“ представляетъ собою вполне излщное изданіе, въ которомъ помѣщается разнообразный интересный текстъ масса портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусства и т. п. и рисунковъ, иллюстрирующихъ злобы дня.

Большое вниманіе удѣляетъ журналъ военнымъ событіямъ, иллюстрируя ихъ большимъ количествомъ рисунковъ и фотографій и печатая еженедѣльные военныя обозрѣнія.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою—8 р. | Адресъ Москва, Красныя ворота с.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Фикарета, митроп. Московскаго“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. Н. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ воихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Бритическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованіе евреевъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) вилчательно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единавѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Павла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Вѣллева.—„Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Флаголева.—„Философія мовизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ливидкаго.—„Законы причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новейшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Саволова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилгова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Свєспирова.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законы жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фунлье и многихъ другихъ философовъ.

# ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакцією литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакция~~ Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплатили своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНОНЦІЙ  
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ КОТОМИНЪ.